

ПОВСЕДНЕВНАЯ
ЖИЗНЬ
ОСАЖДЕННОГО
ЛЕНИНГРАДА

В ДНЕВНИКАХ
ОЧЕВИДЦЕВ
И ДОКУМЕНТАХ

Коллектив авторов Повседневная жизнь осажденного Ленинграда в дневниках очевидцев и документах

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66623360

Повседневная жизнь осажденного Ленинграда в дневниках очевидцев и документах: Кучково поле; Москва; 2021

ISBN 978-5-907171-12-1

Аннотация

В представленном труде показана повседневная жизнь осажденного Ленинграда, блокада которого продлилась 872 дня. В письмах, дневниках и воспоминаниях ленинградцев воссоздается картина жизни города в условиях блокады: эвакуация, усилия властей и простых ленинградцев в борьбе с голодом и холодом, создание Дороги жизни по льду Ладожского озера зимой 1941–1942 гг., налаживание связи с «большой землей» и героические попытки Красной армии и ополченцев прорыва блокады, завершившиеся мощным наступлением и разгромом немецких войск под Ленинградом в январе 1944 г.

Представленные материалы отражают субъективное мнение их авторов, которые занимали разное социальное положение от рядовых горожан до руководителей заводов и партийных работников. Несмотря на то, что в сознании людей события могут искажаться самым невероятным образом, дневники и письма передают эмоции, чувства, настроения и сам дух эпохи, и только в них можно найти достоверное описание повседневной жизни.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

«Победоносная ленинградская трагедия»[1]	6
Б. А. Белов[4]. Воспоминания и дневник Июнь 1941 – май 1943	23
Первый бой	35
Перед боем	79
Ночь в полевом госпитале	87
Н. А. Бернгардт[16]. «Хочу и буду членом Ленинградской партийной организации!»	167
А. Г. Берман[18]. «На учете каждый грамм хлеба»	183
А. М. Буянов[19]. «Все силы отдам борьбе за дело партии...»	200
В. С. Владимиров[22]. «Умер еще один брат...»	252
А. П. Гришкевич[23]. «Они собирали карточки... и распределяли хлеб среди дистрофиков»	271
А. Ф. Евдокимов[24]. «Кто будет жив, тот никогда не забудет эти дни...»	280
Конец ознакомительного фрагмента.	293

Повседневная жизнь осажденного Ленинграда в дневниках очевидцев и документах

© Давид В. М. вступит ст., коммент., 2019

© ООО «Издательство «Кучково поле», 2021

«Победоносная ленинградская трагедия»¹

*«Гордость ленинградцев не попорна, и мы с вами
не опозорили земли русской...»²*

Эта книга для тех, кто хочет узнать о блокаде из первых рук. Ее страницу за страницей писали ленинградцы, которым довелось прожить все 872 дня легендарной осады, самой продолжительной в новейшей истории человечества.

Голодная мучительная смерть сотен тысяч человек – чудовищное ничем не заслуженное испытание. Такого не должно быть никогда. Однако сдача города на милость победителя, то есть разграбление и уничтожение, в участи ленинградцев ничего бы не изменила. Путь к победе был один: стоять насмерть у стен города и наладить повседневную работу внутри. Общими усилиями бойцов Ленинградского фронта, краснознаменного Балтийского флота и населения город устоял под ударами врага и научился жить в условиях осады.

И тысячу раз прав второй человек в руководстве Ленинграда, секретарь горкома А. А. Кузнецов: «Наша русская национальная гордость, гордость ленинградцев не попорна, и

¹ Берггольц О. Ф. Дневные звезды. – Здесь и далее примечания составителя, если не указано иное.

² Секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) А. А. Кузнецов.

мы с вами не опозорили земли русской».

Сухопутную блокаду немцы установили 8 сентября 1941 года, после занятия города на берегу Ладожского озера с говорящим названием Шлиссельбург³. В сентябре и октябре Ленинград подвергался интенсивным бомбежкам с воздуха и артиллерийским обстрелам. Старики, женщины и дети погибали под развалинами домов и просто на улицах.

Мысли о возможной сдаче для спасения детей бродили в головах осажденных и даже обсуждались на страницах газеты «Ленинградская правда». Эта тема присутствовала в частных разговорах, о чем свидетельствуют ныне опубликованные сводки управления НКВД. Однако среди ленинградцев явно преобладали патриотические настроения. Отдельные попытки засланных врагом и самозванных агитаторов с помощью выкриков возбудить уличную толпу успехов не имели.

Первейшей задачей обороняющихся стало восстановление связи со страной. Все четыре железнодорожные линии были заняты неприятелем. Оставался один путь – водный. Чтобы выжить, Ленинграду пришлось срочно налаживать перевозки по Ладожскому озеру. Осенью – по воде, зимой – по льду.

Осенняя навигация 1941 года оказалась недостаточно продуктивной. Не хватало судов для перевозки людей и грузов. Причалы, склады, подъездные пути на восточном и юж-

³ Шлиссельбург – в переводе с немецкого «ключ-город».

ном берегу еще только возводились. На Ладожском озере часто штормило. В общей сложности 20 дней выход судов в озеро был запрещен из-за ненастной погоды.

Осень оказалась сравнительно короткой, уже в октябре ударили первые морозы. В середине ноября лед в Шлиссельбургской губе достиг минимально необходимой толщины. Открыл движение по ледовой дороге 21 ноября конный обоз. Через несколько дней пошли машины. На берегу озера оборудовали склады и авторемонтные заводы, из ленинградцев набрали водителей и бригады грузчиков. Ослабленные предшествующей голодовкой, не все мобилизованные выдерживали нагрузку, но те, кто выжили, втянулись в работу. Уже в феврале трасса заработала с приемлемой интенсивностью. В город пошли жизненно важные грузы, и в первую очередь продовольствие, топливо, оружие и боеприпасы.

Было принято решение начать массовую эвакуацию населения 6 декабря 1941 года, но затем его отменили. К эвакуации приступили только 27 января.

В тыл по ледовой дороге смогли выехать более полумиллиона ленинградцев. А еще вывозили необходимые на действующих на востоке страны предприятиях станки и промышленное оборудование. Беззаветные труженики ледовой дороги зимой 1941–1942 годов спасли Ленинград от гибели.

Блокадной зимой 1941/1942 года люди умирали в замерзших квартирах и прямо на улицах. Из-за отсутствия электричества остановились предприятия. Жители были цели-

ком поглощены заботами о собственном выживании.

Потом пришла весна. Город отогрелся на солнце, его очистили от снежных завалов и грязи, подлатали кровли, частично восстановили канализацию и водопровод. По дну Ладоги проложили трубу нефтепро-дуктопровода, электрический кабель и линии связи. Заработала, пусть и в ограниченном объеме, промышленность. Летом 1942 года из города эвакуировалось еще более 300 тысяч человек. Осенью в Ленинграде проживало чуть более миллиона горожан.

Войска Ленинградского, Волховского фронтов несколько раз попытались освободить город от осады. С сентября 1941 года с небольшими перерывами в верхнем течении Невы, на Волхове и в Южном Приладожье шли тяжелые, кровопролитные бои. В январе – мае 1942 года советские войска провели Любаньскую операцию, завершившуюся трагедией 2-й ударной армии.

Несмотря на неудачи, советское командование не оставляло попыток освобождения Ленинграда. В конце лета – начале осени войска Ленинградского и Волховского фронтов предприняли крупную наступательную операцию, получившую наименование 2-й Синявинской. Одолеть врага на подступах к Ленинграду и на этот раз не удалось.

Летом Гитлер отдал приказ о штурме. Из Крыма противник перебросил часть сил 11-й армии и тяжелую артиллерию. Тяжелые, кровопролитные бои продолжались несколько недель, но попытка штурма была сорвана.

Тем временем город учился жить и работать в условиях осады. Летом, кажется, все население от мала до велика занялось огородничеством – выращиванием овощей. Почти каждый желающий мог получить участок земли в городе для посева (посадки) овощей и картофеля. Под грядки вскопали газоны на улицах, в садах и парках. Посевы приходилось круглосуточно охранять. Голодные горожане готовы были есть рассаду и даже только пошедшую в рост траву. Городские предприятия обязали взять в пригородах землю для развертывания подсобных хозяйств. Специализированные учреждения, занятые изготовлением инвентаря и выращиванием семян, обязали приготовить для начинающих огородников рассаду, инвентарь, удобрения и агитационные материалы с советами о том, как вырастить высокий урожай. По осени устроили нечто вроде сельскохозяйственной выставки и, как принято, отметили отличившихся.

К новой зиме особо позаботились о заготовке дров. Каждое предприятие получило пустующий деревянный дом с неизменным условием разобрать на топливо для технических нужд и дрова для жилищ своих работников.

Летом в домах и на предприятиях подлатали стены и кровлю, отремонтировали канализацию. В трети жилых домов восстановили электроснабжение.

Враг был рядом и постоянно напоминал о себе. Воздушные бомбардировки стали относительно редкими, а вот артиллерия врага постоянно обстреливала город.

18 января 1943 года под Ленинградом одержана первая значительная победа. Войска Ленинградского и Волховского фронтов прорвали, наконец, ненавистную блокаду.

Части Красной армии пробили в обороне врага юго-западнее Шлиссельбурга узкий коридор. Это был важный успех. Через месяц в коридоре проложили железную дорогу, а через Неву навели деревянный мост. 7 февраля ленинградцы встретили первый эшелон с Большой земли. Железнодорожный путь Шлиссельбург – Поляны длиной всего 33 км действовал до 10 марта 1944 года. Всего по нему прошло 5440 поездов. Каждый такой эшелон заменял тысячу «полуторок», работавших на ладожской ледовой трассе. Всего по железной дороге в город ввезли более 4,5 млн т груза – продовольствия, топлива и сырья. По ней на Ленинградский фронт поступало пополнение, оружие и боеприпасы.

В сравнении с довоенной численность действующих предприятий существенно сократилась, но заводы продолжали выпускать военную продукцию. После начала войны относительно быстро предприятия мирных отраслей перешли на выполнение оборонных заказов. Заводы оборонного профиля наращивали объемы выпуска продукции. Как известно, Ленинград был одним из крупнейших промышленных центров страны. Однако после начала осады объемы производства стали резко падать. Немалое число заводов было эвакуировано в тыл. В первом квартале 1942 года из-за нехватки электроэнергии подавляющее большинство предприятий

остановились. С наступлением весны по мере частичного восстановления энергетической базы производство начало восстанавливаться. Основное внимание уделялось изготовлению боеприпасов и легкого огнестрельного оружия, в которых остро нуждалась действующая армия.

Работая над выполнением заказов фронта, руководители города думали о будущем. В 1943 году им удалось договориться в правительстве о включении ленинградских предприятий в народно-хозяйственные планы министерств и ведомств. На заводах начали размещать заказы на новые машины и оборудование для восстановления народного хозяйства на ранее оккупированных территориях. Город думал о восстановлении памятников. Открылось училище, готовившее мастеров-реставраторов: лепщиков, резчиков, маляров-альфрейщиков и др.

В Ленинграде в 1942 и 1943 годах работали два театральных коллектива – музыкальной комедии и драматический. Спектакли пользовались неизменным успехом. Театры отчитались в перевыполнении плана по доходам. В апреле 1942 года возобновились филармонические концерты классической музыки. На предприятиях и в воинских частях фронта и кораблях Балтфлота с концертами регулярно выступали артисты разных жанров – певцы, танцоры, музыканты, чтецы. В 1943 году вернулась труппа Большого драматического театра им. А. Горького. Весной 1942 года вновь открылся для посетителей зоопарк. Среди зверей тоже были жертвы.

Слониха Бетти погибла от разрыва бомбы 8 сентября 1941 года. В другой раз бомба разрушила обезьянник, и напуганные животные разбежались по всему району. Самка бегемота по прозвищу Красавица болела. Ее нежную кожу лечили камфорным маслом. Она пережила войну и умерла от старости в 1951 году.

После блокадной зимы возобновили работу некоторые дома культуры и клубы. Осенью 1942 года в Выборгском ДК проводили популярные среди молодежи вечера танцев.

Враг был по-прежнему рядом. Его артиллерия регулярно обстреливала город, неся смерть и разрушения. Военного смысла в этих обстрелах не было. К началу 1944 года немцы на всех фронтах полностью утратили стратегическую инициативу. Полное поражение Германии становилось неизбежным.

Решительное наступление под Ленинградом началось 14 января 1944 года. После мощнейшей артподготовки в атаку с Ораниенбаумского плацдарма пошли части 2-й ударной армии. На левом – в направлении Новгорода – действовала 59-я армия Волховского фронта. На следующий день от Пулкова пошли вперед на врага части 42-й армии. Немцы, выполняя приказ своего командования, оборонялись, но на этот раз не смогли удержать свои позиции. Немецкие части, занимавшие позиции в районе Тосно и Мги, не стали дожидаться, пока их атакуют, и предпочли отступить. Делали они это столь поспешно, что противостоящие им части 67-й армии

на какое-то время их потеряли.

Через неполные две недели боев под Ленинградом, когда враг на ближних подступах был практически разгромлен, Ставка по инициативе Военного совета Ленинградского фронта приняла решение отметить победу под Ленинградом специальным приказом и впервые произвести в городе 27 января 1944 года артиллерийский салют.

К концу января первый этап операции был завершен. Армии Ленинградского и Волховского фронтов прорвали противостоящие им рубежи обороны противника, перегруппировались и продолжили наступление в западном и юго-западном направлениях. К концу февраля – началу марта враг был отброшен от Ленинграда на 220–280 км и почти полностью освобождена Ленинградская область.

Три четверти века миновало с той славной и героической победы. За это время успело смениться несколько поколений ленинградцев. Город вернул себе гордое историческое имя, данное основателем, – Санкт-Петербург – город святого Петра. Но на страницах истории и в живой памяти горожан сохраняются люди и события легендарной обороны.

Вероятно, мы уже никогда не узнаем точное число погибших в городе в дни осады. Числа приводятся разные: от 632 тысяч (официальная статистика потерь, объявленная на Нюрнбергском процессе) и до более 1 миллиона, по оценке отдельных историков и журналистов, пишущих на тему блокады. Пережить блокадное лихолетье довелось, по некото-

рым данным, чуть больше полумиллиону ленинградцев. Эти люди своим мужеством, долготерпением, трудолюбием спасли и уберегли наш город от гибели.

* * *

«Красноречивые свидетельства событий» – так назвала Ольга Берггольц блокадные дневники ленинградцев. В них пишут о самом сокровенном и о повседневной жизни. В дневники записывают личное мнение и «оценочные суждения» авторов или услышанное по радио и вычитанное в газете. Люди порой легковверны, доверяют не только официальной пропаганде, но и слухам. В их сознании события могут искажаться самым невероятным образом. Дневники передают эмоции, чувства и настроения людей. И, наконец, только в них можно найти достоверное описание повседневной жизни.

Авторы занимали разное социальное положение – от рядовых горожан до руководителей заводов и партийных работников. Главные темы записей – обстрелы, бомбежки и недоедание, стремительно переходящее в голод.

Люди проявили терпение и надежду на улучшение в ближайшем будущем. Ответственность за происходящее целиком возлагалась на врага. Ленинградцы выражали готовность умереть, но не пустить немцев в город. Глухое недовольство и неприязнь вызывали работники торговли и обще-

ственного питания. Однако родные и близкие тех, кто имел непосредственный доступ к продуктам, считали их просто обязанными нести в семью с работы все что возможно. Не считалось зазорным покупать продукты у спекулянтов. Личное потребление управленческой верхушки в текстах известных мне блокадных дневников не обсуждается. Видимо, эта тема авторов не увлекала.

Мы ничего не знаем о прошлом авторов, кроме тех отрывочных сведений, что сообщают они о себе и своих близких. Люди пишут о повседневных заботах, голоде и холоде, пересказывают фронтовые сводки, размышляют на международные темы, вспоминают прошлое. Они верили в общую победу и очень хотели пережить блокадное лихолетье.

Боец-доброволец истребительного батальона Б. А. Белов описывает сбор ополченцев на Марсовом поле и в Летнем саду, первый бой, спустя несколько месяцев ночь в госпитале после тяжелого ранения, поиски женской привязанности, возвращение на завод, вечер танца в Выборгском дворце культуры.

Инструктор райкома партии Н. А. Бернгардт среди царской роскоши Петергофского дворца пьет водочку за встречу с другом, но пиршество прерывается вестью о начале войны. И в легком подпитии он спешит на службу в райком партии. Вскоре ему предстоит поездка в эвакуацию в качестве сопровождающего с детьми сотрудников райкома и возвращение в Ленинград.

А. Г. Берман повествует о работе, которую доверяют кристально честным (она контролер в районном учетном бюро по выдаче карточек), проверке всех, кто печатает, выдает и принимает карточки граждан, подавших заявление о выдаче карточек взамен утерянных. Рассказывает о смерти мужа и дистрофии как доказательстве добросовестного отношения к своим обязанностям.

Инструктор Василеостровского райкома ВКП(б) А. М. Буянов сообщает: первичные партийные организации не работают. Студенты университета отказываются идти в госпиталь помогать раненым... Он сам назначен в своем районе чрезвычайным комиссаром по уборке улиц и дворов и на посту помощника военного прокурора «не имеет права жалеть себя в яростной борьбе с внутренним врагом»...

Василий Владимиров – молодой человек, почти мальчик, рабочий одного из заводов, взялся вести дневник умершего младшего брата. Он посещает занятия в военно-учебном пункте, хочет поступить в Военно-морскую школу. Пишет о повседневных заботах: сколько удалось купить мяса, крупы, сухих овощей и т. д. В его семье пятеро: мама, брат отца дядя Федор и два брата – Григорий тринадцати лет и Николай, младший. Федор умер 10 февраля, Николай – 31 марта, Григорий – 27 апреля. Через три дня Василий Владимиров ушел на войну и никогда не вернулся. Эти жертвы приблизили победу?

Как помогают тем, кто погибает от голода у тебя на гла-

зах? Заведующий сектором печати ЛГК ВКП(б) А. П. Гришкевич рассказывает о трупах на улицах и пересказывает диалог между часто прилетавшим в Ленинград А. Косыгиным и директором Ленглавресторана Фельдманом: почему его сотрудники – народ стойкий.

Рабочий завода А. Ф. Евдокимов описывает завод, производящий снаряды для фронта, гибель товарищей, взрыв на железнодорожной станции Ржевка, соцсоревнование со смежниками, обернувшееся обвинениями в приписках...

В. М. Капитонова – заведующая отделом пропаганды и агитации Московского райкома ВКП(б) – рассказывает об ответственности за моральное состояние района, восстановлении районного Дома культуры, организации лекций для работниц и домохозяек и пользе изучения документов 15-го съезда ВКП(б).

Заместитель директора завода № 224 «Метприбор» А. Т. Кедров пишет о «карточных баталиях» блокадной зимой 1941–1942 годов. И без сомнения утверждает: «Для защиты любимого города не пожалею жизни!» В его повествовании о командировках по поручению Военного совета, ловле рыбы сетями, дружбе с командиром прославленной 8-й авиабригады Героем Советского Союза Преображенским и артистами Театра музыкальной комедии. Поездка к семье в эвакуацию.

М. М. Краков отмечает, что оказывается, жизнь зависит от таких мелочей, как ломоть хлеба, тарелка супа, стакан чая. Но в то же время, когда в 1943 году в город вернулся

БДТ, билеты на спектакли достать трудно. Автор побывал на концертах известного пианиста Я. Зака в Большом зале филармонии и популярнейшего артиста Леонида Утесова.

Инженер З. С. Лившиц описывает концерты академической музыки в классическом зале бывшей Александринки весной 1942 года, знакомые завсегдатаям исхудавшие лица музыкантов и публику «слишком упитанную, чтобы быть честной». По-довоенному слаженная игра оркестра... Дирижер К. И. Элиасберг в традиционном фраке, несмотря на холод в неотапливаемом зале... Здесь же воспоминание из далекого прошлого – «первый сейдер (торжественный обрядовый вечерний ужин) еврейской пасхи», пришедшийся в 1942 году на 20 марта. Мытарства с огородом в попытке вырастить для себя немного овощей.

Молодая женщина Е. И. Миронова вспоминает холодную больницу – «пустая койка, человека нет, а предметы сохранились», мучительную зиму, полную нечеловеческих страданий... хлебное место... работу писарем в продотделе и ощущение себя в окружении начальников маленьким ничтожным солдатом. Однако на фоне тяжелых бедствий появляются глубоко личные переживания – призрачное счастье в убогой землянке, верность прежней привязанности и рожденным детям. «И не видно конца проклятой войне...»

Во фрагменте воспоминаний военно-морского врача А. Г. Павлушкиной упоминается «странная смерть» бойцов от болезни, лечению которой не учили в медицинской академии –

дистрофии, свирепствовавшей в голодном Ленинграде.

Н. В. Рыбина вспоминает о тяжелой работе госпитальной медсестры, заботе о маленьком сыне, которого она вынуждена оставлять одного в пустой квартире, о задержании милицией при попытке обменять мужнины брюки на буханку хлеба. В результате ей удалось устроить сына в детский дом и уйти на фронт.

З. П. Синицина описывает военные будни политорганизатора домохозяйства № 124: «Ищу землю под огороды. Семян нет. Рассады нет. Спихнулись слишком поздно. Ф. скандалит и дерется. В милиции сказали, что помочь не могут. У К. болеют дети. Провели собрание. Повестка: текущий ремонт и международный обзор. Проверка выдачи продкарточек, занятие группы МПВО»...

Е. А. Соколова, исполняющая обязанности директора Института истории партии Ленинградского обкома ВКП(б), из всех сил старалась помогать тем, кто совсем отчаялся: «В райкоме секретарь заявил, что, может быть, придется раздавать охотничьи ружья <...> Уничтожаем архивы института <...> Бомбы падают на родной город <...> Удалось добиться прикрепления сотрудников института к столовой горкома ВЛКСМ <...> 15 ноября обеды резко ухудшились.

В дни и ночи осады рядом со взрослыми жили и умирали дети. Школьник Боря Храмов день за днем вел дневник. Никаких ужасов, только в воздушную тревогу уроки прерываются, учителя пропускают занятия, в класс приходят всего

несколько человек. Умирают родные и близкие, и, «наверное, уже пол-Ленинграда умерли».

Главное, что удалось осажденным ленинградцам сохранить человеческое достоинство. Враг, видимо, рассчитывал, что изголодавшиеся люди начнут грабить магазины, склады и станут из-за куска хлеба убивать друг друга. Исторически сложившиеся нормы цивилизованного существования устояли.

Каждый дневник интересен по-своему. Какой из них ярче и самобытнее, пусть читатель разбирается сам. Хотите понять прошлое – читайте дневники. Право, они этого заслуживают.

При подготовке к печати исправлены грамматические ошибки и грубые стилистические погрешности. Пропуски отмечаются отточием, вставленные слова выделены квадратными скобками.

В приложении к основной части помещается подборка документов властных органов, письма, просьбы и обращения ленинградцев. Большинство документов публикуется впервые.

Среди них – выписки из рассекреченных протоколов заседаний бюро горкома ВКП(б), протоколы заседаний Продовольственной комиссии ВС Ленинградского фронта, официальная переписка предприятий и учреждений с просьбами об открытии магазинов и о дополнительном питании. Интерес могут вызвать материалы обследования магазинов, сто-

ловых и прочих учреждений, занятых распределением продовольствия.

Книга предназначена для массового читателя.

Б. А. Белов⁴. Воспоминания и дневник Июнь 1941 – май 1943

«Германия нам объявила войну <...> Подал заявление – иду на фронт добровольцем <...> Со 2-го июля являюсь бойцом истребительного батальона войск НКВД <...> Садилась на машину босые и пьяные. Били себя в грудь и клялись стать героями. <...> Я подполз к нему, взглянул в его потухшие глаза и стало мне невыразимо грустно и пусто <...> Неожиданно прозвучала четкая громкая команда на немецком языке <...> Около двенадцати получили приказ спускаться на лед <...> Впереди шла разведка и саперы, с ними связисты, затем пешехотинцы <...>

Я лежу неподвижный, беспомощный <...> Прибыл в эвакогоспиталь <...> Вероятно, я в строй больше не вернусь. <...> Хлеба получаю 600 г, 30 г мяса и 50 г сахара <...> Сняли с учета на шесть месяцев <...>

В Ленинграде сложилась тяжелая атмосфера. У людей измученный вид. На лицах – печать усталости <...> Надо спасти Ольгу <...> 15-го у меня была Аня С. Война надоела

⁴ Борис Александрович Белов – боец истребительного батальона, комсорг ЦК ВЛКСМ Металлического завода (май 1943 – сентябрь 1944), самодеятельный поэт, печатался в заводской многотиражке. Дневник публикуется в авторской редакции с незначительными сокращениями (ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 9).

до чертиков. Народ едва стоит на ногах от усталости <...>

Володя Егоров привез мой обед и пол-литра водки <...> Выпили. Хорошенько закусили и поехали в Выборгский дворец культуры, там танцевали. <...> С 9-го работаю на заводе им. Сталина. В цехе холодно <...> Вчера и сегодня веселые сводки из-под Сталинграда <...>

В последние дни ходят упорные слухи, что на днях будут прорывать блокаду, что приехали Ворошилов и Жуков <...> На заводе всеобщее ликование, люди поздравляли друг друга, плакали и целовались. Я сам с трудом сдерживал слезы. <...>

Итак, я комсорг ЦК ВЛКСМ завода им. Сталина <...> Домой прихо – жу поздно. Устаю, но много делаю полезного. День проходит плодотворно. Ребята меня любят, ликуют, радуются моему возвращению в комсомол...»

Фрагмент неотправленного письма от 21 июня 1941 года
Ивану Калашникову:

«...Время сейчас тревожное, ожидательное.

Бикфордов шнур подожжен <...>

То, что я писал в последнее время – все мур амурная на кислой простокваше. Ничего меня не удовлетворяет. Пока пинешь – все кажется шедевром, а остынешь, присмотришься и становишься злым на себя, как человечество в наши дни. <...>

Пока нечем похвастаться. Сейчас суббота, 10 часов вечера. Ходил два часа по парку. Все в цвету. Вдохновлялся при-

родой и тоскливо смотрел на влюбленных, а пришел домой – растерялся, не знаю, что делать, и идти не к кому и ожидать некого, и пустота какая-то в комнате.

Все получается не так как надо, все наыворот. Все наоборот. Но, вероятно, скоро придется забыть о лирике. Не до нее будет. Жаркие дни не за горами. Будь счастлив. Не скачай обо мне, а главное – работай. Работа – забвение и счастье. Привет Фани. Желаю вам обрадовать всех крепким и буйным наследником. <...> Крепко жму руку...»

Воскресенье, 22 июня 1941 года

Солнечное утро. Южный ветер шевелит зеленые ветви. Ленинградцы выезжают в город, на дачи. Я поехал на Пороховые к Виктору Ивановичу. Застал его у мольберта. <...>

Он показал мне последние этюды и новый эскиз к картине «Перед грозой». <...> В его комнате весело, на стенах висят знакомые картины и натюрморты. <...> Пахнет скипидаром и красками. В распахнутые окна врывается аромат цветов. Они растут у него в палисаднике. Мы оба любим цветы. <...>

После обзора работ начинаем толковать об импрессионизме, его вождях и последователях. Переходим на современников. Я говорю об упадке буржуазного искусства и о младенчестве нашего, социалистического. У нас разгорается спор.

И этот момент в мастерскую с шумом вбегают младший брат Виктора и с мальчишеской запальчивостью сообща-

ет потрясающую новость. Германия нам объявила войну. Немецкие самолеты бомбили наши города.

Нам не верится. Быстро накидываем пиджаки и выходим на улицу. У репродукторов толпятся прохожие. Слышим слова диктора, повторяющего речь Молотова. Собственным ушам нельзя не верить!

Итак, война с фашизмом началась.

Не знаю почему, но у обоих вырвался вздох облегчения. Наконец-то! Последние годы каждый из нас знал и говорил в узком кругу, что война с фашизмом неизбежна. Атмосфера накалялась, и вот наступила развязка.

В последние недели велась лихорадочная подготовка, началась мобилизация. В народе ходили антигитлеровские анекдоты. Каждый, кто слушал радио, следил за печатью, посещал лекции о международном положении, знал, что бикфордов шнур подожжен.

Поездка Гесса в Англию вызвала много толков и опасений. Лекторий был переполнен. Народ ожидал войны и был уверен, что война не будет длительной, так как наша военная мощь значительно выше германской. Я с Виктором пошел в магазин купить вина. По дороге выпили по кружке пива. Надо было обсудить создавшееся положение. Искусство неожиданно само по себе отошло на задний план.

<...> Мы сидим за столом. Чокаемся. Пьем за нашу армию, ее вождей и наш народ. Мы твердо уверены в нашей победе

и почему-то думаем, что переживем эту страшную войну⁵.

Я недолго пробыл у Виктора. Надо было возвращаться домой, приступить к дневнику, к тому, что, может быть, меня дома ожидает повестка о явке в военкомат.

Прихрамывая, Виктор проводил меня до трамвая. Мы простились надолго.

Народ возвращался из пригородов. Трамвай был переполнен празднично одетой публикой. У всех возбужденные лица. На устах одно слово – «война». Это не война с Финляндией, которую Ленинград, находясь на пороге фронта, чувствовал только по затемнению, госпиталям и движению войск. Это война с Гитлером. Большая война. Война отечественная.

Проезжая по городу, заметил, что у магазинов собрались хвосты. Население начало панически запасаться продуктами.

В Лесном мимо дома проезжают машины, груженные скарбом дачников. Пропали авансы. Не до дач! Ни одного дачного сезона не успели провести ленинградцы в живописной Финляндии. Народ по-разному воспринял весть о начале войны. Одни со вздохом облегчения, другие с замиранием сердца.

⁵ Разве могли мы тогда знать, что пьем вместе в последний раз, что года не пройдет, как один из нас будет лежать в безвестной братской могиле, а другой станет инвалидом Отечественной войны – *Примеч. автора.*

Советские люди привыкли к газете и политике. Они настороженно смотрели на запад и восток. Войну с Германией ожидали. Опасались применения химии и бактериологии. Ежегодно проводились учения ПВО. Ожидали, что война с Германией станет прелюдией к большой войне с капиталистическим миром. Боялись остаться в этой войне одинокими. И вот схватка началась.

Город быстро принял воинственный вид. Пачками ловили «шпионов», задерживали подозрительных. Некоторым не повезло, и их по два или три раза окружала толпа, иногда избивали и всегда препровождали в милицию. В облавах на шпионов принимали участие все от мала до велика.

На стенах домов и заборах расклеены плакаты «За Родину!», «Родина-мать зовет!», «Смерть фашизму!», «Все как один на защиту Отечества!», «Все для фронта!», «На поддержку Красной армии могучее народное ополчение!».

И ополчение началось после исторической речи Сталина по радио от 3 июля.

В городе с первого дня было объявлено военное положение, полководцы Гражданской войны возглавили командование северо-западным, центральным и южным направлениями.

С 11 часов вечера и до 5 часов утра над городом выве-

шивают аэростаты. На набережных, мостах и крышах зданий установлены зенитные орудия и пулеметы. Комитет обороны издает указ за указом. Люди уходят на фронт. Цеха промышленных предприятий заметно пустеют. Даже попрощаться бывает некогда, а иным уже не с кем. Началась эвакуация. Мирные предприятия перестраиваются на военный лад: там, где делали игрушки или текстильные машины, стали делать пушки, минометы, бомбы.

Авиационную промышленность в первые дни эвакуировали в тыл. Ленинградцы с тревогой ожидают налетов на город немецкой авиации.

В те дни я записал в дневнике:

«Началась война с фашизмом, тот кто на фронте, быстро забудет, что такое покой и привыкнет к ужасам. Тот, кто останется в тылу, забудет отдых. Сны будут мятежны и непродолжительны. Это последняя война человечества. Социалистическая Россия призвана сыграть решающую роль в уничтожении войн посредством войны, войны необходимой, навязанной, справедливой. Наполеон сломал голову в России. То же самое произойдет и с Гитлером. Вечный мир воцарится на земле. Люди навсегда забудут страдания и несправедливость. Но никогда они не забудут нас, большевиков, людей мужественных, сильных, честных, самоотверженных и дальновзорких. Мы ожидали завязки, а теперь будем благополучно развязывать в свою пользу. Победа будет за нами! Вперед в бой!»

Период мирного строительства закончился. Заводы перешли на круглосуточную работу. Лозунг «Все для фронта, все для победы!» стал главным. Плакаты призывают молодежь к оружию и спрашивают: «Комсомолец, ты записался на фронт добровольцем?»

В ночь на 23-е я проснулся от выстрелов зениток. Вероятно, в город пытались прорваться неприятельские самолеты-разведчики. Ленинградцы плохо спали в первые ночи войны. По городу проезжали танки, проходила пехота.

Радио сообщало, что немецкие регулярные войска перешли границу от Балтики до Черного моря. Неприятельские бомбардировщики бомбили наши города. В Англии Черчилль заявил, что в войне произошел новый поворот и его страна поможет России в борьбе против Германии.

Сестра Катя мобилизована в Красную Армию.

Я работаю по 12–15 часов в сутки. Работаю с энтузиазмом. Очень устаю. Немецкие войска наступают. Каждое утро в цехе на политической карте Европы красные флажки отодвигаются к центру России.

У карты толпятся рабочие, недоумевают. Много разных толков. Люди жадно слушают сводки Совинформбюро, газеты расхватывают, у щитов с прессой постоянно толпится народ.

В воскресенье 29 июня приехал Самуил с Аней. Гуляли по парку. Настроение возбужденное, приподнятое. Ездили на Охту. Посетил Мишу Владимирова. Купил детям на про-

щение подарки. Заснял с крестником, потом с Самуилом. Аня уехала домой. Я с Самуилом поехал к Виктору Ивановичу. Пробыл там недолго. Самуил отправился домой. Я пошел к Седовым. Беседовал с Катюней. Она была рада, что я забронирован за заводом. Предложила нам пойти в загс зарегистрироваться. Оставляли ночевать. Я от всех предложений отказался. Не до этого. На уме – война.

2 июля написал Ивану Калашникову письмо и подал заявление – иду на фронт добровольцем. Работа на ум не идет. Даже стыдно оставаться на заводе. Я молод, силен, одинок, вдобавок считаю себя поэтом. Кому же как не мне с оружием в руках отстаивать независимость Родины. Иного выбора быть не может.

Поэт я довольно сырой, чтобы стихами вдохновлять народ и воинов на подвиги. А штыком владеть дело нехитрое. Пусть в тылу остаются более ценные люди, к тому же там хватает стариков, инвалидов, многосемейных и трусов. Мое место на поле сражения. Вася Епанчин также уходит добровольцем. Мечтаем попасть в одно подразделение артиллеристами. Я каждый день захожу к нему в цех и беседую у станка. Уходит в ополчение Анатолий Муравьев, Борис Гвоздилов и другие. Производительность низкая, у всех воинственное настроение. Я на днях ухожу на фронт.

Оглядываюсь назад. Жизнь прошла пасмурно. В работе, в изучении всяческих историй, литературных опытах, спорах об искусстве и политике. В любви, личной жизни не везло.

Семьи не чувствовал. Друзья попались на редкость хорошие. Редкие друзья. <...>

Иду на фронт с мыслью победить или умереть. Счастье человеческое будем завоевывать. Мы – русские люди. Мы уходим на поля сражений, чтобы в кровавых боях отстоять не только свою свободу и независимость, но и свободу и независимость народов порабощенной Европы. Мы живем на ради себя, а во имя грядущего общечеловеческого счастья. Пусть на наших костях и крови будет воздвигнуто коммунистическое общество. Пусть грядущее поколение не знает, что такое война, диктатура, эксплуатация. Мы умертвим ужасы и разрушим трагедии общества.

Конечно, в 26 лет с жизнью расставаться нелегко. Когда у тебя есть светлое будущее. Смертельная схватка началась. Жертв будет много. Я не имею ни искры надежды на возвращение с фронта. Жизнь моя принадлежит не мне, а обществу, которое меня сделало человеком.

Последние четыре года я чувствую себя морально ущемленным. Демобилизация из войск НКВД. Отказ в приеме на родной завод, все это мешало мне вступить в партию. Я чувствовал себя обиженным и опустошенным. Но я остался честным до конца перед Родиной, перед своим народом. В доказательство этому – мой добровольный уход на фронт. В моих жилах течет славянская мужественная кровь. Я не националист. Но я имею право гордиться великими качествами своего народа, ибо я знаю хорошо его историю, как по

старым, так и по новым источникам.

Единственное, о чем я сейчас жалею, это о том, что не оставил наследника, свою плоть и кровь. Быть может, это и к лучшему. Во время войны дети теряют своих родителей. Мне будет легче на фронте – меньше забот и дум о доме. К тому же у меня остался брат по крови.

2 июля 1941 года

Лучшие сыны города уходят на фронт. Война явилась хорошей проверкой людей. Теперь нужны не слова, а действия. Валентин Копьев ушел добровольцем. Василий Ивлев взят на второй день мобилизации.

С Васей Епанчиным зашел к Якубовским. Дома их не застал. Они ушли в театр. У людей хватает мужества увлекаться искусством. Мы увидели на стене карту Европейской части СССР. На ней были наколоты флажки, обозначающие линию фронта.

Алексей Мартынов уехал с семьей в командировку.

Со 2 июля являюсь бойцом истребительного батальона войск НКВД. Работаю 9 часов, 4 часа учусь военному делу. Нахожусь на казарменном положении. Отдых пять-шесть часов в сутки.

Дни стоят знойные. По городу непрерывно движутся войска, город грохочет, как исполинская кузница. <...>

Заводы спешно куют оружие для фронта. В обеденный перерыв митингуют. Народы Советского Союза откликнулись

на призыв вождя. Все те, кто недооценивал опасность войны или оставался равнодушным к ней, после выступления тов. Сталина ясно осознали смертельную опасность со стороны гитлеровского империализма. Люди стали особенно сплочены.

На полигоне происходят учебные стрельбы. Среди ополченцев встречаю много знакомых.

12 июля 1941 года

Ждем со дня на день выезда на боевую операцию. Наша задача – борьба с парашютными десантами. В последние восемь суток мне дома удалось быть всего один раз. Чувствую усталость, пропах потом и оброс щетиной. Получил письмо от Ивана Калашникова. Работает у себя в мастерской и ждет повестку. Узнал от Александра Иванова, что Виктор собирается эвакуироваться из Ленинграда. Об остальных друзьях пока ничего не знаю.

Скоро лицом к лицу встречу с врагом! Увижу бой. Быть может, доживу до славных, радостных дней счастливом окончания войны. Буду надеяться.

13 июля 1941 года

Последний раз хожу по Лесному, разношу повестки родным товарищам, отправленных вчера на фронт. <...> С полудня на заводе делаю застёжки к кобурам для комсостава. Вечером грузимся на машину. Едем в филиал музея Ленина.

Прощайте, дом, родные, друзья, завод, Ленинград. Я уже воин Красной армии. Вступаю в Отечественную войну.

Первый бой

Ленинград. Середина июля. Солнце эвакуируется на запад. Нас пятнадцать добровольцев, вооруженных винтовками и гранатами. Садимся на грузовик. Бросаем прощальные взгляды на корпуса родного завода. Впервые чувствую щемящую непонятную тоску. Доведется ли вернуться домой, на завод? Увидеть вновь семью, друзей? Мы уезжаем на фронт... Через 20 минут мы уже в центре города на площади жертв революции (Марсовом поле).

Марсово поле. Как много в этих двух словах животрепещущей истории России царской и России социалистической! Летний сад. Величественное здание казарм одного из гвардейских полков. Центр имперской столицы, сердце Северной Пальмиры. Мраморный дворец, ставший после революции филиалом музея Ленина, ныне место сбора идущих на фронт ленинградских ополченцев. У здания десятки автобусов и грузовиков, они подвозят людей, оружие, продовольствие.

Волнуемся и часто курим. Изнываем от жажды. У крана с сырой водой очередь в десятки человек. Истребители сидят и лежат на газонах. Много пьяных. Поют песни. Люди возбуждены. В полночь наш батальон строится в колонну по

четыре. Строем идем в Летний сад. С нами несколько девушек сандружинниц. Ложимся на траву. Сон отступает. Кое-как дремлем. В голове костры мыслей. Впереди черная неизвестность. Росистая вода освежает. Даже холодно становится. Первая ночь на земле, холостяку не так обидно, а каково женатым расставаться с теплом женского тела?!

Мы становимся бойцами. Скоро станем фронтовиками, одни смертниками, другие героями. С непривычки знобит. Приходится вставать с пыльной затхлой травы и ходить взад-вперед, чтобы согреться.

Ленинградская июльская ночь коротка. Рассвело. В небе стали заметны колонны аэростатов. Высокое чистое недосягаемое небо уже успела осквернить черная тень войны.

Летний сад загудел, словно улей. Люди ходят между мраморных статуй, задрапированных досками. Искусство спрятали от глаз войны.

Тысячи бойцов и командиров лежали и ходили по мятой траве. Командование совещалось, обсуждало, отдавало приказы. Батальоны выстраивались на поверку. Занималось солнечное утро. Аэростаты возвращались на землю после ночевки в настороженном пространстве неба.

Нам привезли обмундирование и продовольствие. Сразу стало шумно и весело. Получили венгерки, пилотки, кирзовые сапоги, белые гимнастерки, брюки, ремни и портянки, вещевые мешки. На наш батальон не хватило рубах. Гимнастерки одели на голое тело. Получили по две банки мясных

консервов и одной банке сгущенного молока, сухари, сахар. Другим батальонам выдали жалование и пистолеты. В 8 часов завтракали холодными консервами. Потом опять формировались и переформировывались подразделения.

День выдался знойный. Выходили из сада за папиросами и водкой, а те, кто жил поблизости, успевал сходить проститься с семьей. Купались в грязной, вонючей Фонтанке. Один умудрился утонуть. Глупая преждевременная смерть вызвала не слезы, а смех. Люди становились бесшабашными и спокойными по отношению к чужой жизни.

Во втором часу пополудни стали грузиться на машины. Десятки грузовиков заправили старинные аллеи Летнего сада. Мы все ходили в военной форме, но кое-кому не хватило сапог. Садились на машину босые и пьяные. Били себя в грудь и клялись стать героями. <...> Ехали через весь город с песнями. Ленинградцы нас тепло провожали взмахами правой руки. Особенно дети. Было трогательно и одновременно радостно за свой народ, за свой тыл. Мы на последней скорости неслись навстречу ужасам фронта. Вскоре Ленинград скрылся в дымной хмари. Все дорогое и близкое осталось далеко позади.

Небо застлало зловещими тучами. Хлынул проливной дождь. Мы быстро промокли.

Постепенно стали знакомиться ближе друг с другом. Нас трое рабочих с одного завода, ехали в одной машине. Мы болтали без умолку о минувшей жизни, стараясь не думать

о будущем. Дождь прошел. Солнце вновь засверкало из-за облаков. Мы проезжали мимо незнакомых селений, полей и лесов. Пейзажи казались живописными. Тучи рассеялись, и небо после дождя стало ясным и приветливым. Деревья и травы, омытые дождем, вновь засияли свежей зеленью. На полях поспевал урожай 1941 года. Вновь стало жарко, от нашей сохнувшей одежды столбом валил пар. В небе летали птицы. Не верилось, что совсем рядом идет война.

День начал клониться к вечеру. Мы устали от тряски. Водители остановили машины для маскировки. Мы были уже в прифронтовой зоне. Здесь погуливали фашистские стервятники. У станции Веймарн на наш бронепоезд пикировал немецкий бомбардировщик. Беспорядочно чертыхались зенитки. Появились два неприятельских самолета. Мы соскочили с машин и залегли в придорожной канаве. Зенитчики повели по самолетам беспорядочный огонь. Это были первые вражеские самолеты, встреченные нами. Самолеты удалось отогнать. Мы забрались в автомашины и продолжали путь. По бокам дороги у кромки леса стояли наши артиллерия и кадровые войска. Наконец головная машина остановилась. Прозвучала команда, и бойцы попрыгали в придорожные кусты. Машины повернули назад в Ленинград. Нам приказали не курить, не расходиться и соблюдать полную тишину, так как противник близко. Мы в этом не сомневались, слыша ружейно-пулеметную стрельбу и разрывы мин. Впереди был фронт.

В лесу стало холодно. Одежда наша не успела полностью просохнуть. Комары не давали покоя. Настроение преобладало взвинченное и далеко не бодрое, особенно у тех, кто успел с утра напиться пьяным и сейчас с похмелья стучал зубами и топал ногами от холода, отмахиваясь от надоедливых комаров. Кто-то ел консервы, кто-то жевал сухари, кто-то шепотом переговаривался с соседом. Очень хотелось курить.

Кругом был лес. В этом лесу расположились тысячи бойцов и командиров. Для большинства из нас настоящая обстановка оказалась неожиданностью. Никто не мог подумать сутки назад, что нас так быстро отправят на фронт. <...> На лицах сосредоточенность и нервозность. С часу на час можно ожидать боевой приказ. Мы ждем его, сжимая в руках винтовки. К вечеру напряжение спадает, дает себя знать усталость.

После дождя к деревьям и кустам нельзя прикоснуться. С ветвей от ветра падают холодные брызги дождевой воды. Наступает ночь. Темное небо разрезают вспышки осветительных ракет противника. Стрельба не прекращалась. Фронт совсем рядом.

Незаметно подкрался дымный рассвет. Люди поднимались с травы и расправляли онемевшее тело, закуривали украдкой, по-мальчишески пряча папироску в кулаке. Начал моросить дождь. Мы закусили холодными консервами. С рассветом нас выстроили повзводно, поротно и побата-

льонно. Низко над лесом залетели фашистские стервятники. Они фотографировали нашу дислокацию так нагло, что задевали бронированным брюхом своих машин верхушки сосен. Пулеметно-оружейная стрельба усилилась. Нам объяснили боевую задачу – необходимо выбить немцев из Среднего Села, находящегося от нас в двух-трех километрах. Вооружившись винтовками, гранатами и бутылками с горючей смесью, мы двинулись вперед. Я с любопытством следил за выражением лиц бойцов. На большинстве из них заметен страх. Одни отстают, другие забегают вперед. Командиры путают команды, теряются в обстановке. Получилась путаница и неразбериха, а самолеты противника, будто издеваясь, в упор расстреливают нас из пулеметов. <...>

Появились первые раненые и убитые. Приступили к работе санитары и военфельдшеры. Наших самолетов не было видно. Мы видели не только фашистскую свастику на крыльях и кресты на фюзеляжах, но и лица летчиков, до того низко летали самолеты. <...> Мы метались из стороны в сторону. Все бросились на землю, пытаясь укрыться за пни и кочки. <...> По нам вели огонь из минометов, пулеметов и автоматов. Лес наполнился шумом и треском. Мучила жажда. Сердце билось учащенно. От перенапряжения кружилась голова. Мысли путались и сбивались. <...>

Солнце пряталось за тучи. Утро было серым и дымным. В полдень ожидалась жара. Мы вели беспорядочный огонь. Я успел израсходовать около сотни патронов. Над головой

свистели пули и жужжали мины.

С большими потерями выбили противника из села. Немцев в селе было немного. С полсотни человек. Раненых они унесли с собой, убитых мы нашли всего три или четыре человека. Нашему капитану оторвало снарядом обе ноги.

Полдень. Изнываем от жары. Пить из колодцев нам запретили во избежание отравления. Нашлись смельчаки, которые попробовали воду и нашли ее пригодной для питья. Тогда сотни уставших, изнывающих от жажды бойцов окружили колодец.

Подходили с флягами, кружками, банками, котелками и даже пилотками. Запомнилась такая картина: на фоне пылающих домов у высоких колодцев стоят, сидят и лежат измученные трехчасовым боем бойцы, жадно пьют воду кто из чего, курят, стоя оправляются. <...> Из сарая тащат связки колбасы, охапки буханок хлеба, консервов, делят, ругаются, прячут по карманам, едят с жадностью, другие остаются голодными.

Настроение от первой встречи с врагом осталось неприятное. Визг мин, свист пуль, стоны раненых, их мольбы дать глоток воды, помочь, пристрелить, чтобы избавить от мук, а в результате пустая деревня с четырьмя трупами немцев. И все же в целом настроение бодрое, боевое.

Начался артобстрел. Снаряды рвутся в десятке метров. Началась паника. При каждом выстреле инстинктивно прижимаясь к земле, выходим из села. И чем чаще и ближе

ложились снаряды, тем быстрее двигались бойцы, пока наконец не побежали. Опять жертвы. Многие бежали во весь рост, выдавая себя и других торжествующему врагу, у которого при виде этого поднималось настроение. Я шел рядом с командиром взвода по направлению к опушке леса. По пути подобрали раненого в бедро. Ранение показалось тяжелым. Боец мучился, страдал. Наконец заговорила наша батарея, но быстро смолкла, подавленная немецкими снарядами.

Мы вошли в лес. В глаза бросились в беспорядке оставленные боеприпасы, продовольствие, амуниция и даже оружие. Хозяина не было. Полный хаос и безотчетность, никакой организованности и дисциплины. Санитары носили раненых в наспех раскинутые палатки, где им оказывали первую помощь до отправки в тыл. От холода зуб на зуб не попадал. Пошел проливной дождь. Мы промокли до костей, а главное, оружие стало сырым. Костры разводить было нельзя, чтобы не выдать себя противнику, который великолепно знал наше расположение. Дождь продолжал лить. Одежда стала тяжелой и липкой, промокли остатки табака, спички и бумага.

Смеркалось. Бойцы бродили группами и в одиночку в поисках своих подразделений. Задержали двух шпионов, переодетых в нашу форму. Отвели их в штаб. А сколько их расхаживало среди нас и разговаривало с нами?! Я не боялся так пуль и снарядов, как предательства и шпионажа. Гитлер позаботился наводнить нашу землю слизняками. Изред-

ка над нами пролетали немецкие разведчики и штурмовики. Мы открывали по ним групповой винтовочный огонь. Они отвечали пулеметными очередями, после чего раздавались крики и стоны раненых. Около меня несколько человек остались лежать неподвижно, убитые и раненые.

Когда замолчал дождь и небо прояснилось, мы услышали со стороны Ленинграда шум моторов, а затем увидели на шоссе несколько танков и среди них КВ. За танками двигалась артиллерия и пехота на грузовиках. Мы стали выходить к шоссе. <...>

Около танка КВ шел сам Клим Ворошилов. Вид у него был бравый, воинственный и в то же время простой и притягивающий. Он шел легкой властной походкой. Одет он был в защитный плащ без знаков отличия. Из-под фуражки белели виски. Позади него волочилась легковая машина. В ней сидел военный с четырьмя ромбами.

– С восемью десятками мерзавцев не можете справиться?! Отставить «ура»!

Мы стали выстраиваться в боевые порядки. Всех обуял энтузиазм предстоящей битвы. Забыли усталость и пережитый страх. Первый маршал вдохновлял нас на сражение. Его слова прозвучали как воинственный клич. Мы проверили оружие, пополнили боеприпасы, вышли на дорогу. Но вскоре пришлось отступить в придорожную канаву. Мы шли по воде и грязи, а по дороге помчались вперед танки. Впереди завязался бой. Наша артиллерия била по немецкой. Завя-

залась дуэль артиллеристов. В звонком прохладном воздухе зарокотали моторы. Появилась наша авиация. Разгорелся воздушный бой. Слышались разрывы бомб. Небо после дождя сделалось удивительно живописным. Умирать стало весело и красиво. Земля, омытая дождем, и нарядное небо загудели, задрожали от разрывов снарядов. Воздух заполнился трескотней автоматов, пулеметов, винтовочными выстрелами, шипением мин, которые хором пели над нами. Пахло порохом и гарью. Мы быстро шли, пригибаясь к земле, иногда падая и плотно к ней прижимаясь. Противник обстреливал дорогу.

Танки проскочили село. Стали попадаться убитые. Особенно запомнились два мертвых немца. Один из них, запрокинув голову и оскалив зубы, лежал с открытыми глазами. Волосы курчавились белыми кольцами. Лицо было черное, как от удара молнии. Растопыренные ноги были изуродованы и окровавлены. От них шел пар. Второй лежал лицом вниз, раскинув руки и ноги. Одна рука была оголена по плечо. Кисти не было. Из-под живота вытекла струя крови. Она запеклась и почернела.

Эти трупы лежали на нашем пути. Приходилось переступать через них, обойти их было нельзя, иначе выдашь себя противнику. По селу метался огонь. Горели дома и уголья крестьян. Мычали перепуганные не доенные коровы. Визжали уцелевшие свиньи, кудахтали суматошные куры, и залиристо, злобно где-то лаяла надоедливая дворняга. Жителей

видно не было. Только раненые и убитые бойцы обеих армий попадались навстречу. Кстати, ни одного раненого немца я не видел. Встречались только убитые. По-видимому, их успевали забирать. Теряя людей, мы продолжали под обстрелом идти вперед. Кончилось большое село, миновали поле, на опушке леса перед атакой короткий привал. По нам бьют из пулемета. Меня мучило нетерпение встречи с немцами. Я весь горел от волнения. Вошли в сумрак леса. <...> Рассыпались цепью. Повсюду свистели пули. Раненые встречались на каждом шагу. Санитары не успевали управляться. Им охотно помогали бойцы: только бы задержаться, не идти вперед. Я это понял не сразу. Нас поливали пулями, как из гигантской лейки. По нашим спинам били «кукушки». Мы отвечали слабым винтовочным огнем. Брели силой, то есть количеством людей.

Иногда подолгу задерживались на одном месте. Потери с нашей стороны были велики. Я успел расстрелять половину патронов, то есть немного больше сотни, а видел только двух убитых мною немцев – одну «кукушку», за которой минут двадцать охотился, и одного автоматчика. Оба были моложе меня.

От волнения спирало дыхание. В горле все пересохло. Нашла жажда. Чувствовалась нечеловеческая усталость. То и дело приходилось, спасаясь от осколков, мин и пулеметных очередей, зарываться с головой в замшелые кочки. Лес был полон треска и порохового дыма. Начинало темнеть, в ле-

су это особенно сказывалось. Со мной было человек двенадцать, половина из них из одного со мной батальона. Один был инженер с моего завода. Как сейчас вижу его измученный вид, потное усталое лицо с лохмами волос, торчащими из-под пилотки, и запотевшие очки. С наступлением темноты он почти ничего не видел. Очки то и дело сползали на нос. Его, как и меня, мучала жажда. Он стрелял наугад, и вид у него был растерянного интеллигента.

У меня заедало затвор, приходилось заряжать по одному патрону. Ствол [винтовки] накалился. Патроны подходили к концу, брали у раненых и убитых. Я набил не только подсумок, но и карманы. Противогаз был давно мною брошен по примеру товарищей. Крики «Ура!» и «За Родину! За Сталина!» давно смолкли. В лесу было сумрачно и страшно. В одном месте мы прорвались вперед и вклинились в немецкую оборону. Нас было всего человек двадцать. С винтовками наперевес мы бросились в атаку, стреляя на ходу и задыхаясь от бега. Но нас скоро отбросили огнем пулеметов. Пули сыпались градом. Почти половину бойцов потеряли. Командир был убит. Стылали раненые. У одного был перебит позвоночник, у другого ранение оказалось еще более мучительным – в живот. Они хватали нас за ноги и умоляли их пристрелить. Никогда не забуду ни их стонов, ни их взглядов. Они ползли по окровавленному мху, в темноте под пулями. Мы двое остались лежать в канаве между своими и противником. Позиция удобная, но головы не поднять, тот-

час ляжешь как подкошенный. Мы передохнули, вытерли со лба пот рукавами гимнастеров. Мучительно хотелось пить, жажда томила несколько часов, несмотря на то что в лесу было прохладно. Мы усердно разгребали замшелую землю жадными пальцами, но тщетно. Воды не было. Знойное лето глубоко высушило даже лесную почву, а место было высокое. Дождевая вода ушла в болота и низины.

Оставаться на одном месте было рискованно. Патроны были на исходе. Правда, у нас еще были четыре гранаты РДГ, но с ним мы еще ни разу не обращались. Немцы замолчали. Наши прочесывали лес. Надо было на что-то решаться. Я предложил товарищу подползти к немецким пулеметам и подавить их огонь гранатами. Он отказался из трусости. Я один не решился.

Время шло мучительно медленно. Товарищ предложил ползти назад к своим, я – оставаться на месте, так как, по моим соображениям, наши должны были опять сделать бросок вперед, так как резервы были большие и позади нас народу хватало.

Он решил ползти назад один. Только назад. Такой парень – и спасовал. Не успел он сделать трех шагов, как упал ничком без единого стога. Так он обрел смерть от шальной пули, возможно, русской.

Мне не верилось, что он мертвый, я подполз к нему, взглянул в его потухшие глаза, и стало мне невыразимо грустно и пусто. Никогда я еще не испытывал такой жалости, как при

виде убитого боевого товарища, с которым я был знаком всего несколько часов! Я так и не узнал, где вошла пуля. Крови не было видно, да и некогда было рассматривать, к тому же было темно. И мне впервые в жизни стало страшно. Холод прошел по моему горячему телу. В промежутке между выстрелами я громко крикнул в сторону своих, чтобы прекратили огонь, на мой крик немцы громко откликнулись длинной очередью из немецкого пулемета.

Свои, видимо, забыли о нас либо посчитали убитыми. Осторожно ползком кое-как я все-таки добрался до своих. Они были всего в ста метрах, но из-за гущи леса и темноты видели меня, иначе могли пристрелить. Я занял позицию возле убитого товарища, тяжелого и рослого рабочего. Большие черные глаза его сурово глядели в простор неба.

Перестрелка возобновилась, к нам подошло подкрепление человек тридцать кадровых бойцов. Неожиданно появился сухой тонкий капитан с наганом в руке. Он поднимал залегших бойцов в атаку. Немцы яростно обстреливали нас из пулеметов и автоматов. Мы не успели сделать и двух перебежек, как потеряли половину людей. Капитан был убит наповал. Его прошила очередь из автомата. Мы опять залегли, отчаявшись наступать.

Подходили свежие силы. Я узнал, что отдан приказ истребительные батальоны во второй эшелон. Нас трое истребителей повернули оглобли. Я прихватил полуавтомат у убитого товарища, помогал раненым. Нас обстреливали

«кукушки». Мы выходили из боя по дороге, спотыкаясь о раненых и убитых. На дороге перед глубокой воронкой стоял подбитый КВ. Башня его была скошена набок. Он молчал, смертельно раненный. Бой продолжался. Грузовики не переставали вывозить раненых. В лесу царил хаос. Били по своим, немцев принимали за своих. Командиров было трудно найти. Мы все шли и шли, с трудом передвигая ноги от смертельной усталости. Жадно всасывали запекшимися губами желтую вонючую болотную тину. На пути валялись котелки, вещмешки, гранаты, куртки, противогазы, даже винтовки, брошенные ранеными или лежащие возле убитых. Я подобрал довольно увесистый вещмешок, или сидр, как его называли старослужащие, и, кряхтя от тяжести, едва успевал идти за товарищами.

Поздно ночью дошли до Среднего Села. Кое-где еще дымились пожарища, вместо домов торчали трубы. У села стояло много танков и артиллерии. У Среднего мы отдышались, напились колодезной воды. У придорожной канавы я случайно увидел Бориса Королева, бойца нашего батальона, служащего одного со мной цеха. Он мирно отсиживался весь бой, не выпустив ни одного патрона, не видя немцев, не слыша воя пуль. Он даже сознался, что скучал без меня и очень проголодался, да и спать хочет! К сожалению, я не мог ему сервировать стол и постелить постель. Я его считал за трусливого парня, но все же за честного комсомольца, а он оказался подлецом, в первые же минуты опасности стал беречь свою

шкуру, позабыв о том, что его товарищи отчаянно сражаются за родину, <...> прикрывая грудью Ленинград и ленинградцев. Он мне сказал: «Я все боялся, что ты останешься там среди этого ужаса», и он махнул рукою в сторону фронта, откуда доносились редкие оружейные выстрелы и частая трескотня пулеметов.

Я нашел в рюкзаке две банки мясных и одну рыбных консервов, полкотелка сахара и конфет, сухари и пачку папирос. Сам я до того устал, что был не в силах банку открыть и отдал ее товарищу, перекурил, и мы пошли разыскивать остатки батальона, нам посчастливилось быстро найти кучку своих, они лежали и сидели на исходных позициях, то есть на опушке того леса, где я впервые увидел первого маршала. Окончательно обессиленный, я рухнул на мокрый мох и тотчас уснул сном усталого солдата.

Проснулся с рассветом. Разбудил холодный туман. Место было болотистое. Лихорадило. Спящие в бреду стонали и ругались. На мое недоумение усатый боец, лет пятидесяти, мрачно куривший трубку, сказал мне, что я тоже отчаянно ругался и кричал.

«Это нервы», – подумал я.

Мало кто проснулся. Спали, не чувствуя холода. А кто проснулся, делали яростные движения, чтобы согреть свое окоченевшее тело. Курили.

На рассвете подняли всех. Выстроили и повели по направлению станции Веймарн. Ноги у всех были натерты. Лица

помяты. Хотелось курить, но папиросы у кого и были, то все ломанные и сырые. Курили одну папироску на три-четыре человека. Шли, едва передвигая ноги. Минувшие сутки казались бесконечным кошмарным сном, в то же время светлым праздником. Многие из нас в этот день впервые вступили в бой и остались живы. Я анализировал все виденное, слышанное, пережитое и пережитое. Все мои прежние представления о бое были опрокинуты действительностью.

Поднялось солнце, а мы все шли и шли, часто делая короткие привалы и жадно глотая воду, которая быстро из нас испарялась. Нас было около сотни человек – бойцов и командиров нескольких истребительных батальонов. Не доходя до небольшого села, нас остановил майор войск НКВД. Он задал несколько вопросов и приказал идти к опушке леса и отдыхать в ожидании дальнейших распоряжений.

Мы наполнили фляги водой, перекурили эту новость и пошли к опушке, выставляя на пути маяки. Многие уже стали мечтать о Ленинграде, а тут, видно, опять придется идти на фронт. Придя к опушке, разулись, вычистили оружие и легли на траву, как убитые. Усталость от треволнений за минувшие сутки не проходила. Даже отвечать на вопросы товарищей не хотелось. Хотелось одного – поспать пару-другую часов. Но пришлось полчаса стоять в охране, а часа через три-четыре о нас вспомнили и подняли на ноги. Мы продолжили путь к Веймарну. Там мы увидели сотни бойцов нашей дивизии. Большинство из них не участвовало в бою и

находилось со вчерашнего дня здесь.

Мы были (я-то сыт, конечно) голодные как черти. Нам выдали сухари и сушеной колбасы. Табаку не хватило на нас. Моросил дождь. Расположившись в молодом ольшанике, мы стали мастерить шалаши. Закусили и легли отдыхать. Начинало смеркаться. Я торопливо написал несколько строк Ивану Калашникову и Самуилу. Письма опустил в ящик при магазине, который был уже переполнен⁶.

С наступлением темноты все батальоны, переименованные в отряды, пошли по шоссе в деревню Мануиловка. Расположившись в километре от деревни, мы выставили часовых и пытались уснуть. На нас ополчились тучи комаров. Спасались кто как умел. Одни надевали шлем, другие обвертывали лицо тряпками, третьи прятали голову под шинель. Знобило. Шумели макушки берез. Ночь была темная и холодная. Все небо заволокло тучами. Вдали слышалась канонада. Я не помню, как уснул.

На рассвете несколько отрядов пошло по направлению Среднего Села. Наш отряд вместе с двумя другими расположился в деревне Мануиловка. Заняли бани, дворы, хлева, овины, сараи. Сена еще не было свежего, пришлось довольствоваться старой соломой. Я впервые в жизни соскучился по горячему чаю. С наслаждением выпил кружку ки-

⁶ Как я потом узнал, письма наши были уничтожены. Я узнал, что наш 60-й батальон накануне бы отправлен на бронепоезде под Лугу. Нас, сталинцев, осталось пять или шесть. Я, Корнилов, Остролинов, Рубин, остальных двух товарищей забыл фамилии. — *Примеч. автора.*

пятка, доставшуюся с великим трудом. Стали варить суп из соленой трески и концентрата. Повара были доморощенные. Обед оказался пересолен, пах дымом, безвкусным, но мы ели его за милую душу, как говорят иные. После еды расположились на гнилой соломе. Кто принялся бриться, кто играл в домино, а кто улегся спать. Ожидали дальнейших событий. Всем казалось, что мы выехали из Ленинграда очень давно, и мало кто знал, какое сегодня число. Несли круглосуточные дежурства. Опасались высадки неприятельского десанта, так как место для этого здесь было весьма удобно.

В Мануиловке мы прожили три дня. Через наши головы летели неприятельские бомбардировщики в сторону Ленинграда, а от Ленинграда летали наши или возвращались в одиночку расстроенные стервятники. По несколько раз в сутки станция Веймарн подвергалась бомбардировкам. После бомбежек небо озарялось зловещим багряным светом. Немецкая авиация господствовала в воздухе. Мимо нашего села шли машины с ранеными. Иные раненым завидовали. Со стороны Ленинграда везли технику, боеприпасы, продовольствие, людские резервы. Впереди нас шли ожесточенные бои. По ночам канонада усиливалась.

Вечером 18 июля в огромном сарае собралось не меньше сотни бойцов и командиров. Пришли командир отряда Татаринов и политрук Васильев. Они нам объяснили задачу, стоящую перед нами, которая заключалась в том, чтобы задержать продвижение противника к Ленинграду. Мы долж-

ны пойти в глубокий тыл противника подрывать коммуникации и уничтожать живую силу врага. Отряд организовался на добровольческих началах. Предстоит партизанская работа. В заключение выступления Васильев сказал: «Те из вас, кому дороги Родина, Ленинград, независимость и свобода, безусловно, останутся в отряде, те же, у кого кишка тонка, для кого собственная шкура дороже Отечества, может идти домой пить кофе с женой, только пусть скажет об этом прямо и просто, – что он не желает защищать Родину или трусит, ибо в отряде должны остаться люди, до конца преданные партии и правительству, готовые на самоотвержение и величайшие испытания. Трудностей будет много, может быть, придется жизнь отдать за Родину. Малодушных и трусов в отряде не должно быть».

После его слов начался опрос по списку.

– Ващенко, остаешься?

– У меня сердце шалит и ревматизм, – весело отозвался кряжистый украинец, командир взвода.

– Сердце у многих из нас шалит, ревматизм пройдет. Ты командир и должен остаться, – ответил ему командир отряда.

– Бывалов?

Молчание.

– Бывалов?

– Товарищ начальник, слышу плохо. Да и живот что-то расстроился.

– Мандраж пробрал! Штаны полные <...> – под общий смех прокомментировал кто-то из присутствующих...

– Семенов?

– Остаюсь, – твердым голосом ответил молодой сильный рабочий.

– Игнатьев?

– Староват я. Да и семья большая. Я отвоевал в свое время. Пусть теперь воюют, кто помоложе.

– А сколько тебе лет?

– 52, – ответил боец с типичным лицом рабочего.

– Генкин?

– У меня желудок больной. К тому же я в армии никогда не служил.

– Обучим. Важно желание. Ну что, писать, что ли?

– Нет, лучше я работать буду.

– Что ж, за уши не потянем. Трусов не надо.

– Карпов?

– Остаюсь. Если все пойдем по домам, кто же за нас воевать будет, – сердито, с сердцем ответил высокий сухощавый парень.

– Хорошо. Правильно. Своих сразу видно.

– Королев?

– Ревматизм у меня, товарищ командир, и справка есть, – отозвался мой сосед, здоровый парень, комсомолец липовый.

– Что ж, Ленинград немцу сдавать будем? Здорово! Лад-

но, и без вас справимся. Вернемся с фронта – расскажем о вас как трусах. Тоже мне – добровольцы.

– Цыпленков?

– Остаюсь.

– Белов?

– Тоже.

– Степанов?

– Честно скажу – трушу я. <...>

Так проходила запись в партизаны. Отсеялось процентов шестьдесят так называемых больных и трусов. Одни жаловались на нервы, сердце, легкие и просто на нутро, другие на зрение, слух, ревматизм, желудок, находились и такие, которые честно признавались в своей трусости. Иные долго колебались. Эти люди были третьего сорта, хуже трусов и «больных», от них можно ожидать, что они и в плен сдадутся, и товарищей продадут. Я на них смотрел с отвращением.

Смеха было много, когда здоровый детина построил жалкую гримасу, хватаясь за левый бок, он замогильным голосом причитал и жаловался на невыносимые боли во всей «середке». Да и палить из ружья он, по его словам, не умеет, а работать «дюже любит». Этот экземпляр развеселил бойцов и добавил бодрости в приунывших.

Отбор закончился. Вышли во двор. Нас, партизан, построили в две шеренги. Напротив, лицом к лицу – симулянтов и трусов. Мы отобрали у них амуницию, оружие, боеприпасы. Они охотно, даже с радостью расстались с тем, чему

несколько дней назад радовались. Мало того, они снимали гимнастерки и услужливо предлагали нам сухие портянки, полотенца, даже кальсоны, которые не успели запачкать. Им трудно было скрыть безумную радость свободы и возвращения домой. Они были похожи на маленьких детей, которые одевают праздничную одежду пред тем, как идти на богатую елку. Были такие ласковые, добрые, словоохотливые. Предлагали свои услуги – передать наши письма лично в руки адресата, рассказать о нас нашим родным и знакомым. Они напоминали нечестного покупателя, которому кассир по ошибке дал сдачи больше, чем полагается, и торопящегося выйти из магазина.

Дома они станут, захлебываясь, рассказывать о том, как чудом уцелели, как много истребили немцев, как воевали за город Ленина. Дорогой они обдумают все. Их фантазия поможет им обрести славу в бесчестии. Они будут в пивных ударять себя в грудь и с пеной у рта рассказывать о своих «подвигах», и своих «ранах», и о «пролитой крови» за Отечество.

Мы их возненавидели. И не завидовали им. Пусть они идут к юбкам, уюту и покою. Надолго ли? Быть может, придется встретиться. Тогда поговорим по душам. Недаром они боятся смотреть нам в глаза и голоса их такие трепещущие, как их подлые души. Вздыхают, ахают, причитают. Сброд подлецов и дезертиров. Горбятся: боятся, что командование раздумает и оставит с нами.

Вот их строят. Я быстро набрасываю несколько теплых слов невесте и, заклеив конверт с деньгами и коротким письмом, передаю его Борису Королеву с просьбой передать адресату. Звучит команда. И они уходят.

Небо, освещенное багрово-синими отсветами, казалось зловещим. <...> Сколько еще таких малодушных, трусливых людишек встретится на дорогах войны! Что им до Родины, до независимости своего народа, до страданий родных и близких. Быть может, немногим из нас суждено вернуться домой, а кто погибнет – семья того краснеть не будет. И потомки о нем с гордостью скажут:

– Он погиб за счастье нашей Родины. Он остался честным до конца.

Много мыслей породил их уход. Но долго размышлять некогда. Звучит команда «Смирно, правое плечо вперед, шагом марш». Прошли метров двести до продовольственного склада. Получили сухой паек на три дня. Мясные консервы, сгущенное молоко, сухари, табак. Затем нам объявили боевую задачу: уничтожение аэродрома противника и контроль над его коммуникациями в энском районе. Кое-где в небе виднелись отсветы пожаров. Опускалась тихая лунная ночь. С полей пахло росистой травой и конским навозом. Тронулись. Загрохотали котелки и фляги, на ходу устраняли шум.

5 сентября 1941 года

Солнечное осеннее утро. Получаю приказание сопровож-

дать командира батальона Обрезкина в г. Шлиссельбург. Со мной Олег Собейников. Садимся на катер-охотник. Моряки заметно под газом. Идем тихо, как на прогулке. Майор облокотился о решетку борта. Мы, сопровождающие, с канадскими винтовками, стали рядом. Настроение у меня солнечное. Пришвартовались к берегу. Моряки остаются, мы идем в город. Майор впереди, мы в трех шагах от него. Входим в отделение милиции города Шлиссельбурга. Здесь лет двадцать тому назад бывал мой отец. В милиции душно. Полно народу. Это все эвакуирующиеся, «разбомбленные», оставшиеся беглецы и беженцы. К первым относятся свободные граждане, проявившие трусость, ко вторым заключенные, осмелившиеся бежать под шумок. Среди живописной пестроты лохмотьев и физиономий особенно отличаются две. Это два приятеля по несчастью. Беженцы из лагеря. Один еврей с плутовскими глазами, с движениями заядлого авантюриста. На вид ему за тридцать, но на лице много морщин, голос вкрадчивый, осторожный. Он взирает на окружающую публику, как на стадо своих баранов. Рядом с ним сидит на подоконнике его напарник. Это русский деревенский парень. Не обижен здоровьем. На глуповатом лице читаются страх и озабоченность. Он словно мышь в мышеловке. Он сидит словно на иголках. Наконец, достает из вещмешка сверток и развязывает его. Там оказались толстые ломти шпика и сухари.

Его напарник бесцеремонно берет пару кусков сала и су-

хари. Их вызывают. Вначале русского. Он растерянно вскакивает и идет за загородку, но тотчас же бежит обратно. Захватывает свой мешок, который предусмотрительный сосед уже успел спрятать под лавку. Мы сидим молча в ожидании комбата. Вокруг женщины с узлами, мужчины с котомками, старики и ребятишки, будто на захолустном вокзале. Появился майор. Мы встаем. Он приказал Олегу оставаться и ждать нашего возвращения, а мне велел его сопровождать. Солнце высоко. Мы идем по пыльным улицам старинного провинциального городка. Два дня назад немецкие бомбардировщики «навестили» его. Под ногами скрежещет битое стекло, мы спотыкаемся о куски кирпича и штукатурки. На мостовой воронки до двух метров глубиной. В городе много моряков и армейцев. Мы идем вдоль канала, сворачиваем на длинный проспект. Одноэтажные домики утопают в зелени садов.

Идем медленно. Комбат часто останавливается, снимает фуражку, вынимает платок и вытирает с лица пот. Встречные военные отдают моему начальнику честь. Я, как телохранитель, иду четким чеканным шагом, оглядывая с ног до головы озабоченных прохожих. Наконец мы у цели. Заходим в магазин с черного хода, комбат получает сверток, и мы возвращаемся обратно. Та же дорога. Зной неимоверный, хочется выпить пива, но его нигде нет. Комбат останавливается перед домом в центре города и отпускает меня. Я должен идти в отделение и там дожидаться.

Мне только это и надо, я направляюсь в ближайший магазин и, вывернув все карманы, покупаю полбутылки ликеру и бутылочку яблочного вина. Затем иду в милицию. Олег истомился ожиданием. Я предлагаю ему освежиться яблочным вином, он отказывается: студент-трезвенник. Я один рассчитываюсь с бутылкой. На жаре меня развозит. Скоро, покачиваясь, является майор. Он тоже заметно навеселе. Втроем возвращаемся на пристань. Там уже лежат два тюка, мы их относим на катер. Охотник отваливает от берега, я оставляю майора под охраной своего друга и спускаюсь в кубрик.

Моряки пьяны как сапожники. Я ставлю на столик свой ликер, они – пол-литра водки и закуску. Катер тоже захмелел, его бросает из стороны в сторону. У майора возникло желание завернуть в крепость. <...> Один из моряков вышел на палубу с гармошкой, и над невской тишиной заливисто заголосили частушки. Женщины с правого берега махали нам руками и платочками, мол, милости просим, гости. Это ленинградские женщины, занятые на оборонных работах.

Мы причалили к берегу. Там среди груды камней и штабелей досок на солнцепеке работали сотни девушек и женщин. Самые смелые стали карабкаться на нашу посудину. Майор сошел на берег, не помню зачем. Я увлекся какой-то девчонкой и все ее расспрашивал о Ленинграде. Наконец мы тронулись. Гости – случайные пассажиры – не хотели нас покидать. С великим трудом мы с ними расстались. В крепость решили не заходить и с песнями пошли к родному берегу.

* * *

Дочь хозяйки дома, где мы расположились, — веселая девушка с голубыми глазами и каштановыми волосами. Она меня называла «мой кудрявый». Ей 18 или 19 лет, она работает на заводе имени Морозова. Исключительно жизнерадостная солнечная девушка, зовут ее Катей. Брат Роман, крепкий красивый парень лет 17, всем нравился. Он тоже работал на заводе имени Морозова. Это типичная русская семья. Старший сын хозяйки был в армии.

* * *

Вечером ребята надумали пойти в баню. Меня оставили за повара. Я чистил картошку и колол дрова. Ужин был на славу. Картошка тушеная с консервами, картошка, жаренная со шпиком.

Ребята вернулись весьма веселые. За столом они рассказывали, что мылись вместе с женщинами. Особенно смеялись над помощником, дядей богатырского сложения и неравнодушным к женскому телу, хотя у него дома осталась жена и двое детей. Это не мешало ему до войны иметь одну-двух любовниц.

7 сентября с утра над нами кружились немецкие самолеты. Их противный вид взвинчивал нервы. Наших самолетов не было.

Под вечер зарокотала канонада. <...> Противник приближался. Мы задерживали бегущих пехотинцев, из которых набрали целую штрафную роту. Среди дезертиров были и командиры. Затем я получил задание занять позицию с немецким пулеметом у школы на берегу Невы. На противоположном берегу появились немцы. Это было неожиданно, и многих охватила паника. Особенно среди нашего командования. Наш берег интенсивно обстреливался из минометов и пулеметов. В сумерках заискрились трассирующие пули. Мы оказались на передовой линии фронта. Наша артиллерия лениво отвечала немецкой. В Марьино загорелось несколько домов. Берег Невы осветился багровым светом. Река казалась зловещей и черной. Небо заволокло тучами. С противоположного берега донесся рокот танков. Мы с командиром Панчулом залегли у пулемета. Патронов было достаточно. Многие ребята перетрусили. Все ожидали, что немцы будут форсировать реку. Панчул – участник Финской войны – был настоящим командиром. При виде немцев его глаза загорелись ненавистью. Он мне сказал:

– Будем держаться до конца. Не спасуем. Я очень рад, что

именно с тобой буду рядом.

К полудню мы перебрались в блиндаж. К нам присоединился Ежов, помощник командира взвода, трусливый, эгоистичный интеллигентик. Второй был славный малый, командир отделения Эдуард Сосновский.

Немцы запалили костры. Они разъезжали на мотоциклах и расхаживали по берегу, как у себя дома, будто нас и не существовало. Это нас немало злило, но вынуждены были выполнять приказ, то есть наблюдать и докладывать, но не открывать огня, так как предполагалось, что немцы будут переправляться, мы и сами были уверены в этом.

Не смыкая глаз всю ночь, мы поочередно наблюдали из амбразуры нашего блиндажа. Бинобль Ежова переходил из рук в руки. Панчул нервничал. Ему наша точка казалась мало замаскированной. Я дважды вылезал наверх с саперной лопаткой, подымал бруствер, набрасывал ветки.

Мы насчитали около двухсот танков. Причем танки были всевозможных конструкций. Гитлер раздел всю Европу. Техники у него было достаточно. Здесь были низкие широкие танки и высокие узкие, танкетки и броневики. На расвете в бинобль стали видны физиономии фрицев от рядовых солдат до обер-офицеров. В центре Марьино, по-видимому, находился штаб. К высокому дому беспрерывно подъезжали посыльные, связные и адъютанты пешком, на велосипедах, мотоциклах и легковых автомобилях всех европейских заводов.

Это беспрепятственное движение напоминало парад. По обеим сторонам дома немцы замаскировали группу танков и артиллерийскую батарею.

Танки шли к Шлиссельбургу, за ними двигалась пехота, человек 20–30 за каждым.

Немцы чрезвычайно дерзко вели себя на открытом берегу. Они прекратили стрельбу, наверняка знали, что мы здесь находимся. Они, вероятно, думали, что по крайней мере целая дивизия, но никак не батальон истребителей, плохо обученных добровольцев.

Скоро весь берег покрылся зелеными шинелями и гимнастерками. Им доставили газеты. Они с утра читали новости о победах германского оружия. Некоторые жевали бутерброды. Среди военных были видны мужчины и женщины. Даже с нашего берега были видны эти распутные физиономии грязных проституток, их развязные движения, манеры.

Особенно гадко было, когда фрицы подходили к Неве и, наклонившись, мыли в ней грязные руки. И тут же испражнялись и брали воду для питья.

– Эх, сейчас бы десяток минометов да пару батарей артиллерии! Дали бы жизни, – со вздохом проговорил командир нашего взвода Шарков.

Немцы продолжали мирно расхаживать и раскатывать, а мы – расслаживаться. Вот появилась наша авиация. Немцы открыли яростный огонь из автоматических зенитных орудий и пулеметов. Наши орлы, не дрогнув, низко пролетели

над их позициями, и вскоре мы услышали разрывы бомб.

Проснулись наши артиллеристы и начали долбить по немецким позициям. После чего не замедлили явиться немецкие бомбардировщики. Мы ожидали массированную бомбежку, но на этот раз противник сбросил всего около полутора десятков небольших осколочных бомб. Они не нанесли нам серьезного урона. Разрушено несколько домов, погибли или были ранены с десятков бойцов и мирных жителей, случайно остававшихся в деревне.

Нас перевели ближе к штабу. В одну ночь разграбили пекарню и растащили магазин. Мы ловили население и солдат. На третий день нас временно отправили на работу в хозввод. Днем мы оборудовали землянки, склады, по ночам несли охрану штаба и других объектов. Немцы не пытались делать переправу. Они укреплялись, постреливали, отдыхали, попивали наше вино и отсыпались у проституток.

В темные осенние вечера по Неве плыли горящие баржи. Охваченные ярким пламенем, они медленно двигались от Шлиссельбурга вниз по течению, освещая берега реки. <...>

Мы охраняли передний наблюдательный пункт, заходили в пустующие дома, где еще мяукали голодные коты, стояло не скисшее молоко и не успевший зачерстветь хлеб. Жители ушли со своим скарбом в лес, где вырыли землянки, забрав ребятешек и скот. Но каждый день с наступлением темноты они возвращались на свои огороды за картофелем.

Три дня на реке было тихо. Противник уже успел окопать-

ся и укрепиться. На четвертый мы первые открыли огонь по немцам. Они ответили. Начались короткие перестрелки. Началось с того, что наш молодой боец, в недавнем прошлом молодой рабочий, вопреки всем приказам не вытерпел свободного «нахального», как он выразился, хождения немцев и нажал на спусковой курок. Он был превосходным стрелком и на расстоянии 500 метров убил наповал здорового фрица. Это понравилось, и начали наши палить в сторону противника. Начальство поддержало инициативу. Более того, оно издало официальный приказ стрелять по немцам.

Так фрицы перестали на наших глазах среди бела дня разгуливать по берегу, черпать невскую воду. Теперь они воровали ее по ночам.

Мы тоже отказались от невской водички. Наша кухня стояла на видном месте метрах в 100–150 от Невы. Место было открытое. За водой на Черную речку нужно было пройти столько же. Молодые необстрелянные бойцы трусили. <...> На кухне особенно донимала чистка картофеля и заготовка дров.

* * *

Однажды я увидел девочку лет десяти с простреленной головой. Она копала картофель, и немецкий снайпер «снял» ее. Мне стало не по себе. Личико такое печальное, приятное. Я долго мучился, вспоминая убитого ребенка, ярость и бе-

шенство закипали еще сильнее.

* * *

Меня послали в разведку вместе с тремя товарищами. Командир смешил нас своей трусостью и бездарностью. Мы вернулись, не выполнив задание. Он нарушил присягу, когда второй раз стали посылать в разведку, он отказался идти, а рекомендовал меня, как хорошо знающего эти места. Я пошел с великим удовольствием. <...>

До нашего начальства дошли слухи, что недалеко от расположения нашего батальона спущен парашютный десант. Наша задача – найти этот десант и уничтожить. Я взял пятерых отборных молодцов с двумя автоматами. Мы вооружились винтовками, наганами и гранатами. Времени, чтобы выполнить задание, было достаточно. По пути зашли к леснику в деревню Березовка. От него я узнал, где есть благоприятные места для высадки парашютистов и какое настроение у крестьян, передал записку матери, а уж потом скомандовал ребятам ложиться и отдыхать.

* * *

Однажды получил задание достать для батальона пару коров. Нас было четверо: я, Беяков, Сосновский и Ежов. На-

конец мы в Коркине, знакомый дом. Воспоминания. Я в военной форме с карабином. Подходим к дому, матери нет. Чужие люди. Дома – записка от матери, что она уехала в Ленинград.

Нашел бутылку вина, масло, грибы, свежепросольные огурцы, селедку, яйца. Выпили с аппетитом, закусили, отдохнули с полчаса. Не хотелось уходить. Всем понравилась моя гостеприимная дача.

* * *

Утро. Лес. Срубаем тяжелые ветки, делаем шалаши. Роем землянки, маскируя их хвоей. Поочередно несем караульную службу. Варим кофе с молоком на костре со знатком Терещенко. Беляков тоже любит хорошо покушать. Кучменко – изнеженный и неприспособленный к лесной жизни. Боится воровства, у него пропадают вещи. В землянках темно и сыро. Освещаем свечами. Шофер Андрей, участник финской войны. Веселый неприметный мужчина. <...> Простой солдат. Не дурак, себе на уме. В. – представительный, культурный командир, инженер завода имени Сталина. Н. – склочник, кляузник, чопорный мужичонка. Награжден медалью «За трудовое отличие». Этим весьма кичится. Е. – самовлюбленный, трусливый интеллигентик, не пользующийся авторитетом среди бойцов.

* * *

По утрам спускаемся к Черной речке. Здесь так много зелени и солнца. На левом берегу лес. Крутые обрывы. Утренний туалет минометчиков. Вести из Ленинграда. Газеты, почта.

* * *

Моя поездка за вином. Нашли литр водки в пустой посуде, опрокинулась в речку при переправе. Я нырнул за «монахом». Взгляд Андрея из кабины – незавидное критическое положение. Распиваем водку. Согреваемся, я с Романовым иду выполнять задание командира. Стреляю в лесу. Крепко пьян. Арест. Допрос. Сопровождают конвоиры. Сплошная мгла и сплошной лес, меня принимают за шпиона. В землянке коменданта пьянка и свет. Злополучные конвоиры. Ночлег в шалаше. Лихорадка, соседи – товарищи по несчастью.

Утро в лесу при штабе дивизии Донского. Докладная записка. Освобождение. Радость, свобода, форсированный марш в родном лагере. Шутки, остроты товарищей. Расспросы. Голод.

«...» Кокорево. Берег Ладожского озера. «...» Опять роем окопы. Остановились в школе. Обживаемся, несем караульную службу. Обедаем у рыбаков и на кухне. «...» Осенний холодный, ветреный день. Иду с рыбаками на озеро на ловлю рыбы. Среди рыбаков тесть брата. Старик – типичный рыбак. Знаю его пятнадцать лет. Не видел семь-восемь. Расспрашиваем друг друга об общих знакомых и говорим о настоящих событиях. Нас четверо: три рыбака и я – их «конвоир». Одних их опасаются отпускать на озеро. Натягиваем парус и разводим костерок на баркасе. Долго ищем кубас⁷. Сильный ветер рябит воду и слезит глаза. Баркас убаюкивает. Тянем сети. Я жадно смотрю на трепещущее серебро. В корзину летят сиги и окуни. Попадают щуки, налимы и судаки, но их мало.

Баркас тяжелеет от грузов и рыбы. Около сорока сетей вынули. Три огромные корзины наполнили рыбой. Она медленно умирала на моих глазах, судорожно шевеля жабрами, некоторые долго трепетали, подпрыгивали, сверкая в хрустальном воздухе.

Над нами летали чайки и самолеты, свои и чужие. Мы были в открытом море, верстах в десяти от берега. Видели толь-

⁷ Поплавок невода.

ко береговой маяк и суда. После труда праведного опять развели костер. Варили уху из сига и натягивали паруса. Опять говорили о текущем моменте. Старики были довольны уловом, я – поездкой с ними. Вернулись засветло, возвращались против ветра на веслах. Сильный ветер на озере. Серые осенние дни. Тоска по родному городу и друзьям.

Дозоры. Неожиданный отъезд среди ночи. Всего четыре дня пробыли в покое. Ночь. Дележка сухого пайка. Озабоченные нервные лица. Смерть связиста. Ночной поход по непролазной грязи в поселок Морозова. Идем всю ночь с короткими привалами. Не знаю, куда и зачем. Делаем всевозможные предположения.

* * *

Шли до рассвета. На рассвете встретили старика-крестьянина лет семидесяти, старик бодрый, все зубы целы. Он нам рассказал, что в деревне Крупы расположились немцы. Они там гуляют всюду. Пьют, заводя патефон, танцуют с нашими девками. Ходят в лес к крестьянам покупать яйца, кур, просят за николаевские деньги. За яйца платят 16 коп. десятков. Командир нашего отряда решил уничтожить их. Мы переправились на рыбацких скорлупках через речонку и сделали большой привал: отдохнули, доели, у кого были сухари, покурили, умылись. С наступлением темноты пошли к селу. Всю ночь мы бродили по болоту вокруг деревни, а когда рас-

свело, разбились на две группы. Одна должна была остаться в засаде, а другая пойдет на село. План оказался неудачным. Взвод, в котором находился я, должен был первым войти в село. Остальные на дистанции двести-триста метров по сторонам.

Приготовились, зарядили гранаты, пошли. Впереди метров на пятьсот пустое поле. На возвышенности горбилось несколько домов. Вместо того чтобы войти в деревню с фронта, где открытого места всего 100–150 метров, мы пошли с тыла. Шли во весь рост. Шумели, переговаривались.

Два отделения выступили вперед. Неожиданно прозвучала четкая громкая команда на немецком языке. Не успели мы переглянуться, как на нас обрушился ливень трассирующих пуль. Заговорили две пушки, два миномета. Девять человек рухнули как подкошенные, 13 человек ранено, и это из 26 человек. Я упал рядом с командиром взвода, который бросил автомат, куртку, вещевой мешок, командирскую сумку и противогаз, пилотка упала с его головы. На нем не было лица. Я бросил один противогаз и повернулся лицом к деревне. Сейчас это звучит двусмысленно и смешно, но в тот момент, наверное, и на мне лица не было. С сеновалов строчили пулеметы. Пушки вели огонь по опушке, где находилась наша засада. Бойцы отползали вслед за командиром, подбирая раненых, я с двумя товарищами отстреливался, но, так как поднять голову было невозможно, а пули уже пробили мешок и пилотку, я тоже начал отползать. <...> Я впервые по-

чувствовал смертельную опасность так близко.

От волнения спирало дыхание. Полз, сливаясь с травой, но они, дьяволы, с сеновалов все видели. И как только я приподымал голову, они пускали несколько пулеметных очередей. Им, наверное, было весело, а каково мне, когда пули буквально ложились между пальцами. Как только они открывали огонь, я замирал, пережидая, когда утихнут, вновь полз, пока не заполз в канаву, где лежали два бойца с побелевшими лицами. Затем немцы перенесли огонь на кустарник, откуда заранее выбрались два отделения нашего взвода. Мины рвались в 100–150 метрах. Мы поползли к опушке. Занималась заря. <...> Мы подсчитывали потери и собирались группами, распределив раненых, которых понесли на самодельных носилках, перевязав рубашками раны. Кого ранило в руку или легко ранило куда-нибудь, кроме ноги, шли сами. Теперь уже все смеялись нервным болезненным смехом.

Отряд собирался долго. Ушли глубоко в лес, усталые от волнения, бессонницы, голодные, повалились на мох и спали. Сильно мучил голод, кто-то нашел телку и подстрелил ее. Ели сырое мясо без хлеба и соли. Я не мог есть, меня тошнило. Болели голова и живот.

К вечеру состоялся совет командиров. Опять вербовали добровольцев из добровольцев. На этот раз осталось человек 50. Мы отказались опять идти на деревню. Это было безумно и бессмысленно. Нас начали раскулачивать, меняли сапоги,

забирали куртки, гранаты, пистолеты, котелки, даже ложки.

Настроение было подавленное, ругали командование. Оно само чувствовало свою ошибку и объяснило, что совершать налеты на деревни, занятые противником, не наше дело. Наша задача — караулить у дорог обозы, транспорты и прочее.

Жаль командира отделения эстонца Коллу, красивого честного парня. Он был неплохой командир, пользовался авторитетом среди бойцов и отличался умом от многих командиров. Его убили.

40 километров несли мы раненых по болоту. Голодные, измученные, томимые зноем. Ели траву, прошлогоднюю клюкву и всякую болотную зелень. У всех болели животы от горькой болотной воды. Натирали мозоли, хромали и несли носилки, по колено утопая в вязком мху. Над нами кружили стервятники. Трое суток продолжался наш поход. Спали по два-три часа, бредили. Жадно набрасывались на ручьи. <...>

Пройдя километров десять, мы встретили двух старших офицеров. Командир нашего отряда товарищ Татаринцов долго с ними говорил, после чего мы изменили свой курс и, отойдя километра на три назад, пошли влево. Шли всю ночь и все утро. Поочередно менялось боевое охранение. Через час-два делали короткий привал. <...> С утра приходилось маскироваться от немецких самолетов. Почти каждые пять-десять минут слышалось «Воздух!». В полдень назначали трехчасовой привал. Устали здорово. Проголодались. Во время привала, быстро перекусив и перекурив, лег-

ли спать. Мне не пришлось уснуть, я был назначен в боевое охранение в сотне метров от проселочной дороги. Дремал стоя, опершись на винтовку. Кругом был лес. Мириады комаров жужжали в воздухе. Эта карликовая авиация не давала покоя ни утром, ни вечером. После привала поход продолжился. К вечеру подошли к деревне Большие Кленцы, что стоит на берегу реки Луги. Перешли железнодорожный мост. Мост стройный, высокий, красивый. Расположились на опушке леса на берегу реки. Усталость валила с ног. Аппетита не было. Хотелось пить и спать. Разулись, осторожно развесили портянки. Закурили. Большинство как ткнулось в траву или мох, тотчас заснуло.

* * *

Кто-то пустил слух, что Турция и Америка объявили войну Германии. А нам объявила Япония. Кто-то сказал, что две тысячи наших и английских самолетов бомбили Берлин, что Финляндия выгнала из своей страны немцев, что Тимошенко отбросил немецкие армии до Варшавы. Кто-то верил, кто-то не верил. Газеты мы около недели не видели, радио тоже не слыхали. Писем не писали и не получали. Мы оказались как бы отрезаны от мира. Весь наш горизонт составляли всего несколько километров, пройденных за последние дни. Нам казалось, что мы уже давно покинули Ленинград, не у многих жила надежда увидеть его еще раз когда-нибудь.

Не успели заполнить фляги речной водой, просушить портянки, как услышали в сотне метров выстрел. Все всполошились. Немцы были от нас в двух с четвертью километрах. Они, как нам сказал один из кадровых командиров, прочесывали лес и расположились на ночлег, иногда вели беспорядочную стрельбу из пулемета. Скоро выяснилось, что один из бойцов по неосторожности или умышленно нажал на спусковой крючок и прострелил себе ногу. Через час нас подняли, и мы пошли вглубь леса, вошли в болото. Немцы остались позади. <...> Впрочем, они были и впереди. Наступила ночь. Мы шли колонной по одному по едва заметной лесной тропе. Неожиданно послышался рокот танковых двигателей. Залегли. Наши разведчики осторожно в ночной темноте пошли на звуки. Изредка в темноте вспыхивали немецкие ракеты. Мы долго лежали, затаив дыхание. Люди начали засыпать. Часто по цепи передавалась краткая команда «Не спать!». Толкали товарищей каждые пять минут. Спать хотелось всем, но спать было нельзя. <...>

Скоро разведка донесла, что путь свободен. Мы поднялись и пошли дальше. Шли всю ночь, делая короткие привалы. Шли до 10 утра. Устали до невозможности. Проголодались. Доели консервы и сухари, с табаком обстояло благополучно. На привалах к нам часто подползали змеи. Но ни

одна гадюка не укусила. Змеи разумнее фашистов.

* * *

Мы всегда были на воздухе — в лесу или поле, на болоте. Хорошо пахло травами и цветами. Колосилась рожь, синели васильки, краснели огоньки гвоздики, луга пестрели полевыми цветами. Воздух был насыщен медовым ароматом. Солнце пекло неистово. Пить много остерегались. Тело было мокрым от пота. По ночам тряслись от холода, днем изнывали от жары. Резкая перемена температуры вызывала гриппозное состояние. Правда, болели единицы. От болотной воды у всех болели животы. Я впервые в жизни так мучился животом, у меня крепкий организм. Подводило сердце — работало с перебоями. Одышка, головокружение. На нервы я внимания не обращал. Да и особых причин нервничать не было. Впереди нас ожидало что-то интересное, опасное. Я любопытен по природе. <...> Если бы была возможность вести дневник, я бы писал его, несмотря на нечеловеческую усталость. Но у меня не было ни записной книжки, ни карандаша, да и адресов нельзя было при себе иметь, не только дневник. Все документы были уничтожены. <...>

Падая от усталости, мы продолжали выходить из окружения. Впереди шла разведка из добровольцев, в том числе я.

Натыкались на немцев, вели перестрелку, но в бой не вступали: не хватало сил. На одной из дорог убили офицера

и ранили солдата. Труп офицера остался на дороге, солдат убежал в лес, и мы не решились его преследовать.

С величайшей осторожностью выходили мы из окружения. Начальник штаба собрал нас, измученных разведчиков, и сказал:

– Судьба 150 человек в ваших руках, мы окружены, там, где были наши части, уже находятся немцы, на вас вся надежда. Бойцы этого не знают. У них и так упадок и физических, и душевных сил. Выводите нас из окружения, вы сделаете большое дело во имя жизни ваших товарищей, во имя нашей Родины.

* * *

Мы продолжали прощупывать дорогу, заходя в леса и перелески, в болота и на поляны. Подошли к реке Луге. Часть товарищей переправились вплавь, а мы трое пошли сообщить начальнику отряда, что выход найден. <...>

Перед боем

Два берега – два врага. Река – нейтральная зона. К берегам идут хода сообщения, вдоль реки – траншеи. Мороз. Романтичная луна. <...> Мерзлые комья земли на заснеженных брустверах (напоминание о рытье траншей под огнем). Шлиссельбург. Крепость – посреди насыпь на острове. Гар-

низон крепости. Исходные позиции, землянки, блиндажи, дзоты, НП и КП. Сухой паек. Курить нечего. Белые халаты, новые – белее снега. Снег черный от пороха. Воронки. Ракеты. Радисты, связисты и связные. Артподготовка. Командиры, саперы, санитары. Минные поля. Первое ранение.

Огневая позиция: Сторожка у насыпи, котлован, миномет, тропинка. Добыча дров. Мост. Овраг. Злополучный телефон. Времянка. Письма. Война и мир. <...> Дуэль. Авиация, Рабинович, Собейников, Комошкин. Ночные думы солдата. Вьюга, воспоминания. «Когти», анекдоты... Мечты о будущем.

Наблюдательный пункт: на переднем крае. Обстрелы из орудий, минометов и пулеметов. Охота снайперов. Воронки... Траншея. Бинокль. Амбразуры. Карта. Телефон. Исток Невы. Крепость. Мертвый город. Ракеты. Канонада. Авиация. Разведчики. Ледяная пустота. Сожженная деревушка. Соседи. Товарищи. Голод. Сводки. Позывные по коду. Корректировка стрельбы, засечка огневых точек. Шум моторов.

* * *

Около одиннадцати часов вечера помощник командира батальона Ляликов приказал нам, связным, идти на КП 5-й роты. Три километра шли на лыжах. Я шел легко и быстро. Ребята отставали.

Начальство уже было на местах. Подвезли сухой паек: 80 г

сухой колбасы, 70 г масла, 35 г сахара, 360 г сухарей. Табаку и водки не оказалось. Самое главное для солдата, едущего в бой. На КП я получил приказание связаться с командиром пулеметной роты Шарковым и получить от него список действующих лиц. Даже без ракет можно было хорошо видеть на значительное расстояние. Я нашел Шаркова на исходной позиции в низкой землянке, битком набитой бойцами и командирами. На обратном пути увидел над головой зеленые ракеты. Сигнал с нашего берега. Можно было ожидать близкой артподготовки. Затем получил поручение передать приказ всем командирам рот явиться на КП исходной позиции. Это заняло много времени; несмотря на быстрое передвижение по траншеям и ориентировку по землянкам и дотам, упарился крепко.

Немцы периодически выпускали пулеметные очереди по переднему краю. Пули свистели над головой. В 2 часа ночи освободился и на трескучем морозе вместе с другими связными и радистами танцевал от холода у входа в командный пункт батальона. Радисты настроили рацию, связисты-телефонисты стояли с катушками и аппаратами. Все говорили о предстоящей атаке. Время было за полночь. Сигнализация, ракеты перестали вспыхивать, и мы ждали начала артиллерийской подготовки.

– Неужели опять пойдем без поддержки авиации и артогня? – спрашивал сухощавый сапер и крепко ругался.

– Обожди, – отвечал ему связист. – Вот рассветет, и пой-

дем. Иначе ни мы немцев в темноте не увидим, ни они нас, — едко шутил он. — Помнишь, как в декабре ходили на рассвете.

Настроение портилось. Уже тянуло ко сну. Плясать устали, а перестанешь плясать — мерзнешь. Уже начало светать, а не было похоже, что наше командование готовится к наступлению. На лицах усталых солдат появились улыбки.

— Видимо, сегодня не пойдём, — заметил старик.

Кто-то выразил робкую надежду и подозрение, что вообще больше в бой не пойдём, а здесь нас сменят, отведут на отдых. Эти высказывания заронили в наши головы сомнения в отношении боя.

— Но ведь не за красивые глаза же нам выдали сухой паек, — мрачно пробормотал связной 5-й роты.

Я начал быстро бегать по траншее, согрелся и вскарабкался на бруствер. Немецкий берег был отчетливо виден. Я взял бинокль и стал внимательно прощупывать оборонительную линию врага. Никаких признаков жизни, будто фрицы покинули город, только в глубине виднелись жиденькие клубы дыма.

Город Шлиссельбург казался мертвым. И вдруг у самого уха взвизгнула пуля. Бинокль, видимо, блеснул стеклами и выдал меня. Снайпер промазал. Я тотчас же спрыгнул в траншею. Пусть фриц считает, что «снял» еще одного русского. <...> Ребята смеялись. <...> Скоро из КП вышел начальник штаба Селедкин и отдал приказание связным вести на-

блюдение за противником, а сам пошел в сторону тыла. <...>

Я весело заметил товарищам:

– Моя очередь прошла – извольте наблюдать.

– На кой черт башку под пули подставлять, – вяло промычал связной 4-й роты. – На это есть наблюдатели.

– Боятся, что мы без дела с ума сойдем, – предположил второй, но взял бинокль и влез на бруствер.

Скоро посыпались пули. Он укрылся в траншее.

– Наше с тобой счастье, – обратился он ко мне, – что у снайпера или руки замерзли, или они у него трясутся с похмелья, а не то без боя черту бы душу отдали.

Второй забрался наверх, как он сказал, для видимости и головы не поднимал.

Скоро пулеметные очереди стали бить по брустверу, и пули снайпера свистели над ходами сообщения. Далее ходить стало опасно. Вероятно, на колокольне засели снайпер и наблюдатель.

Скоро начальство покинуло КП, и мы забились туда. Коптила коптилка, с потолка лилась вода. Вместе с водой на лицо и за шиворот стекала копоть. Лежать пришлось на сырых, грязных и холодных досках. Знобило. Хотелось спать, но заснуть было трудно. Табаку ни у кого не было. С ума все походили от нервоза, лучше и не спрашивать ни о чем никого – как звери. И все-таки я уснул и часа два проспал тревожным лихорадочным сном, а потом пошел опять наблюдать.

Обед мне принес товарищ. Четверть котелка гороховой

холодной воды и полтора фунта хлеба. Я быстро разделался с ними и вновь нырнул в черную пасть входа впитывать холодные, грязные потоки воды, глядя на гигантские тени голов от глиняного светильника. Шапка и шинель от воды стали свинцовыми. <...>

Из начальства вернулся только начальник штаба. Мы разместились в дзоте, поочередно выполняя его приказания.

С наступлением темноты опять стали ждать наступления. Спать не пришлось. Нам не давали спать, к тому же сон бежал от нас. Мы пребывали в каком-то полусонном, апатическом состоянии.

Саперы спустились на лед Невы. Разминировали наши поля, подготовили для прохода пехоты <...> значит, должно быть наступление. Многие им завидовали:

– Счастливо отделались, – пробурчал старик, скручивая сигарку.

У него табак никогда не переводился, запасливый был фронтовик. Сигналов в эту ночь не было... Тишина и спокойствие не предвещали ничего хорошего. Но все-таки мы так и не пошли в бой.

Мороз не сдавался, луна не пряталась в облака. Предположение, что нас ожидает отдых, усилилось. Фантазия уже побежала вперед. Грезилась сытая, спокойная жизнь на Большой земле, хотя и ненадолго.

Начало светать. Лица солдат сделались пепельными. Глаза – воспаленными.

Утром, это было 5 февраля, я пошел на кухню за завтраком. Расстояние – полтора километра. Дорога – половина идет по траншее, кустарнику, кругом живого места нет от воронок. Немцы, вероятно, уже знали о наших намерениях и беспрестанно обстреливали подходы к позиции из минометов.

Кухня находилась в сосновом лесу у нашей огневой позиции, откуда мы вели стрельбу по фрицам, здесь я хоронил товарищей. <...>

У кухни кишели бойцы. Голодные, усталые от бессонницы, промерзшие, злые без табака, бойцы приплясывали, грохоча котелками, переругивались, перекидывались шутками. Вот и Шостко здесь, и Романов. Стрельнул закурить. Получил новый ослепительный «саван», то бишь маскхалат. Новостей нет. Новости впереди. Мы их сами будем делать. Эти новости немного веселее стали после этой прогулки. К тому же позавтракал горячим супом. Ходьба подбодрила.

Вечером опять бегал с приказами и донесениями, я знал, что в эту ночь мы идем в атаку.

В 11 часов бойцы стали выходить из землянок и скапливаться у берега в траншеях. Их маскхалаты были серые, почти черные от копоти. Голоса хриплые. Лица мрачные. Ни смеха, ни шуток, ни разговоров. Шепотом бросит кто-нибудь пару слов, и все.

Ругали начальство за отсутствие водки и табака.

Немцы притихли. Даже пулеметы перестали плевать.

Берегли боеприпасы. Они, по-видимому, ждали. Даже ракеты не кидали, ничем не выдавали себя. Луна играла в прятки. Это нам не нравилось.

Ночь на 6 февраля 1942 года. Эту ночь не забыть: темная луна, косматое небо, вспышки ракет, светящиеся пули, солдаты, солдаты, солдаты. Сердце щемило. Днем я как всегда острил, а перед боем почувствовал на душе смертельную тоску. Нехорошее было предчувствие.

Немцы возобновили интенсивный огонь. Ракеты все чаще стали вздыматься над Невой, у противника не хватало терпения. Они устали ждать нас и боялись, как бы мы не передумали, не отказались от намерения идти батальоном, состоявшим из полутора сотен человек, на штурм сильно укрепленного города. Они, вероятно, как и мы, две ночи не спали. Но зато днем могли спать.

Около двенадцати получили приказ спускаться на лед. Двигались с трех исходных позиций. Впереди шла разведка и саперы, с ними связисты, затем пехотинцы.

Командование наблюдало за немецким берегом и Невой, где уже ползли наши бойцы. Заговорили наши пулеметы и минометы. Они били по переднему краю немцев. Но огонька было мало.

Я спускался вместе с начальником штаба. Спуск был глубокий и крутой. Я невольно подумал, а как же в случае наверх? Но, видно, начальство надеялось, что нам обратно вздыматься не придется. Живые поднимутся на тот берег.

Немцы открыли огонь. Нам стало светло как днем от их ракет. Ад разверзся. Началось. Месяц заблудился в дымном небе. <...>

Ночь в полевом госпитале

Тусклый мерцающий свет ночника. В палате восемь пар коек и пара носилок с ранеными бойцами. В узком проходе стоит печка-временка и столик с дремлющей дежурной медсестрой. Заиндевелые окна зашторены. В палате холодно. Раненые укрыты грубыми одеялами. Воздух тяжелый, спертый. Запах испражнений и гниения. Слышны стоны и вскрики, а потом и болезненный смех. Не могу уснуть, как и добрая половина тяжело раненных товарищей. Раны будто горят в огне. Острые боли в ногах, голова будто свинцовая. Прислушиваюсь к необычным шорохам и звукам. Вот кто-то шепчет что-то похожее на молитву. Шепчет истово, от всей души. Это, вероятно, старик, лежащий в углу. У него на шее я заметил крест. Кто-то отчаянно ругается в бреду, клянет жизнь на чем свет стоит, плачет, умоляет и стонет. Ему аккомпанирует февральская выюга.

В паузах между завываниями слышны глухие звуки далекой канонады. Фронт всего в 15 км. Не могу уснуть. В памяти мелькают эпизоды последнего боя, трупы товарищей, запеленатых в белые халаты, будто в саваны, стоны раненых, крики командиров, звуки ружейной стрельбы, непонятные

слова на немецком языке.

Один из раненых сел на кровати. Зашаркал больничными тапками. Встал, пошел к керосиновой лампе на столе у медсестры, прикурил и возвратился в постель.

Сестра спит. Она не слышит всех этих звуков. За время войны она успела к ним привыкнуть.

Шорох тапок. К курящему подходит другой, прикуривает. На несколько секунд, освещенное огнем папиросы, становится видно его бледное осунувшееся лицо. Завязывается разговор:

– Не спится?

– Не уснуть, которую ночь не сплю.

– А ты постарайся днем не спать.

И вновь стук костылей, шарканье тапок, скрип кроватей.

Я лежу у окна. При каждом порыве ветра от него набегает волна холодного воздуха. Слышу голос с пола от обитателя носилок:

– Братишка, принеси прикурить.

Через две минуты другой голос:

– Сколько сейчас времени?

Тут же последовал ответ:

– А бес его знает. Еще до завтрака далеко.

Громкий раздраженный смех нарушает относительную тишину палаты:

– Ишь, как его проняло. Небось, бабу во снах щупает, – съязвил кто-то из лежащих на полу.

Я сворачиваю самокрутку. Прошу перекинуть через койку заженный окурок, прикуриваю. Откуда-то долетает участливый вопрос:

– Тоже не спится?

– Вторые сутки не сплю, ни днем, ни ночью.

– Авось завтра уснешь.

– Постараюсь.

Разговор иссяк. Мягкая постель и чистое белье приятно ласкают уставшее тело. За семь с половиной месяцев не было ни одной ночи в нормальной постели!

Ветер выдувает скудные остатки тепла, освежает воздух.

Кто-то громко заплакал. Во сне или наяву? Плачет и ругается. Вероятно, во сне. В эту февральскую ночь миллионы людей по всему миру заброшены войной в госпитали. Большинство вылечится и вернется на фронт, чтобы вновь пережить ужас и горячку боя и краткое мгновение победы, испытать муки от ран, а быть может, им уже не понадобится помощь врачей, ласка жены, забота матери, и боевые товарищи опустят под звуки ружейного салюта их останки в могилу. Часть госпитальных страдалцев навсегда останутся калеками, а иные домучаются здесь, на госпитальных койках.

Мой сосед справа – моряк, огромный детина с красивыми чертами лица. К утру его жизнь погаснет. Напрасно врачи торопились отрезать ему ногу, чтобы спасти от газовой гангрены. Работа их пропала даром. Моряк умирает. Так сказал госпитальный главный хирург вчера на утреннем обходе.

Вьюга за окном стихает. Почему-то успокаиваются раны. Сестра все еще спит, но уже скоро утро.

Вот уже кое-кто зашаркал тапками и застучал костылями. Начинается «паломничество» в уборную <...>

Я лежу неподвижный, беспомощный. Нога прикручена к шине Крамера.

Как тяжело все время лежать на спине.

Скорей бы утро. Быть может, я увижу холодное февральское утро, такое же яркое, как ракета, лопнувшая у моих ног перед ранением. Вьюга утихла. Шторы все еще задернуты. Тускло мерцает ночник. Медсестра проснулась. Ее лицо такое же белое, как и халат. Устала за время войны, и мы, солдаты, устали, и народ устал. А вожди продолжают бороться. Война продолжается.

Февраль 1942 года

* * *

15 марта 1942 года

Невский, 17Б. Прибыл в эвакогоспиталь. Три часа длилась утомительная процедура оформления, и вот, наконец, попал в рай, то бишь в ванную. После омовения меня, как святого, облачили во все белое, на руках санитары отнесли на третий этаж и положили на топчан без подушки. Санитары четыре раза отдыхали. Сил у них было мало. Я отдал им свою дневную хлебную пайку.

На утро умер один из раненых, и я перебрался на его койку с двумя матрасами. Он был тяжело ранен и не перенес повторной операции. Поговаривали, что в этом виноваты доктора.

Чуть рассвело, я оглядел свои новые хоромы. Три окна выходили на восток, пять – на юг. Значит, в палате целый день будет солнце. Насчитал 36 коек, народ разный и на вид интересный. Утренний обход делала молодая женщина-хирург. Спросила, когда я был ранен, велела медсестре перевязать. Так та неосторожно поступила, меня будто током дернуло – задела какой-то нерв.

16 марта 1942 года

Я заметил, как некоторые раненые при обходе сильнее хромают, жалуются на боли, лица становятся серьезными и сосредоточенными. Каждый опасается, что его скоро вернут на фронт. Среди таких больных немало обмороженных, но лишь немногие действительно ранены в бою. Таких пациентов не любят врачи, а мы тем более. <...>

4 апреля 1942 года

На днях спускался первый раз на костылях смотреть «Разгром немцев под Москвой». С тех пор не хожу: тяжело подниматься. В зале сумасшедший холод, хотя кинофильмы показывают через день. <...>

Мать купила за тысячу рублей пуд картошки. <...> Это на-

до с ума сойти. Вероятно, я в строй больше не вернусь. <...> Много ребят эвакуируется в тыл. <...> Что-то я залежался. От одного воздуха здесь можно заболеть. Хлеба получаю 600 г, 30 г мяса и 50 г сахара. Меняю сахар на табак или отдаю матери. Пью витамин С.

8 мая 1942 года

Вчера вечером долго беседовал с новым соседом по палате. Легко ранен в левую ногу, он всего неделю пробыл на фронте и попал в госпиталь. Ранило его во время работы. Он и немца не видел. Его рассказы про эшелоны, едущие на восток с эвакуированными ленинградцами, произвели тяжелое впечатление.

Плачущие дети, голодные дети, истощенные женщины, продающие себя за сухарь новобранцу, раненые бойцы Ленинградского и Волховского фронтов.

Он мне долго рассказывал о богатствах Сибири. <...> О своей спокойной сытой жизни в глуши, о первой любви, о последней встрече с женой. <...>

Сосед справа – чуваш. Он полтора месяца пробыл на фронте. <...> Богат <...> Денег при себе много. Покупает у своих раненых товарищей хлеб, масло и сахарный песок за бешеные деньги. <...>

9 мая 1942 года

Вчера вечером слушал лекцию о войне на Тихом океане.

Узнал много нового, чего не встретишь в печати. После лекции смотрел фильм «Оборона Царицына». Фильм показался скучным и утомительным.

Пошел четвертый месяц моего ранения. Раны заживают вяло. Скорее бы медкомиссия! Надоело здесь лежать.

10 мая 1942 года

«...» Тоска забубенная. Эх, жизнь наша солдатская. Вечером немного отлегло. К соседу пришли два хлопца и развеселили воспоминаниями о делах разных. Один из них оказался особенно интересен. Он один уцелел от целого полка. Доброволец. Награжден орденом Красной Звезды. Высокий, крепкий юноша лет 22 или моложе. Напомнил мне младшего брата. Его родители жили в Луге, а он – в Ленинграде.

Во время беседы выяснилось, что воевали мы с ним на одних и тех же участках и в одно время. По специальности он сапер. Рассказал, как он минировал поле и сам наскочил на мину, но легко отделался и скоро вернется в строй. Честный мужественный парень, по лицу видно – сметливый и находчивый.

Второй парень родом из Ленинградской области. На передовой пробыл недолго. Лицо его было довольно красивым, глаза карие чистой воды, манеры изящные.

Васильев, бывший тюремщик, долго рассказывал о строительстве санатория на Валдае и о своих авантюрах на железной дороге. Особенно радостной ему казалась жизнь в ис-

правительственных лагерях. Много нового мы узнали из его историй о жизни преступного мира.

После ужина ко мне на койку сел пятидесятилетний Уголков – ополченец-артиллерист. Он рассказал о службе в царской армии и своем участии в войнах. По профессии он наборщик, работал в Публичной библиотеке.

14 мая 1942 года

Когда пациенты госпиталя идут в кино, то, наверное, представляют собою для постороннего человека довольно забавное зрелище. В халатах всех цветов радуги, кто с костылями, кто с палкой, на голову иные повязывают полотенце, другие надевают пилотку, шапки и проч.

27 мая 1942 года

Позади комиссия. Кажется, освободили на шесть месяцев. Вероятно, через неделю буду дома. О, эта комиссия! Целая эпопея. Напоминает страшный экзамен при поступлении в университет.

29 мая 1942 года

Получил обмундирование. Примерил. Надел. Сердце защемило от предчувствия воли, все еще не верится. Хожу как дурак. Неужели свобода? Боже мой! Совсем как ребенок. До чего надоели эти стены. Стоят теплые летние деньки. Нас выпускают гулять во двор. С нетерпением жду, когда выда-

дут документы.

30 мая 1942 года

Три часа пробыл на воздухе. Наблюдал за работой на огороде и движением на улице. На днях предстоит расставание с госпиталем. Раны упорно не хотят закрываться. Товарищи советуют повременить с выпиской. Спасибо, но я не могу дождаться минуты, когда буду свободен и, наконец, смогу пойти на все четыре стороны.

Кроме газет, не могу ничего читать. По вечерам ко мне на койку садится Коля Кириллов – молодой рабочий завода им. Сталина, рассказывает о голоде в Ленинграде и заводах.

1 июня 1942 года

Продумываю план жизни после выхода из госпиталя. Лето думаю провести в Колтушах, а осенью вернуться на завод. Беспокоит мысль о пище. Паяк очень маленький, а мне надо окрепнуть.

Много ходить не могу. В Ленинграде друзей и родных почти не осталось. С первого дня начну обходить знакомых, начиная с Охты и Пороховых.

Сегодня у меня будет тысяча рублей – продам хлеб. Нельзя же без копейки выходить из госпиталя. Кроме пищи, нужно еще кое-что купить из платья.

Если будет голодно, снова попрошусь в армию. Лучше смерть от пули, чем от голода. Осталось ночевать в госпита-

ле всего две ночи.

Впереди желанная свобода, длительный отпуск. Как видишь, Борис, опять судьба тебе улыбнулась и солнце вновь повернулось к тебе лицом.

2 июня 1942 года

Только что пришел из госпиталя. 6 февраля был ранен в обе ноги. 27 мая комиссован. Сняли с учета на шесть месяцев.

3 июня 1942 года

За девять месяцев произошло столько событий, что нет возможности даже вкратце перечислить. Погибли голодной смертью Виктор Иванов и его семья, Леонид Смирнов и его семья, Катюша Седова – она за несколько дней до смерти сошла с ума, от Саши Баранова получил единственное письмо в октябре месяце. С тех пор о нем ничего не слышал. От Васи Епанчина 7 ноября единственное и последнее, о Зимбуле и Поле, а также о Володе Мебели узнал у Якубовского, в ноябре были живы. Писем от них за всю войну не получал. О Якубовском слышал от матери, которая их навещала в феврале. Они эвакуировались, но живы или нет, неизвестно.

От Ивана Калашникова получил последнее письмо в январе. Ему написал из госпиталя много писем, но ответа ни одного не получил. Отчаялся писать. Муля прислала письмо осенью, но оно до меня не дошло. Катя потеряла его. От

Алексея Мартынова получил единственное краткое письмо в январе. Сам я многое пережил, много потерял сил и крови на фронте.

В квартире Анна Иванова и Володя Галунин умерли, Валерия Васильевна умирает.

4 июня 1942 года

Утром вышел в парк на прогулку. Видел, как женщины собирают траву. Сначала решил, что они ягоды и грибы находят, но сейчас ни ягод, ни грибов еще нету. Оказывается, они собирают коренья и травы для дополнения весьма скромного продуктового пайка.

В городе исчезли запретные зоны, т. к. заборы были разобраны на дрова. Таблички с запрещающими надписями, видимо, пошли на растопку. Деревья в парках уцелели. Возле Лесотехнической академии встретился с девушками в белых халатах, по-видимому, там госпиталь.

5 июня 1942 года

Вечером поехал на Пороховые. В доме Ивановых застал Катю с дочерью Ниной. Из Ивановых уцелел один Александр, который на фронте. Виктор умер 24 января, в мае умерли Борис и тетя Катя.

Виктор питался кошками, собаками и даже просил крыс. Страшней этого кошмара не придумаешь. В морозный январский день по дороге на работу он упал на улице. Его от-

везли в амбулаторию, где он умер. Борис погиб последним <...> Он очень хотел жить. У него было будущее. Он уже догонял в живописи старшего брата Виктора и бесспорно стал бы настоящим художником. Его жизнь закончилась слишком рано.

Катя собирает подорожник и варит суп. После смерти Виктора у нее родился ребенок, очень похожий на отца, но быстро умер. Голод <...> Только и слышны разговоры о пище. Я дал ей карточку, она купила килограмм хлеба. Ела она его с ребенком с такой нескрываемой жадностью, что мне тяжело было смотреть. Я напил ей дров и успокоил, как мог. Вспомнили довоенное время. <...>

В городе царит уныние, заботы и страдания. Отдельные жители собирают не только траву, но и дождевых червей. Меняется внешний вид многих окраинных районов. Население дружно разобрало немало ленинградских деревянных домов на дрова. <...>

Сегодня зашел к Смирновым, пробыл 20 минут. У них почти все вымерли. В живых остались Володя и Нина. Володя учится в школе младших командиров. <...> Зашел к Мише Владимирову. Не застал. Беседовал с полчаса с Валентиной. У всех полная апатия, чувства атрофированы, всеми владеет страх голодной смерти.

6 июня 1942 года

С кем ни беседеешь, от всех слышишь, что последний ку-

сок хлеба, и тот полностью не получить. Воруют у детей, калек, больных, рабочих, служащих, иждивенцев. Тот, кто работает в столовой, магазине или хлебозаводе, тот сегодня является своеобразным буржуа. Какая-нибудь посудомойка живет лучше инженера. Мало того, что она сама сыта, она еще скупает одежду и ценные вещи. Сейчас поварской колпак имеет такое же магическое действие, как корона при царе. Правда, царь скипетр брал в руки в торжественные дни, повар трудится весь день у котла. <...>

9 июня 1942 года

Заехал на Охту. Зашел к Александру Смирнову. Узнал его только по глазам и носу. Живой скелет, обтянутый кожей. Его сейчас мучит понос и нет аппетита. Истощение III степени. Был у Ани Седовой. В то, что я от нее услышал, трудно поверить <...>

Катюня умерла 22 февраля. Ее обирал ее возлюбленный. Последнее время она не работала. Владимир не давал ей денег. <...> Он продавал ее вещи и отказывал жене в куске хлеба. За щепотку табака брал с нее хлеб. Когда Катюня слегла, Владимир, возвращаясь с работы, громко спрашивал, не околела ли она. <...>

Люди на улицах на ходу жуют хлеб, рыбу, конфеты. До войны это было не принято. <...>

Нет спичек, хожу прикуривать на трамвайную остановку. Табак на исходе. Деньги тают, постепенно уравниваюсь. Вид

у меня пока еще сносный, но засыпаю полуголодным. <...>

Людей в городе остается все меньше и меньше. Каждый день эвакуируются, смерть по-прежнему остается высокой. Ползут призрачные слухи, что с первого числа прибавят продуктов и хлеба <...> Война скоро кончится <...> О многом говорят в народе <...>

Долго будет не восстановить промышленность и сельское хозяйство. Много людей погибло и еще погибнет. Нормальная жизнь после войны не скоро восстановится.

11 июня 1942 года

Был у Смирнова. Он жаловался на жену, которая крутит роман с каким-то крупным спекулянтом. Выменяли спирту. Выпили. Крепко стукнуло, так как закусил я всего лишь 150 г хлеба. Ходили к Нине Макаровой, там дошло дело до поцелуев и объятий, слава богу, не пошло дальше. Был пьян впервые в 1942 году. Ночевал у Быстрова, утром меня рвало.

Ездил на завод. Из 700 человек, работавших в цехе до войны, двести ушло на фронт, триста умерло с голода, двести живут полуголодной жизнью.

Полным ходом идет эвакуация. У Финляндского вокзала ежедневно пестреют тюки, корзины, узлы, чемоданы с пожитками. В городе много разрушений – местами торчат одни трубы. У всех на уме одно: как бы поесть. <...>

13 июня 1942 года

Умер Александр Смирнов. Накануне смерти мы с ним чокнулись рюмками, а сегодня я два часа бродил по кладбищу и не мог найти место, где его хоронят.

Холод стоит чудовищный. Вчера с 23 до 2 часов дежурил у дома и застудил ноги. <...>

Постепенно вырисовывается вся картина зимней трагедии Ленинграда. Когда по несколько дней в городе не выдавали хлеба, женщины, как голодные волчицы, налетали друг на друга, на возчиков хлеба, хотя последнего сопровождал милиционер, били витрины, вырывали хлеб и прочее.

Сегодня видел у Охтинского кладбища некрашенные гробы и мумии, закутанные в простыни и одеяла. Нет сил смотреть на страдания жителей города. Все, что было пережито за год, не случается и в десять лет. <...> В Ленинграде сложилась тяжелая атмосфера. У людей измученный вид. На лицах – печать усталости. Они апатичны и постоянно собирают и жуют подорожник и другую зелень. <...>

Сегодня получил на заводе три с половиной тысячи рублей. 200 отдал крестнику Вовке, 250 – Ольге в долг, у нее вытащили в кинотеатре карточки. Помогаю чем могу, делюсь куском хлеба. Ей 17 лет, брат на фронте, мать и отец погибли от голода.

14 июня 1942 года

Полдня проходил по центру города. Был в Гостином, на Невском, Литейном в комиссионных. Купил приличное

пальто за 800 рублей и на 200 рублей книг. Купил коричневый, под цвет брюк, пиджак за 150 рублей.

17 июня 1942 года

Вечером поехал навестить сестру. Нашел ее на огороде. Придя с огорода, Катя принялась варить крапиву. Я попробовал – понравилось. Не проходило минуты, чтобы сестра не жаловалась на голод, усталость, апатию. Правда, работает она много, и вид у нее вполне здоровый. Я заметил, что она отрывает нормированную пищу у своей дочери. Она питается в столовой и из продуктов, выкупленных по карточке ребенка, половину съедает сама. У нее чертовский аппетит.

Катя собралась эвакуироваться, но не знает куда. Я отказался давать совет. <...>

Ездил на завод. В цех пройти не удалось. Видел у ворот шлифовальщика Михаила Иванова. Он сообщил, что остались в живых немногие. <...>

Навестил Мишу Владимирова, он очень изменился, опух, пожелтел. По-видимому, его скоро возьмут служить. <...>

В комнате у меня царит хаос, вероятно, переберусь в соседнюю. Со второго числа почти двое суток не могу получить карточки.

Вчера вечером впервые переоделся в гражданское. Вновь с утра ходил в парк. Как и во время Финской кампании, по нужде приходится оправляться в кустах. Не работает уборная. <...>

Сегодня только и слышны глаголы: разрушить, сжечь, уничтожить, истребить. В парке занимаются военным делом подростки – девочки и мальчики.

Дело идет к вечеру, а карточки еще не получил. Голова кружится от голода, часа два назад обстреливали наш район.
<...>

Плохо без часов. На улице они стоят, а дома их нет вовсе. Дома копался в книгах и рукописях. Нашел много ценного материала. «Лишний» нагрел печку до красна. Жаль, что в дневниках много пробелов. <...>

Ползут слухи, что немцы концентрируют войска вдоль Ленинграда.

20 июня 1942 года

<...> В городе на остановках, перекрестках, уцелевших заборах пестрят объявления. Срочно продается. Ниже следует перечисление, адрес и часы распродажи. Все как по уставу. Всевозможные почерки и напечатанные на машинках, принадлежат так называемым эвакуирующимся из Ленинграда. Одни едут к родным или знакомым в глубокий тыл, где спокойнее, надежнее, а главное, сытнее. Другим все равно куда ехать, лишь бы подальше от голода и обстрелов. Они готовы скитаться по чужим углам, только бы выехать из Ленинграда. Эвакуироваться можно только тем, у кого есть дети, и негодным к военной службе. Многие мечтают уехать, но не разрешают. Есть и такие: и не мечтают покинуть город, но их

выселяют принудительно, считая неблагонадежными. <...>

Кому война, а кому нажива. Это поговорка нынче в моде. Одни ходят на рынок обменять последнее трико на двести граммов хлеба, чтобы выжить, другие посещают комиссионные магазины, откуда выносят фарфоровые вазы, сервизы, меха, и надеются еще долго прожить.

Одни ходят на работу к семи часам утра и возвращаются к восьми вечера, собирают траву, щепки, а потом варят обед и в полночь ложатся спать с надеждой увидеть во сне перловую кашу, а быть может, сосиски. Другие ловчат, приспособливаются, пытаются, иной раз не без успеха, обогнать ближнего, урвать для себя что-то для собственного пропитания. Одни отдают детей в очаги и ясли, а сами работают, другие обворовывают собственных детей.

Ленинградцы разучились спокойно разговаривать: остроты, желчь, зависть поднялись до сарказма. <...>

Почти половина женщин стали курить. Курят из-за баловства или кокетства, от голода, от злости, а потом уже по привычке. Табак дорогой. Сто грамм стоит фунт хлеба. Одни женщины обтрепались, износились, обветшали и платьем, и телом, другие лоснятся от жира и щеголяют шелковыми тряпками.

Покойников продолжают хоронить без гробов. К этому привыкли, к тому же дешево и сердито: и дров будет больше, и лес целее.

Народу в городе становится все меньше. Но трамваев ма-

ло. До войны мимо моего дома проходило девять маршрутов. Сейчас – один, трамваи переполнены. Ходят до десяти часов. В городе много разрушений. На днях обстреливался проспект 25 Октября⁸, снаряд попал в кинотеатр «Титан». Было много жертв. Попало и по улице 3 Июля⁹, и вновь по Гостиному двору, который уже горел по всем швам.

Налетов авиации пока нет. Ходят разноречивые слухи. Одни говорят, что с первого хлеба и продуктов прибавят, другие – сбавят. Одни говорят, что будут бои в городе, так как на улицах строят баррикады; город, горожане полны противоречий. О зиме вспоминают с содроганием. Трупы валялись на каждом шагу. Люди умирали на ходу. Воды до сих пор в большинстве домов нет. Дров нет. За пол-литра керосина с меня спросили 50 руб. Прикуривать хожу на остановку. Варим липовый суп. Книги читать скучно, даже беллетристику. Жизнь города и его людей интереснее.

Каждый день слышны выстрелы артиллерийские, пулеметные и винтовочные. За год выросли преступления: никому доверять нельзя. Люди забыли совесть. Не верят в грядущее. Только одна мечта – набить чем-нибудь обиженный желудок. На какую бы тему ни завел разговор, невольно он сворачивает на тему животного благополучия.

Я еще не потерял интереса к жизни, к природе. По-прежнему восхищаюсь растительностью парка. Его цветами, де-

⁸ Ныне Невский проспект.

⁹ Ныне Садовая улица.

ревьями, кустами и птицами. С ними я молча беседую, вспоминаю и мечтаю, в нем я отдыхаю от безумия. Жаль, что много ходить не могу. Болит нога.

Надо спасти Ольгу, не умирать же ей от голода. Двадцать дней прожить без единой карточки и без денег. Одна. Никто не помогает. К тому же не работает. Десять дней позади, еще десяток как-нибудь проживем. Не умрем двое-то. Если бы была она двумя-тремя годами старше, я бы женился на ней. Славная девушка, жаль, что не хозяйка. Жила за маминой спиной. Ничего, жизнь научит. Горя хлебнула. Таких жаль. Им надо жить. <...>

Анютка хитра, очень хитра. Но меня не проведешь. Между ее слов я понял многое и стал меньше ее жалеть, тем более, когда вспоминаю прошлое. Она мне напоминает Катюшу. Поэтому, только поэтому я с ней общаюсь, но бог с ней, она не виновата. Стихи не пишутся. Организм размяк, вялость, пессимизм не по мне. А здоровых стихов писать не в силах. Где-то бомбят. Далеко.

Неправда, доживем до лучших дней! Главное, не потерять надежду и желание жить. Впереди еще осталась часть молодости. Сейчас тревога. Бомбят город. Улицы опустели. Разрывы близко. <...>

5 июля 1942 года

Вчера меня навестила сестра. Она сейчас начальник аптеки все там же, то есть у завода «Большевик». Вышла замуж.

[Ее муж] кажется, хороший человек. Студент третьего курса киевского института. Был на живописном факультете. В армии с Финской войны. Сейчас работает по технической части. Катя у меня пробыла около двух часов. Много работает. Выглядит сносно.

Сегодня прибыл с матерью в Колтуши. Последний раз меня везли этой дорогой в феврале и марте раненого. В доме был 4 ноября прошлого года и не надеялся еще раз побывать.

Лес не узнать: остались деревья-уроды, как мужчины, оставшиеся в тылу. Где были тропинки, стали дороги. Кругом военные, подсобные хозяйства, финнов не видно. Жизнь за один год изменилась не меньше, чем местность. Лежал в саду более двух часов. Забора нет. Деревья выросли. Кусты заросли травой. Стол сожгли. Вероятно, горел весело: на нем некогда рекой текло вино. <...>

6 июля 1942 года

С утра работал на огороде. Днем лечил рану на солнце. Ходил к Ивану Зарубину за молоком. Он, как и я, инвалид Отечественной войны II группы. У него нет половины ноги. Протез. Жена и трое детей. Чудом сохранилась корова. Этим и дышат. Посажен небольшой огород. Он был на фронте всего один месяц. Наскочил на свою мину. Видел мало. Лежал в госпитале семь месяцев. Два месяца уже дома. Еще будет операция. Снят на шесть месяцев с воинского учета. Его дело теперь правое.

Вчера у себя дома встретил незнакомую девушку. Она пришла навестить мою маму. Познакомились. Имя – Нина. Ленинградка. Родители умерли. Работает в подсобном хозяйстве. Выглядит очень хорошо. Скромна, стройна и красива. Мне она очень понравилась, даже более того. Неглупая девушка и простая. Ей 18 лет. До войны работала на Петрозаводе. Жила на улице Петра Лаврова. <...> Обещала прийти сегодня, что-то долго нет, уже 9 часов вечера, и я скучаю по ней.

В отношении питания – сегодня сыт, впервые в 1942 году. <...> Ем суп и кашу досыта три раза в день.

8 июля 1942 года

Вчера приходила Нина. Ходили собирать полевые цветы. Потом я ей в саду прочел несколько своих стихотворений о природе... Она любит музыку... У нее хороший голос. Перед войной она поступала в Капеллу... Окончила 9 классов. Мать ее и отчим погибли от голода. Отец на фронте. Но с августа известий о нем нет. Он был ранен.

Сама она много работает в поле. <...>

Перешли на «ты». Смеялись, шутили... но... она, оказывается, проводит время с одним из военных, он живет у меня в доме, служит старшиной <...> Вчера поздно вечером он ходил ее провожать. Я скверно себя чувствовал и долго не спал...

Читаю любимого Верхарна и все больше изумляюсь его

душе и разуму. Наши дела идут неважно. Немцы подходят к Воронежу!

Наши отступают. Продолжаются кровопролитные бои на курском направлении. В газетах ничего утешительного. Что дальше будет, неизвестно. По-видимому, хорошего ждать не приходится. Чему быть, того не миновать.

Пройдя сквозь фронт, сквозь ужасы и тьму,
Познав людей, я говорю одно:
Пока идет война и на земле темно –
Не доверяйте сердце никому.

9 июля 1942 года

Вчера вечером она приходила к матери по делу. Попросила, чтобы ее проводил. Дорогой вдруг она сказала:

– Боря, хочешь, я тебя познакомлю с хорошей девушкой?

Я ей ответил:

– Что ж, познакомь, а то действительно скучно одному.

Потом спросил, давно ли она проводит время с В., она ответила, что совсем недавно. <...>

Настроение испортилось. Зашли в дом, где она живет. <...> В доме играл патефон. Я пробыл там полчаса. Затем она меня немного проводила. Было холодно. Я был в пальто, она – в белой кофточке. Хорошая, милая, но, увы, чужая девушка. Была слышна отдаленная канонада, и я пожалел, что не на фронте.

Довольно лирики. Война не кончилась. Когда бы я мог по-

думать, что моя мать с ее здоровьем будет работать лесником. От нее я узнал, что весь лес Всеволожского района пойдет на порубку. Как жаль, что его не так много осталось. Война калечит не только людей, но и природу.

15 июля 1942 года

Много времени уделяю огороду. Полю, окучиваю, удобряю, поливаю капусту, картошку, огурцы, свеклу, морковь. Эту неделю питаюсь очень хорошо. <...>

Воронеж со дня на день будет в руках у немцев – бои идут в городе. Германские войска прорвались в Центральную Россию. Мы продолжаем отступать. О втором фронте больше не говорят.

19 июля 1942 года

Приехала Нина, привезла патефон и 25 замечательных пластинок. У меня было кислое настроение. Слушал музыку. Спать лег поздно.

Сегодня с утра погода была дождливая. Варил грибы, обедал с Ниной. На огороде цветут огурцы и картошка. Капуста завязывается. Растут морковь и свекла. А где-то продолжается война.

20 июля 1942 года

Вечером все-таки выпил. Водка отвратительная. Не шла в горло. Просидели до часу ночи Нина, ее друг В. и я. Утром

болела голова. Несмотря на то, что оставалось с вечера 250 г водки, опохмелиться не смог. Эх, с каким бы наслаждением выпил бы сейчас пивка.

29 июля 1942 года

Сегодня день моего рождения. Час дня. Сажу за столом один. Мать лежит на кровати больная. На столе – котелок вареной картошки, на тарелке веером разложены 200 г килек и 300 г хлеба. В котелке остывают грибы, собранные вчера. Нет ни аппетита, ни настроения. Вина нет, друзей нет, девушки нет, есть только продолжение войны.

Утром 25-го навестил Быстровых. Застал их дома. Угостил привезенными грибами, картошкой, редиской и табаком. Говорил с Владимиром и не верил ушам своим, выслушивая его ругательства и оскорбления по адресу жены.

Легли поздно. Утром следующего дня пошли с Владимиром в Охтинские бани.

После бани поехали на Пороховые к Кате Ивановой. Она собралась в эвакуацию и уже получила на работе расчет. Поспешно распродает этюды покойного мужа. «Перед грозой» цела, вероятно, из-за того, что большая и занимает много места. Когда-то я просил ее не продавать. Взял на память несколько последних рисунков.

Мою Охту теперь не узнать! В домах остались по 3–5 человек. Дома разбирают на дрова. Окна выбиты, черные, как глаза смерти. Дворы заросли бурьяном. Люди встречаются

редко. <...>

31 июля 1942 года

Миновал последний день июля. Мне пошел двадцать восьмой год. Вечером долго смотрел в окно. На западе небо пурпурно-золотое, а на юге показалась радуга. <...> Дул сильный ветер. Временами лил дождь. День рождения прошел тихо и скучно.

Нина стала жить со своим В. Она его не любит. Из-за алчности отдала ему девичью честь. И после всего хочет, чтобы я связал с ней свою жизнь. У нас последние дни идут крупные разговоры. Сегодня особенно. Я ей все высказал. Она тяжело переживает...

2 августа 1942 года

Сегодня долго ходил по лесу. Набрал много грибов: белых, красных, прочих. Сушим, солим, варим. Вчера ходил за голубикой. Набрал армейский котелок.

Вчера вечером уснул далеко за полночь, беседовал с Ниной. Мы ласкали друг друга, как влюбленные. Сегодня, вероятно, опять то же самое. Все это напоминает мне благодатные времена встреч с Марией. Чувствую себя великолепно духовно и физически.

На юге дела идут невеселые. События грозные. Стараюсь не думать, все равно от этого легче не будет. Буду жить, как жизнь велит, по обстоятельствам.

5 августа 1942 года

Ежедневно хожу за грибами. Набираю понемногу. Мать их сушит, солит, маринует и жарит. Провожу в лесу по пять-восемь часов. Сильно устаю физически, но хорошо отдыхаю духовно. Только сегодня с полудня распогодилось. Выглянуло солнце, и стало тепло. Все дни шел дождь и дул сильный ветер. Сегодня я должен обстоятельно написать о Нине. <...>

Она красивая, умная женщина. Ей нет еще 18 лет. Многое пережила. Я не думал, что она как девушка так низко падет. Как горько я в ней разочаровался и через это переживаю. Она равнодушна к В.

Он ее любит. Помогает продуктами. Ест она как заправский грузчик и на глазах тучнеет, и эта чрезмерная полнота ее портит. Ест она много и жадно, открыто и украдкой. Это становится противно не только мне, но и матери.

К тому же она лжет на каждом шагу. Притворяется, кокетничает. Хитра, очень хитра, но меня перехитрить она не в состоянии. Я вижу ее насквозь, и оттого мне ее очень жаль. Она отдала свою девичью честь из жадности. Она не подумала о последствиях. Жить сегодня: завтра неизвестно, что будет. Она надеялась, что я стану ее любовником, а быть может, женюсь на ней. Она не знала моего эстетического вкуса, духовной чистоты. Меня война еще не изуродовала в этом отношении. Она матери созналась, что отдалась В. в надежде на получение материальной поддержки. Она скрывала от

нас свою связь, видимо, надеясь завязать со мной близкие отношения. Однако В., почувствовавший, что его положение шатко, не сообщил нам, что она ему отдалась. Я это ужасно переживал. Она мне сделалась противна. Более того, я ее возненавидел. Она это почувствовала и сказала:

– Ты даже не скрываешь своей ненависти.

– Не умею скрывать ни любви, ни ненависти. И ты постарайся реже попадаться мне на глаза.

Любуясь своим отражением в зеркале, она сказала:

– Я люблю красоту.

– Я тоже люблю красоту, но красоту, сочетающуюся с духовной чистотой.

Мы много наговорили колкостей друг другу, особенно я; стал груб, отвечал односложно, на ее попытки приласкать меня грубо ее отталкивал. Мучаюсь тем, что ею обладал другой. Он приобрел ее за хлеб, украденный у бойцов. Кормит ее из закромов армии. <...>

Одним словом, на Нине я ставлю крест, но на чувства к ней, которое я пытаюсь выжечь из собственного сердца, пока ставлю многоточие. Что будет дальше, обстоятельства покажут.

Я предвижу такой финал. Военная часть снимается, а вместе с ней и В. Нина останется одна. Будет стараться сблизиться со мной, но это ей не удастся. Она начнет знакомиться с военными и пойдет по рукам. Падет на глазах из-за своей дикой жадности и молодой необузданности. Затем она вер-

нется в Ленинград, на завод, где свяжется с «начальством» и будет вести жизнь, подобную той, что ведут тысячи молодых привлекательных женщин, павших физически и морально.

Как жестоко я в ней ошибся! Думал, она чистый цветок, приносящий драгоценный плод, оказалась она пустоцветом.

Дела наши на фронте плохи. Если так пойдет дальше и союзники не откроют второй фронт в ближайшее время, война будет проиграна. Позор небывалый в истории России.

13 августа 1942 года

Тоскливо, пустынно, безрадостно, тихо, безжизненно стало на родной Охте. На улицах и в садах, на газонах и клумбах вместо зеленой травы и пышных цветов растут капуста, брюква, свекла, турнепс и другие овощи. В городе не видно цветов, не слышно смеха и песен.

Народу в городе осталось немного. Выглядят прохожие и проезжие неплохо. Зелень их поставила на ноги. На лицах нервозность и забота. Кажется, войне не видно конца. И все боятся новой зимы.

Трамваи еле ползут, уцелевшие заводы едва дышат. Город устал, постарел за время войны. Так много ран нанесено ему, но красоты еще не утратил. Стоит, как старый богатырь, весь в шрамах, морщинах, но готовый сразиться с врагом.

У берегов Невы стоят боевые корабли, замаскированные, но настороженные. На базарах вместо цветов продают ботву,

прикуривают от солнца с помощью увеличительного стекла, в ходу самодельные зажигалки, женщины на остановках просят оставить покурить. Мертвецов чаще возят в гробах, но и смертность заметно уменьшилась.

Продуктовую норму не увеличивают и качество падает. О Ленинграде, похоже, стали меньше заботиться, не до него. Немцы подошли к Краснодару. <...>

Нина уходит в армию, чтобы быть с В. вместе. Я с ней очень мало говорил, да и, собственно, говорить не о чем. У нас теперь ничего общего нет. К тому же у нее медовый месяц, а у меня траурное полугодие. <...>

23 августа 1942 года

15-го у меня была Аня С. Она пробыла целые сутки. Вспоминали свои лучшие годы. Вечером раздобыли немного водки. Выпили. Не спали до четырех утра. Она сидела на моей кровати. Хочет соединить свою жизнь с моей... Я чуть было не решился... Ходили в лес, целовались, как влюбленные. У обоих клокотала страсть. Договорились встретиться 28-го в городе. Она неосторожна в словах, сказала Нине, что выйдет за меня замуж. Между ними тайная вражда... Вечером посадил ее на машину и отправил в город, а позднее у нас был накрыт стол и много вина и гостей человек пять. У меня было на редкость веселое настроение, я читал стихи (правда, сквозь слезы) и много пил. Но вел себя прилично. Потом ушел в сад и там быстро уснул. Утром болела голова и ниче-

го не делал...

16 сентября 1942 года

14-го перебрался из Коркина¹⁰, где я более двух месяцев прожил почти беззаботной жизнью, в свою комнатку в Лесном. Приехав на место, тотчас же отправился в жакт. Управхоз новый. Молодая деловая женщина. Она меня с места в карьер взяла в оборот. Через пятнадцать минут я уже учился ремеслу стекольщика. Ленинград готовится к зиме. Запасается дровами, остекляет окна.

Мой дом наполовину разобран, сохранившуюся часть пытаются утеплить к зиме. Дело с остеклением не клеилось. <...>

На Литейном меня окликнул знакомый голос. Миша Чистяков, приемщик, с которым проработал три года рядом за одним верстаком. Оба были рады встрече. Он два месяца работает на оборонных работах. Кратко рассказал о своей жизни за последний год. <...>

Я дал ему полфунта хлеба. Он в благодарность поцеловал меня. Взял его адрес и пообещал зайти.

Знакомой, которую я намеревался посетить в этот вечер, дома не оказалось. Стемнело, приближалось время комендантского часа, и я решил зайти к Чистякову. При свете буржуйки мы рассказывали друг другу о себе и общих знакомых. У меня была пачка концентрата. Сварили кашу... Он

¹⁰ Деревня Колтушского сельсовета. В 1940 году в ней насчитывалось всего 10 дворов.

живет один в квартире площадью 50 кв. метров. Уходит в шесть утра, возвращается в восемь вечера. Работа тяжелая, сил нет. Рассказал мне о жизни завода, знакомых погибших рабочих.

Легли спать. Комната огромная, сырая. У меня голова распухла от сырости и затхлости воздуха. Пахнет плесенью... Очень нездоровый воздух. Он предложил перебраться к нему, но я решил от этого воздержаться.

На следующий день рано утром он ушел на работу, а я закрыл за ним дверь и отправился досыпать. Встал около десяти и поехал домой, где целый день добросовестно выковыривал стекла из рам. <...>

В трамваях вечером мало пассажиров. По улицам ходят немногие. Люди боятся зимы и везут с собой овощи и дрова. По вечерам город тонет во мраке.

Сегодня с утра привожу в порядок свою комнату. Надо замаскировать окна. Первый раз ночевал на новой квартире. Комната показалась уютной, окна выходят на запад. <...>

3 октября 1942 года

Война надоела до чертиков. Народ едва стоит на ногах от усталости. Возможно, я ошибаюсь. Но мне так кажется. Зима обещает быть суровой. Война затянется до весны. Весной будут решающие бои. Это мое личное мнение. До сорок третьего года мне не дожить. Если не оторвут голову, я сойду с ума. Металл, и тот устает... Я человек... Скорей бы конец.

Кажется, насытился жизнью. И жить не для кого. Довольно себя тешить и обманывать, как ребенка. Пора стать взрослым. Вероятно, я болен. Что-то со мной неладное.

30 октября 1942 года

«...» С 9-го работаю на заводе им. Сталина. В цехе холодно.

На днях получил белый билет. Много испортили крови. Заново проходил медкомиссию. «...»

Был на концерте в филармонии и на спектакле в Александринке на «Баядере». В театрах не раздеваются. Публика очень пестрая, какой раньше и в захолустном кино не встретишь. Много военных и ни одного буфета.

В театре дистрофиков нет. Начало очень рано, в 5 часов. Трамваи ходят до 8, а вообще хождение по городу до 10 вечера.

На работу езжу на двух трамваях, часто с Финляндского вокзала иду пешком, трамваи ходят тихо и редко. Всегда переполнены. «...»

Ломал дом – запасаясь дровами. Нигде не бываю. Ложусь ровно в 9–10 часов вечера, встаю около 6 утра.

На заводе утепляю конторку. Сам сделал печку. До декабря буду жить в Ленинграде, а там, если завод не забронировывает, пойду опять в армию.

Сегодня в парке сорвал последние цветы осени, и сам не знаю какие. Становится темно и холодно. На горизонте туман. Праздники, вероятно, буду встречать один. На заводе

мне дали 8-й разряд и высшую ставку ОТК 700 рублей, работаю старшим контролером. У меня две приемщицы 5-го разряда. <...>

По радио передают классическую музыку. Постараюсь под нее заснуть. Пока бодр и силен, что будет дальше, увидим, а пока тоска от одиночества. К остальному уже привык. <...>

1 ноября 1942 года.

...Сегодня выходной. С утра убирал комнату. После варил обед, затем ходил на почту. Сделал дверь, носил дрова. Незаметно стало темно.

На заводе в цехе работаем в пальто. Я у себя в конторке поставил печь. Сам сделал трубу. Долго возился с коленами. Остеклил, завтра буду наводить чистоту и уют. <...>

Работаю много. Время летит пулей. Незаметно подошла перекомиссия. Мне кажется, что война затянется до весны, а возможно, до лета... Мне придется отправиться в «третий рейс».

Зима будет не менее тяжелая, чем прошлая. Опять будет много жертв. Люди отупели от голода и усталости, от смертельной тоски по близким. Война натворила много бед. Я пока жив и почти здоров. Почти все мои друзья живы, но разбросаны по стране. <...>

Виктор Иванов и Леонид Смирнов уснули вечным сном. Катюня С. тоже. Веня Мебель погиб. От Поля давно нет известий. Епанчин два месяца назад был жив. От Калашнико-

ва и Жукова около двух месяцев не получал писем. Алексей Мартынов жив. О Николае Иконникове ничего не знаю. Баранников под Ленинградом на лесозаготовках. Его не видел с июня. Брат Николай недалеко от Саратова. Катя в Ленинграде. Мать в Колтушах. Я пока дома. Черт возьми! Я, кажется, счастливее всех. Пока что мне везет, судьба хранит меня. Что будет дальше?

3 ноября 1942 года

Вечер. Слушаю по радио балетную музыку Глазунова. Скоро праздник. Сегодня на улице встретил друга детства Николая Цыганова. С трудом узнали друг друга. Мы были знакомы восемнадцать лет. Он с малолетства прихрамывает. Мои первые слова были: «Вот видишь, гора с горой не сходятся, а хромые обязательно сойдутся». Спросил его шутя, на какую ногу он прихрамывает, оказалось, на левую, а я – на правую. Забыв неотложные дела, пошел с ним по направлению к его дому. Он сказал, что я здорово похож на отца, а он мне показался крепко схожим со своим старшим братом. Дорогой торопливо делились пережитым. Он с прошлой осени живет один. Семья в деревне. Рассказал мне, как вырвался от смерти. Незаметно дошли до его дома на Ключевой, хотя это далеко от места нашей встречи. Возле его дома прошлой осенью была сброшена бомба в полтонны весом. Пятиэтажный дом разбило вдребезги. Остались одни руины.

Зашли к нему: второй этаж, уютная комната, печка, из

съестного — два бочонка квашеной капусты. Я просидел у него около часа, он подарил мне на память трубку. Думаем вместе провести праздник.

Только от него вышел, объявили воздушную тревогу, захлопали зенитки. Я не стал прятаться в убежище, а направился пешком в сторону дома. Тревога длилась ровно два часа.

17 ноября 1942 года

Через десять дней медкомиссии. Вечером 6-го шел пешком от дома до Литейного. Небо было темным. На черном фоне вспыхивали яркие зарницы выстрелов. Около 10 часов пришел к Беку.

В 11 часов сели за стол. Выпили. Нас было пятеро: я, Бек, его мать, невестка и товарищ. Комната, вернее квартира, уютная, богато обставленная. Сидели при лампе. Заводили патефон. Я протанцевал два тура. Был немного пьян. Легли спать в 3 часа ночи. Вечер прошел без песен и стихов, что бывало редко.

Утром в 8 часов похмелился и поехал домой. Дома законопачивал окна. В 4 часа по полудню приехал Володя Егоров, привез мой обед и пол-литра водки. У меня тоже была четвертинка. Выпили. Хорошенько закусили и поехали в Выборгский дворец культуры, там танцевали. Через сорок минут все кончилось. Ночевать поехали ко мне. 8 ноября утром вместе поехали на работу.

10-го с обеда взял увольнительную и вместе с Егоровым пилили дрова. Переносил их на четвертый этаж. Устал дьявольски. Особенно нога. 8-го утром у Володи умерла мать.

14-го вечером поехал к Кате. Вечер был холодный, ветреный, снежный. Около часа ждал ее у ворот. <...> За ужином распили четвертинку водки, пили чай. Делились новостями. Ночью выпал снег. Утро было бодрое. Пробыл у сестры до четырех часов дня. <...> Катя подарила мне новые русские сапоги и дала в дорогу полтора кило хлеба и банку баклажанной икры. Это сейчас для меня большое дело.

Морозы сдали. Туманы, дожди. <...> Получил от мамы телеграмму. Она осталась без карточек. Меня это беспокоит.

Скоро выяснится моя дальнейшая судьба. Физически я чувствую себя хорошо, морально тоже.

Наш завод недавно обстреливался, утром пришел на работу – стекла выбиты, от снарядов воронки. С начала и до середины ноября были частые налеты и яростные обстрелы.

С табаком второй месяц плохо. Пока кое-как держусь на старых запасах. На пару недель хватит. Встаю в 6 утра. Прихожу домой около 7 вечера. С Финляндского и до Финляндского почти ежедневно хожу пешком. На заводе дела идут хорошо. Сам утеплил конторку, поставил печку и даже сделал трубы. Питаюсь на рациионе, этого мало. Читаю Барбюса «Огонь», стихи французских лириков и Багрицкого.

Через несколько дней установится моя дальнейшая судьба. Армия или завод. Пока спокойно живу ожиданием. Все

равно, что будет, то будет. От судьбы не уйдешь.

20 ноября 1942 года

С утра – снег, днем и вечером – дождь. В трамвае разговаривался с кондуктором. Пожилая женщина. Пять сыновей на фронте, две дочери в эвакуации. Осталась одна в осажденном городе. Хорошая, добрая женщина-мать. Обстрел завода и набережной. Нет тока.

Собрались в конторке. У меня – хряпа¹¹. Есть дополнительные талоны. Разговоры о минувшей зиме и страх перед наступающей. Мои приемщицы (браковщицы) П-ва и Ш-ва.
<...>

24 ноября 1942 года

Вчера была тихая, лунная ночь. Сегодня ветер, снег, тьма. В комнате холодно. Репродуктор заливается чем-то веселым. 8 часов вечера, только что приехал с работы. Ехал на трех трамваях. Вчера и сегодня веселые сводки из-под Сталинграда. Народ повеселел.

21-го ездил к сестре. Ночевал у нее, хорошо покушал, отвел душу. У нее был день рождения.

На заводе много работы, ни минуты отдыха. За эти дни для будущего ничего не сделал. <...> Через два дня все выяснится. В комнате беспорядок. Дрова не пилены, окно законопачено плохо. В бане давно не был.

¹¹ Внешние зеленые листья капусты.

26 ноября 1942 года

Вчера сходил в баню и парикмахерскую, а сегодня в поликлинику. Последние ночи не спал из-за пальца, распух, как колбаса, и ноет, ноет, проклятый. Резать пока не дал, а будут снимать с ногтем. Грел ногу на соллюксе. Выписали больничный. Наш район обстреливали. Сводки Информбюро веселые. Народ воспрял духом. Погода стоит смешанная: то снег, то дождь, то метель, то солнце. В комнате холодно и тоскливо, а главное, адская боль в руке, температура и общая слабость.

3 декабря 1942 года

Палец резали, да недорезали. Вероятно, придется лишиться сустава. Гной идет здорово, уже кость видна. Завтра основание ногтя снимать будут.

27-го ездил на ВТЭК, инвалидность продлили на полгода, дали III группу. В военкомате на комиссии еще не был. 28-го вступил в кандидаты ВКП(б). Вечером поехал к сестре и там заночевал. На следующий день до девяти вечера был один и нянчился со своим пальцем. Успехи под Сталинградом окрылили население и армию.

От сестры уехал в понедельник утром. Хожу через день в амбулаторию и каждый день на завод обедать. Зима стоит мягкая. Дрова есть, но непиленные. <...> Беспокоюсь о матери. Просил сестру съездить к ней. <...> В моей квартире появил-

ся сосед – следователь, дома бывает редко. Вода не идет, холодно. С питанием сносно. Сестра немного помогает.

12 декабря 1942 года

Оттепель, с крыш капает. Новостей много. 5-го была комиссия, признан годным к нестроевой службе, не связанной с длительной ходьбой и тяжелыми физическими нагрузками. Завод, кажется, меня бронирует. Катя съездила к матери. У нее в доме стоят гвардейцы Краснова. Она живет очень хорошо, прислала мне крупы, консервов, масла, концентратов, зимнюю шапку и белье. Ждет меня. Капуста не тронута. До февраля я обеспечен сытой жизнью, а там что бог пошлет. Кость ногтевой фаланги вынули, вернее, обломали клещами, стало легче. <...>

Вчера был небывалый обстрел. Утром шел по Невскому и видел, как все еще убирали с мостовой битый кирпич и штукатурку. Книжная лавка, где я всегда покупаю книги, разбита, над дверью большая дыра, пробитая снарядом. На тротуарах много следов крови. Было много жертв.

Трамвайное движение прервано, в вагонах вылетели стекла. На Литейном тоже. Хлестал по всему городу от окраин до центра.

14 декабря 1942 года

Сегодня получил кандидатскую карточку. Эти дни я сыт по горло. Выгляжу очень хорошо. Румяный, здоровый и мо-

лодцеватый, настроение соответствует здоровью. <...>

Сегодня на заводе им. Фрунзе слушал стихи Александра Прокофьева и Ильи Авраменко и рассказ Кратта. Поэты были в военной форме, оба в звании батальонных комиссаров.

Прокофьев постарел, облысел здорово и совсем стал седым. Читал стихи из книги «Таран» и из не вышедшей в свет «Атаки». <...>

Авраменко читал «Ночь накануне битвы». Прокофьев, показавшийся самодовольным и плутоватым, сидел на кушетке и перелистывал «Таран». Авраменко, худощавый, нервный, с острым носом, выделялся выразительными глазами поэта. Кратт произвел слабое впечатление. <...>

Прочитал Барбюса, читаю «Чингисхана». К врачу – в понедельник. На работе торопят. С табаком плохо.

22 декабря 1942 года

Ездил в Колтуши. С трудом узнал местность. За три месяца все изменилось. Лес вырублен до озер. Вокруг дома все пристройки сожжены. Мать была рада до слез моему приходу. У нее стоят гвардейцы Краснова, усачи, крепкие дядьки со значками на груди. Ныне радостно смотреть на воинов. Здоровые, сытые, бодрые, хорошо обмундированы и вооружены.

Вечером беседовал с матерью о пережитом. Легли спать в 12 часов. Долго не мог уснуть. Вспоминал лето, проведенное в Колтушах, мысли, планы, предположения. Война продол-

жается. Я, как говорят, пока отвоевал. Так, вспоминая друзей и знакомых, я уснул под мощный храп повара-гвардейца.

Утром встал, как обычно, рано. Погода стояла мягкая, почти плюсовая. Читал стихи Майкова. Мать суежилась по хозяйству. Мыла полы, стирала, готовила, чтобы меня накормить... Я прислушиваюсь к разговорам гвардейцев и матери. Разговор зашел обо мне... Вечер. Опять читаю, беседую с матерью.

В воскресенье 20-го с утра собираюсь в обратный путь. Ведро капусты, сухари, крупа, сало, мясо, макароны, хлеб – все это добыто матерью, ее хлопотами и трудом для меня. Она проводила меня до заставы. На улице тепло. Всю дорогу беседуем о том о сем. Навстречу идет рота бойцов, направляющаяся на передовую. Все смотрят на нас. У меня здоровый, молодой вид, свежее румяное лицо... Знаю, о чем думают бойцы, глядя на меня, и я почему-то стараюсь не глядеть им в глаза... Ведь они не знают, что я уже был на фронте и что я пережил...

На заставе простился с матерью. В город вернулся в четыре часа дня.

27 декабря 1942 года

Почти весь декабрь простоял теплый, мягкий. Сегодня опять идет дождь. <...>

Скоро догорит 1942 год. Много мыслей и воспоминаний. Чувствую себя отлично и дома, и на производстве. Работаю.

Надеюсь пережить весь кошмар войны. Скоро, вероятно, получу медаль «За оборону Ленинграда».

31 декабря 1942 года

30 минут осталось жить 1942 году. Один... Догорают дрова в печи. Концерт по радио. Уже выпил две кружки пива и поужинал. Через 30 минут выпью еще кружку и буду раздеваться. Оделся по-праздничному в новую рубаху, сегодня купленную по ордеру. Хорошая русская рубашка кремового цвета, пуговицы с ребристыми звездочками. Надел костюм и ботинки, которые не надевал с 7 ноября.

Сейчас на душе легче. Выплакал тоску, черную душную тоску по друзьям и по любви... Посмотрел на себя в зеркало – сильно изменился. Лицо сурово и жестоко. В глазах стальной отсвет, холод и строгая пытливость. Сегодня видел трех человек, упавших на улице...

1942-й догорает. Где мои друзья? Я один сейчас в Ленинграде... Позади фронт, был госпиталь, тревожная беспокойно-тихая жизнь в Колтушах у матери. Природа, короткое увлечение, военные... разочарование. Затем опять Ленинград, завод, всевозможные хлопоты, работа, труд, борьба и еще раз борьба. Ну, пока, Борис, утри слезы...

Продолжаю. Выпил еще «литру». Осталось пять минут до 1943 года. Закрыв трубу, курю трубку. На столе грибы с луком, хлеб и квас. <...> Пью за здоровье всех друзей и за свое, конечно, тоже.

2 января 1943 года

Вчера утром писал стихи, готовил обед, пек оладьи, ожидал сестру с мужем. Ждал до 2 часов [полудни], потом пошел в скупочный и купил три картины. На обратном пути встретил Катю и Леонида. У меня затопили печь, закусили, выпили пиво.

В разгар беседы слышали стук в дверь. Открываю – Александр Николаевич. Он принес пол-литра кустарного самогона. Вновь сели за стол. Просидели до семи вечера. Вспоминали прожитое... Проводил их до трамвая.

Сегодня опять было тоскливо на душе. Съездил на перевязку к врачу. В 5 часов вечера поехал в Выборгский дворец культуры, где смотрел, как танцует молодежь. Световые эффекты, пестрота одежды, веселые лица, музыка – все это напомнило благословенные времена молодости. Но я себя почувствовал еще более одиноким. Потом слушал выступление ансамбля Краснознаменного Балтийского флота.

8 января 1943 года

Второй день Рождества. Третий день стоят большие морозы. Сегодня смотрел «Фронт» в ВДК. Пьеса произвела хорошее впечатление... Последние дни сильно устаю. Голова кружится и какой-то кисель в организме...

С утра, начиная с трамвая, приходится нервничать. С Финляндского вокзала хожу пешком. В столовой такой бар-

дак, что с ума можно сойти. Работы пока немного на заводе. В мою конторку набивается столько народу, как сельдей в бочку. У меня тепло и уютно. Приходят и старики, и ученики, и моряки, и старые знакомые. Меня избрали редактором стенгазеты, теперь работы прибавится. Дни пошли на прибыль. Война на убыль. Стихи в эти дни не пишу. В мозгах вялость. Палец зажил. Последние ночи и вечера тревоги. Налетают на город стервятники. Получил открытку от Василия. Он на сборном пункте. Был ранен. Едет на фронт. 9 часов вечера, ложусь спать, устал до чертиков.

11 января 1943 года

7 часов 5 минут. Дома. Передают последние известия. Пишу при свете свечи. 9-го вечером поехал к сестре, у нее хорошо провел вечер. Долго беседовал с Леонидом об искусстве и литературе, о фронтовой жизни, о Ленинграде. Было уже около полуночи, когда мы уже в постелях продолжали беседу. По радио передали тревогу. Я заявил: раз тревога, значит, будем спать. Леонид выключил свет. Зачертыхались зенитки, затем вздрогнуло и зашаталось наше хрупкое здание. Где-то недалеко одна за другой взорвались фугасные бомбы. Леонид вышел посмотреть. Близко ничего не было. Зенитчики сообщили, что сбит один стервятник. Я быстро уснул.

Утром встали поздно, позавтракали и продолжили беседу до обеда. В 2 часа [пополудни] я уехал от них. Заехал на рынок. Купил эрзацтабаку за 250 рублей. Завернул на Охту к

Ивановым, застал всех четырех сестер. Подождал, пока пообедает Катерина, и вместе с ней поехал домой.

Дома заготовили на неделю дров, сварили обед, истопили печи, прибрали комнату и вместе легли спать. Спали плохо, зато хорошо выспались. Утром вместе пошли на работу. Она описала трагедию гибели семьи Ивановых. У Виктора под влиянием отца были пораженческие настроения. <...> Он боялся смерти и просил за несколько дней до смерти: «Катя, я умираю, спаси меня». Как он работал над портретом отца. О том, как умирал Борис. <...>

На заводе появилось много работы. Приходится не только руководить людьми, но прислушиваться к ним, быть острожным и пытаться проникнуть в душу, утешить, упокоить их словом и вселить надежду в этих постоянно голодных, усталых обессиленных людей. Я пользуюсь хорошей репутацией и авторитетом среди рабочих и руководящего состава. В то же время работаю в стенной печати, читаю и придумываю планы работы и просто слушаю рассказы о прошлой зиме в Ленинграде. <...> Все ужасы с их потрясающими деталями постепенно раскрываются предо мною, будто я ее сам пережил. <...>

У Ленинграда большое будущее. Его история богаче истории других российских городов. Я горжусь тем, что я в нем родился, за него сражался и пролил свою кровь, и намерен в нем оставаться до конца. <...>

Девятый час. Только Лемешев начал петь «Меж крутых

бережков...», как завывала сирена и из черного рупора на стене прозвучало: «Говорит радиоузел Штаба противовоздушной обороны. Воздушная тревога. Воздушная тревога». И тотчас же включился метроном, отсчитывающий секунды. В печке дотлевают угли, я доделываю старые стихи.

14 января 1943 года

Наш район вновь обстреливают. Сейчас около девяти. <...> Вчера с работы зашел в ВДК, посмотрел «Три мушкетера». Во время сеанса объявили тревогу. Снаряды рвутся очень близко. Стекла дребезжат, здание ходуном ходит.

Из кино шел пешком. Путь длинный, нога сильно натерта, шел едва-едва. Кругом рвались снаряды и огрызались зенитки. Пришел домой поздно. В комнате холодно. Долго не мог уснуть из-за сильных разрывов снарядов. <...> Сегодня утром заводу дали электроэнергию. <...>

Днем был обстрел района. Снаряды ложились близко от завода. Трамваи не ходили на Выборгскую сторону. Я поехал на ул. Мира, на третий раз застал дома сестру Василия Епанчина Марину. С трудом ее узнал, она меня тоже не сразу вспомнила. В ее дом за несколько часов до моего прихода попал снаряд, стекла вылетели. Сегодня мороз и колючий ветер. Она окна залатала фанерой. В комнате холодно. Марина в сером платке щепала лучину около времянки. Топит мебелью. Лето и осень она работала на оборонных работах. Две недели назад получила письмо от Васи. Я взял его адрес,

побеседовал с ней около часа, только вышел – тревога, пришлось идти пешком.

И вновь по радио объявляют: «Внимание! Внимание! Говорит штаб местной ПВХО. Район подвергается артиллерийскому обстрелу. Движение на улицах прекратить, населению укрыться».

В комнате два дня не топлено. Снаряды методично каждые пять минут ложатся где-то недалеко, гул сильнейший. В последние дни ходят упорные слухи, что на днях будут прорывать блокаду, что приехали Ворошилов и Жуков, а также прибыл Архангельский военный округ. В последние вечера и ночи начиная с Рождества все время продолжительные тревоги и частые обстрелы. Сегодня нащупал в ящике два письма. Оба от Самуила. Одно, датированное в ноябре, другое в декабре. Одним словом, вести радостные, с Васей Епанчиным связь установлена. Самуил жив и все такой же. Так встреча будет после войны! Эх и попьем винца с хлебцем!

17 января 1943 года

Весь день дома. Приезжала Катя, привезла хлеба и белье. Пробыла у меня часа полтора. Сегодня у меня настоящий праздник, электрический свет! Словно солнце вошло в мою комнату, и в душе, словно в светлой комнате, стало весело и тепло. <...>

На работе много дел. Готовлюсь к беседе к ленинским дням и выпускаю стенгазету. Работаю и в ОТК, и на станке.

Получаю получку 1304 рубля и пенсию 200 рублей. Но пенсию целиком пошлю Самуилу, он бедствует, а я ему должен. Что-то туго идут стихи. Попробую приняться за прозу. Быть может, это от усталости. Но теперь с электросветом я думаю, что будет больше желания работать над собой.

18 января 1943 года

В 10 часов 40 минут вечера Информбюро сообщило о том, что блокада Ленинграда прорвана.

19 января 1943 года

Ночью плохо спал. <...> Много мыслей витало. Утром в трамваях слышал и видел великую радость на лицах русских людей многострадального города, слезы на глазах и слова «Царица Небесная, Божья Матерь». С Финляндского вокзала шел пешком. В предрассветных сумерках увидел первые праздничные флаги на стенах тюрьмы.

На заводе всеобщее ликование, люди поздравляли друг друга, плакали и целовались. Я сам с трудом сдерживал слезы. <...>

В обед собрался общезаводской митинг. Ораторы стояли на танке КВ, только что отремонтированном на заводе. На башне танка развевались два красных флага. Ствол орудия указывал в сторону фронта. Шел мелкий снежок. Вечером часть выступлений передавалась по радио... Необъятная радость переполняла ленинградцев. Не пережившим ее трудно

понять эти чувства. Еще труднее все это выразить на бумаге.

22 января

В эти дни много работал на заводе. Провел беседу о Ленинграде, выпустил стенгазету. Вчера после работы заехал к Ивановым. От них домой, с Катериной напилили дров, сварили ужин, легли спать. Сосед угостил водкой. Утром К. уехала, я наводил порядок в комнате. <...>

Получил письмо от Валентины Пирожковой, едет в Самарканд, просит помочь материально.

Послал Самуилу 250 рублей, ведь он бедствует, я ему многим обязан, и он мой лучший друг. <...>

26 января 1943 года

Беспрерывные обстрелы. Вылетают стекла. Рушатся стены. Много жертв. Хожу пешком и с работы, и на работу. Вот и сейчас тревога. Слышен шум самолетов, бьют зенитки. На работе дел по горло. Написал стихи о прорыве блокады, отдал печатать в «Сталинец», их читали по радио.

Замерзаю окончательно, дует нещадно. Хорошо, что сегодня всего 14 градусов, вчера было 28–31.

Кончаю [писать], пальцы замерзают, кровать холодная, как сугроб.

27 января 1943 года

Сегодня вновь снаряды падали вблизи завода. Я работаю

в первом цехе на сборке. Все бледные, усталые, нервные, голодные. Дома – холод. Пиленых дров нет.

Около 9 [часов]. Недавно кончилась тревога. <...> Устал, очень, очень устал. Бледный, полуголодный.

3 февраля 1943 года

Третий день оттепель. <...> Работаю много. Последние дни в городе стало тише. На улицах срезаем углы. В городе много ран. <...> В воскресенье ездил в сестре.

7 февраля 1943 года

Последние дни выюжные. Ветер ревет вокруг дома и швыряется снегом. Пишу монтаж для заводской самодеятельности к 25-й годовщине Красной Армии. <...>

На заводе холодно. Провожу измерения при минус 9 градусах. Пальцы стынют.

13 февраля 1943 года

О эта чертова дюжина! Всегда это число меня связывает с военными хлопотами. Вчера на заводе отобрали военный билет и паспорт. Сегодня явился в военкомат. Оштрафовали на 100 рублей и задерживают паспорт. Оказывается, я должен был встать на воинский учет еще и в милиции, помимо военного стола на заводе. Этот новый порядок до сей поры был мне неведом. В результате столько хлопот.

Сегодня целый день рыскал по городу, и еще на понедель-

ник хватит. Брони у меня нет, и поэтому надо ожидать по-
вестки. Не исключена возможность, что скоро надену пого-
ны и пойду добивать фрицев.

Позавчера приезжала мать. Ей сообщили, что я болен и
лежу в больнице. Много пережила старуха. Это был сюрприз
со стороны ее родственницы. Мать привезла продуктов, со-
общила о гибели Александра при прорыве блокады.

В последнее время задержался с монтажом и на заводе
работы много. Военные хлопоты меня удручали, известий
нет ни от кого. Больше в жизни писать по заказу не буду!
Черт меня дернул связаться с этим литературно-музыкаль-
ным монтажом. Срок короткий, а времени нет. Последние
дни опять оттепель, как в марте. Трамваи ходят из рук вон
плохо. В столовых тоже все по-старому – ералаш. Хочется
спать. Время девятый час только, но устал, как солдат после
боя, а надо заканчивать халтуру, глаза совсем смыкаются.
Город обстреливают почти каждый день, но вести с фрон-
тов радуют, согревают, думаю, что к осени война закончит-
ся. Оброс бородой, некогда побриться даже.

14 февраля 1943 года

Поздний вечер. Ветер за окнами. Целый день сидел за сто-
лом. По пути в столовую зашел в дом, где жил Анатолий Му-
равьев, узнал радостные вести – все живы. Мать эвакуирова-
лась в Кировскую область. Анатолий в Москве, и слухи хо-
дят, что скоро приедет. Лев был в госпитале, заходил неде-

лю назад. В квартире живет женщина. Вещи целы. Над дверью надпись мелом: «К Щепкиным». Была тревога, смотрел в окно, как улетал «Юнкерс» от наших ястребков. Зенитки яростно лаяли, устал как черт с этой черной неблагодарной работой. Написал стих о заводе. Передают «В последний час»: взяли Ростов-на-Дону, Ворошиловград, Красный Сулин. Радостное известие.

15 февраля 1943 года

Германские вандалы совсем с ума сошли от черной ярости. Бешено обстреливают город. Дом трясется как лист осинный. Току нету. Радио молчит: перебиты провода, если не хуже. Трамваи встали. Сегодня солнечный день, похожий на весну, и весь день грохочут разрывы тяжелых снарядов и шрапнели.

Видел во сне Катюню: ласковая, кокетливая, добрая – очень хорошей была она во сне. Красивой и свежей, как в первые дни наших свиданий. Долго утром вспоминал и думал о ней.

Утро было морозное, ясное. <...> Опять не получил военного билета. Два раза была воздушная тревога, ненадолго. Где-то упала, но не разорвалась бомба.

Начальник цеха Бородовский получил посылку и поделился со мной табаком – «сибирской самосейкой».

Настроение бодрое, но в то же время устал. Дел много, и спать хочется, надо отдохнуть. Хоть иногда надо и себя по-

жалеть. Пока есть возможность, а там, может быть, и отдыхать некогда будет, и спать придется урывками в шинелях, как в первые месяцы войны.

Сейчас люди себя не обманывают. Не тешат радужными надеждами на внезапное окончание войны. Тяжело вздыхают и говорят, хоть бы нынче закончилась эта проклятая война. О втором фронте никто и не заикается. Успех Красной Армии воодушевил народ, люди стали спокойнее, но голодают. Голод действует на души хуже всяких обстрелов и бомбежек. Гнилых разговоров теперь не слышно. Никто не сомневается в нашей победе, хотя многие потеряли веру в себя – доживут ли они до великого праздника. Блокада снята, но ленинградцы этого не чувствуют. Питание то же, обстрелы еще яростнее, бомбежки чаще. Все то же, что и 17 января, а вся страна и весь мир считают, что ленинградцы теперь-то живут. Неко торые идиоты пишут в письмах: «Блокада снята – теперь вы сыты». Они не знают, какой ценой заплачено за прорыв блокады, не знают, сколько тысяч человек ежедневно гибнут в черте Ленинграда.

Из репродуктора полилась музыка, стало быть, починили трансляцию, кажется, и обстрел прекратился, но свет не дали.

Ба, и свет есть. Пора за работу, а то копилка осточертела.

23 февраля 1943 года

День Красной Армии. Новостей много. Двенадцатый час

ночи. Только что пришел пешком с завода. С половины 5-го до 8 наш завод яростно обстреливали. Сначала шрапнелью, потом фугасами.

После обстрела обедал и ужинал. Пока шел до Финляндского вокзала – тревога. Пришел домой – отбой. И вот всего пять минут было покоя и вновь – тревога. Дома получил письмо от брата Николая. Был ранен. Сейчас учится в школе лейтенантов. <...> За него теперь я совершенно спокоен. <...>

4 марта 1943 года

Напечатал «Дружиннице», «Стихи о заводе». Отдал в печать «Я буду мстить». Готовлю к печати «Наша весна». Обдумываю стихи «О матери».

На заводе очень много работы, устаю, как грузчик. Выдыхаюсь к вечеру. В феврале был всего один выходной, и всего один раз за месяц я посетил сестру и пробыл у нее три часа.

Мать увижу не скоро. Она живет хорошо. За нее я спокоен, за сестру и брата тоже. От Самуила и Венедикта приходят тяжелые письма. Кроме тоски по родине они переживают полуголодное существование, всевозможные лишения, заботы и хлопоты. Я, кажется, лучше всех живу в данное время.

Посетил Якубовского, но пробыл у него ровно пять минут, и то на кухне и в прихожей. Виктор спешил в кино с командиром. Проводил его до «Спартака»¹². Погода стоит чу-

¹² Кинотеатр в бывшем здании лютеранской церкви Св. Анны на ул. Кирочной (в то время Н. Салтыкова-Щедрина).

десная. Была оттепель, последние три дня морозы до 11 градусов, днем солнце, вечером метель, и вот сейчас десятый час, ветер воет вокруг дома, лезет в трубу и рвется в окна. Ветры сумасшедшие по ночам, даже дом начинает качаться, расшатанный от сотрясений при бомбежках. <...>

Читаю Бальзака «Отец Горио». На очереди «Далекое и близкое» Репина. Смотрел кино во втором «Титане» – «Песнь о любви». Чушь несусветная, присущая американцам. Бессодержательная, бездарная картина, жалкое подражание «Музыкальной истории».

Работа в стенной печати осточертела. Скорей бы тепло!

Союзники сволочи. Конца войны не видно, а с резервами (по моему мнению) не так уж благополучно.

Бродяга-ветер наступает по всем щелям и швам. Приятный звук! Где-то сейчас Алексей Мартынов? От Калашникова давно нет весточки, уж не на фронте ли? <...>

Вчера взяли Ржев и Льгов. Дорого обходится наше наступление. Много кровушки впитает земля русская, много невинной. <...>

Ко дню Красной Армии давали водку. Напился как сапожник среди посредственной среды. Утром башка трещала. Ходят пакостные слухи, что скоро будут продавать водку по коммерческой цене. Хлеба получаю с 22-го 700 г – хватает, сыт. Получаю мало денег – 500 рублей в получку на руки. Доходы стали меньше.

Мнится, что война продлится до 1944 года. Кому толь-

ко не надоел этот ужас, черт знает что такое! Вот дожили до времечка. Кое-кто высказывает мысль, что весной Гитлер опять начнет контрнаступление. Народ стал острожен, скеп-тичен. Дистрофиков меньше встречается, мертвецов давно не видел. Много эрзац-солдат.

Скоро начнется огородничество.

12-го исполнится год, как я в Ленинграде. Какая-то кос-ность, пассивность в душе. Холодно становится. До чего же это все надоело. Всем надоело. Я еще живу довольно при-лично, а каково фронтовикам. Я не теряю все же надежды на 1943 год. Венедикт пишет, что в 1943 году война кончится. Он иногда бывает пророком. Просит узнать, как получить пропуск в Ленинград. Чудак, ей-богу! Напрасно торопится. Фрицы в Гатчине сидят и ближе. Хватит на сегодня, пора спать. Глаза смыкаются. К чему это все пишу? Будет ли кто читать эти строки? Надежды мало.

11 марта 1943 года

Весна настоящая. Немцы контратакуют наши войска, за-няли опять несколько городов на Украине. Это тяжело отзы-вается в народе. Опять уныние.

Получил бронь до 1 января 1944 года. Завод разворачи-вается, расширяется.

В воскресенье приезжала Нина Поль. Подарила мне книгу «Мир искусства», VIII том. Пекли блины. Ходили в парк. <...> Потом обедали у меня и вспоминали прошлое. Она выгля-

дит лучше, чем до войны. Продает вещи. Мне мнится, еще кое-откуда добывает средства. Провожал ее в 8 часов вечера. Шел крупный сырой снег.

Вчера приезжала К. Я спал и не слышал звонка. Она целый час прождала у двери. Была зла до чертиков. Потом обогрелась, наелась и стала солнечной.

От Николая получил два письма. Он в полном неведении о нас и пишет по старому адресу. От Самуила стали приходить печальные письма. Трудно приходится закадычному другу, и больше ему помочь не в силах. Зарабатываю мало, расходов много. Работы много и писать хочется. Вышли новые стихи, опять переписываю военный дневник. <...>

Война осточертела. Конца ей не видно. Опять на завод нужно ходить с противогазом. В мастерской удушливый воздух от электросварки. Постоянно искусственный свет портит зрение. Устал до невозможности. Хочется творить, но восприятие стихов у людей слабое. Все устали. Только спустя годы уцелевшие будут с волнением читать сегодня написанные строки.

По себе чувствую, что из десятка страниц мозг воспринимает две-три. Остальные забываются. Это даже если читаешь интересную книгу, а я сейчас читаю Бальзака.

Весеннее настроение испортилось после поступления неприятной сводки о падении ряда украинских городов.

Сегодня идет дождь и дует сильный ветер. Заходил к Якубовским, но Виктора не застал.

Народ выглядит сносно. Умирать почти перестали, но все же дьявольски устали. Ожидают еще много неприятностей.
<...>

Дров осталось на две топки. Зима осталась позади. Чувствую себя сильным, но и сильно уставшим.

12 марта 1943 года

Пишу при свете коптилки. Только что по радио передали: наши взяли Вязьму. После сообщения продолжился симфонический концерт оркестра под управлением профессора Ойстраха. Пишу стихи о матери. Ленинград живет. Продолжает создавать великое искусство и сражаться. Заходил днем в редакцию «Заводской правды».

14 марта 1943 года

8 часов вечера. Только что проводил на поезд старшего брата Василия. Около двух лет не виделись. Он едет на неделю с фронта отдохнуть. С ним было еще три бойца, которых он до сегодня не знал.

С 2 часов и до половины 8-го они пробыли у меня. Варили обед, делились фронтовыми новостями. Они стоят на финском фронте в 17-м укрепрайоне¹³ в Верхних Никулясах¹⁴.

¹³ Входил в состав дислоцированной на Карельском перешейке 23-й армии, командующий – генерал-майор (с 1 сентября 1943 г. генерал-лейтенант) А. И. Черепанов.

¹⁴ Верхние Никулясы – упраздненная в 1939 г. деревня во Всеволожском районе Ленинградской области.

Василий все тот же шутник и весельчак. Побывал в большом переплете под Лиговом, где его контузило, и за Колпином. Испытал много трудностей и многое повидал за время войны. Но не трус, судя по рассказам, предприимчивый и смелый, олицетворение солдатской сметки и находчивости. Заметно постарел, но вид молодецкий, настроение бодрое, может быть, потому что едет на отдых, а не с отдыха. Поделились новостями.

Один из его спутников – ленинградец, жидковатый и мешковатый солдатик. Другой – тверяк, с 1938 года в армии и не знает, где его семья. Третьего не спрашивал, но он самый молодой и неразвитый из четверых. Вид у них у всех усталый – настоящие фронтовики. Быстро прошли 5 часов. Смеркалось. Дул сильный ветер. Мы стояли на высокой насыпи у станции, когда подходил поезд. Последние секунды, нацеловались и расстались. Увидимся ли? Только защемило грудь.

Вчера после обеда – звонок. Из редакции сообщили, что меня ждет Баранов. Я пулей – «наверх», взял увольнительную и через две минуты после девятимесячной разлуки мы крепко жмем друг другу руки. Он выглядит лучше, чем до войны, тем более после последней встречи в июне. Одет, как и я, в фуфайку. Настроение неопределенное. Я кратко рассказал о своей жизни. <...>

При проверке у него отобрали военный билет, так как была просрочена бронь. Это его сильно удручало. Я ему дал

соответствующий совет, за который он ухватился и сразу же повеселел. Боится оказаться на фронте! Поехали ко мне. Я сварил обед. Показал стихи, написанные и напечатанные, он дал соответствующую критику. Пробыл у меня до семи часов, обещал быть сегодня, но не заехал. Оно и кстати. <...> С утра писал стихи и прорабатывал «Маяковский в РОСТА». <...>

24 марта 1943 года

Боже мой! Как летит время! Скоро конец марта. Весна. Настоящая весна. Работы по горло. Чуть не влип в неприятную историю на работе, еле выпутался. Ответственность большая, [работа]сложная, помощников нет, за всем следи сам. На участке тяжелый воздух и ослепительный свет от электросварки, устают глаза, тяжелеет голова. К вечеру задыхаешься.

Черчилль уже заговаривает о [19]44-м годе. Его речь произвела удручающее впечатление. Артисты эти англичане и американцы! Наши люди устали, очень устали, и их подобные выступления англо-американских плутократов приводят в бешенство.

Весна на редкость дружная, ранняя, солнечная. Немцы начали контрнаступление. Идут кровопролитные бои.

В Ленинграде жизнь улучшается. Дистрофиков стало меньше.

В воскресенье утром заезжал Василий. Пробыл у меня с

бойцами часа два, вскипятили чай, сварили суп, рассказал о положении на фронте, прелестях жизни в доме отдыха, о змеях, о Гитлере. Всем надоела война. После чая проводил их до Кушелевки.

Вчера звонил Зимбули. Он в субботу приезжал ко мне. Рассказал о жизни на Большой земле, о покое в тылу, о жизни впроголодь, о заставах на Ладоге, своих делах и делишках. Я его помучил изрядно своими стихами, кольнул его сердце. Нанес пощечину самолюбию, пытался оторвать его от косности. Началась тревога. Он пошел пешком. В воскресенье поехал в редакцию «Заводской правды», через час вместе с Ниной Левинберг пошли смотреть «Партизаны в степях Украины». В середине фильма объявили тревогу. Зашел к Нине Поль. Она не смогла меня принять. Забежал на Моховую. У ворот дома меня окликнули:

– Куда?

– В квартиру 50, там никто не живет, и там временно должен жить Чистяков.

– Чистяков уже на том свете.

Мне подробно рассказали о его трагической смерти. Пошел на улицу Каляева. Виктор был дома. В этот день, 21 марта, у Венедикта день рождения, я днем послал ему телеграмму в Казахстан, а вечером потянуло побывать у него на квартире, где каждый год бывал в этот день, читал стихи и пил вино.

Тревога затянулась надолго. Мы делились пережитым во

время войны. Поужинали. Я остался ночевать. Виктор перебрался на кухню. Я вспомнил, как на этой плите Венедикт варил пунш. <...>

В комнатах Венедикта почти все цело. Сегодня ночью была большая бомбежка на окраинах и в городе.

1 апреля 1943 года

Бывало, в этот день люди любезно обманывали друг друга. Ныне только подростки в состоянии шутить.

Погода стоит мозглая, гриппозная, ветер. 30-го шел через Неву, а сегодня уже появились широкие промоины и полыньи в пол-Невы.

Приезжал брат Василий. Ночевал две ночи.

Я крепко замотался на заседании. Много работы, а еще больше неполадок, с одним наладишь, другое вскрываешь. Окунулся с головой в технику, отремонтировал часы. Ремонт обошелся довольно дорого. <...>

Город часто обстреливают. <...> На завод жалко смотреть. Настроение у населения подавленное, наши продолжают наступать под Ленинградом. <...>

В квартире рушится потолок – крыша дырявая. Дров – ни полена. Деньги подходят к концу. Устал, но бодрость духа не теряю.

2 апреля 1943 года

Устал как сукин сын. Даже на письма друзей ответить не в

состоянии. Работа высасывает последние силы. Худею. Сохну и чахну. Кажется, начиню вянуть. <...> Голова оловянная, душа деревянная или наоборот.

С питанием на заводе стало хуже. Володя Егоров вернулся из госпиталя. Но это тень, привидение. Живой скелет, обтянутый кожей, со стеклянными глазами, вялыми движениями, слабым голосом. Это нежилец на белом свете. Уф, как тошно, как жутко и муторно. Это можно объяснить чрезмерной усталостью. Нервы – тряпки. Того и гляди протянешь лапки. Все в тумане.

Это пройдет! Скоро Первое мая. Как-нибудь вынесем этот сверхчеловеческий груз. Ведь мы русские люди, не правда ли, мой дорогой неизвестный читатель?

6 апреля 1943 года

3-го в субботу не работал. С утра вымыл пол в комнате, навел порядок. <...> В тот день было семь воздушных тревог. День выдался ясный, солнечный, по-настоящему весенний. <...>

Вечером поехал к Замбули. У него за ужином выпил две стопки водки. Спать легли поздно. <...> Утром пошли на Харьковскую улицу смотреть его новую комнату. Затем зашли в магазин. Он купил пальто, а я – кепку. <...>

За два дня много ходил по городу. Какая масса разрушений! От окраин до центра. Провалы в крышах, раны в стенах. По городу развешены огромные панно, закрывающие разру-

шенные здания. У Володарского моста зенитки. Памятник Володарскому стоит на возвышении, посреди орудий, обнесённых колючей проволокой, и блиндажей.

Нева почти вся вскрылась. Магазины закрываются рано. Книг все меньше и меньше. <...>

7 апреля 1943 года

Противное настроение. К усталости прибавилась апатия. Ходят упорные слухи, что немцы собираются штурмовать город, что скоро начнется химическая война, что с Ленинградом произойдет то же, что со Сталинградом, то есть он превратится в груды развалин. Настроение у всех подавленное. <...> Только и слышно: «Скорей бы конец! Любой конец. Впереди самая жуткая фаза войны...»

Сегодня дважды поднимался на крышу цеха, этажей пять высотой. Смотрел на город и Неву. Какие черные пустыри! Редко-редко где дымятся заводские трубы. Большинство их застыло. Как мертвые красные бревна, торчат они безжизненно над Выборгской стороной. Нева очистилась ото льда. Корабли стоят у берегов, замаскированные под зиму. Погода пасмурная, отвратительная. <...> Делать ничего не хочется. <...>

10 апреля 1943 года

Полчаса назад приехал из лектория, где был на вечере, посвященном памяти Маяковского. Выступали В. Вишнев-

ский, В. Азаров, Е. Вечтомова и др. Шел в лекторий с завода пешком. С пяти до восьми вечера трамваи не ходили – не было тока. Вечер был солнечный. Давно не видел так много народа на улице. Люди шли по солнечной стороне. <...> У меня кончились продукты. <...>

11 апреля 1943 года

Сегодня воскресенье. 12 часов. За окном льет дождь. С утра убирал комнату, выставил зимние рамы. Вымыл стекла, повесил занавески. В комнате чисто, светло, уютно.

Хочется есть, но не хочется идти в столовую под дождем. Подожду, пойду позднее.

Снег стоял. Все небо заволочло тучами. Дует холодный ветер. За окнами качаются деревья. Их много. Безлистые, грустные, сырые, трепещущие. Где-то цокают копыта. Кое-где курится дымок. <...>

По радио – праздничные концерты. Скоро Первомай! Кончился табак.

14 апреля 1943 года

Сегодня годовщина трагической развязки Маяковского. Только что вернулся домой с сеанса в кинотеатре «Гигант». Смотрел «Маскарад». От картины осталось очень сильное впечатление. Главное то, что сюжет не искажен, что редко бывает. Эпоха, обстановка и люди очень сильно чувствуются. Игра Мордвинова блестяща, так же, как и трудна, но он

хорошо справился с своей ролью. <...> Столько в ней содержания, трагизма, ума, а главное, аристократизма.

Днем в воскресенье искал табак на рынке, не нашел. Заходил к К. Она перебралась в свою квартиру. В комнате ерлаш необыкновенный, все втиснуто, но не расставлено. Пробыл у нее около двух часов. Квартира понравилась. Взгляды на жизнь К. хотя и реальные, но весьма опасные для чести. В отношении чести, ее трудно сейчас найти у тех, кто живет впроголодь. <...>

Во вторник с работы пошел к Виктору. Он варил ужин и угостил меня супом из ботвы и селедкой. У него ночевал. Виктор – человек практичный и неглупый, поддерживает связи с женщинами при столовых или при магазинах, но ни литературой, ни искусством не интересуется и весьма ограничен. Видно, скуповат был и до войны.

Варил суп из баранины, у меня был рис. Натопили жарко плиту <...> и спалось крепко. <...>

25 апреля 1943 года

...Ходил в тир, стрелял из ТТ по мишени. Результаты средние <...> Смотрел «Сталинград». Сильное впечатление. Немцы готовятся к химической войне. Вероятно, ныне придется понюхать удушающих газов.

Только два последних дня в городе спокойно. <...> У цеха посадили молодые деревья. <...>

Слышал, что Александр Баранов арестован, за что не

знаю. Везет же ему, черт возьми. Но что могло стрястись с ним – ума не приложу. Кажется, не глупый человек и вот тебе на! <...> Сегодня Пасха. Вчера приезжала мать, но, так как меня не было, она переночевала у соседей, а утром побывала у сестры и поехала к Александру Николаевичу, где осталась отмечать Пасху.

В последний месяц много хожу по городу. Какую печальную картину он представляет: руины, сгоревшие дома, пробитые стены, рухнувшие балконы, горы штукатурки и битого кирпича, воронки, разбитые мостовые. <...> Измученные люди живут на ощупь. Женщины города: голодные, опустившиеся, нервные, жадные, скарёдные и тупые. Мужчины: трусливые, апатичные, грубые, едкие, чванливые и педантичные.

Говорят, театры полны зрителей. Но какие это зрители? Большинство военные, затем кухстолмагресеры и дельцы. Дельцов в городе много. Барахло стало дороже. Денег стало меньше. Овощи на исходе. Все комбинируют, мудрят, маракуют, планируют и приспособливаются. Мертвецов мало. Убитых много. Город наводнен солдатами и моряками. Интересно, но в то же время тошно, муторно и тоскливо. Затишье перед бурей. События не заставят себя ждать. Скоро пора настанет и в Ленинграде.

2 мая 1943 года

В праздничные дни город ожесточенно обстреливался. Накануне 28 апреля я оказался в зоне обстрела на Литейном.

<...> Свыше двух часов длилась эта музыка. Я высчитал: через каждые две минуты рвались снаряды. Жертв было много. Особенно на Невском. Был сильно изуродован Дом книги. <...>

К празднику выдали 750 г пшеничной муки, 100 г компота, 10 г дрожжей, 300 г сельди, 50 г сухих помидор[ов], 10 г сушеных моховиков, 500 г водки, 250 г портвейна и 3 кружки пива. <...> Победил потолок. Это стоило мне большого труда. На нем было копоты толщиной с палец. Пришлось сначала все смыть, потом два раза белить. Это заняло много времени. 30-го не работал. С утра убрался в комнате, сходил в баню, побрился. Съездил на завод. Приехал Василий. С ним выпили четвертинку водки. Вечером он уехал, а я лег спать в 7 часов и проснулся в 11 вечера. С полночи до 4 утра сочинял стихи. <...>

1-го, то есть вчера, с утра оделся по-праздничному, выпил две стопки вина и в 11 часов поехал на Поварской к Ливенбергам. Был обстрел их района. Пошли на Кузнечный, из-за обстрела народу не было. Видел горящий аэростат. Затем поехал на завод в надежде на праздничный обед, но там, вернее у завода в диетстоловой, творилось что-то несусветное, настоящее столпотворение. Пробыл около двух часов и уехал не солоно хлебавши. По дороге купил две книги по искусству.

В 6 часов вечера пошли втроем в «Титан» смотреть «Леди Гамильтон». Картина очень и очень содержательная и сде-

лана блестяще. Она, пожалуй, стоит повыше «Маскарада». Оставила сильное впечатление.

В кино проверяли документы, как всегда. В половине 10-го сели за стол. Выпили водки, пива, купленного на рынке, закусили, опьянели. Я читал стихи. Рассказывали о прошлом, пережитом. Нина – довольно интересная молодая женщина. Она младше меня на четыре года, весьма культурна, меланхолична, немного красива, немного приветлива, нежна – все в меру, больна легкими. Муж ее Аркадий, рождения 1917 года, живут они скоро четыре года вместе. Он окончил перед войной институт связи. Во время блокады чуть не сыграл в ящик. Вид его очень моложавый, немного мелочный, неглубокий и неглупый, у них я хорошо отдохнул душой.

Проснулся сегодня в 8. И опять уснул. Встал в 11 часов и сразу же отправился домой. Нина обещала познакомить с девушкой.

<...> Недавно получил письмо от брата, на треугольнике штамп Орла. Пишет, что едет в Москву на переформирование. Опять едет. Как только стронулся с востока, так и начал [мотаться] по фронтам, поэтому и писем от нас не получает с июля прошлого года. Надеется приехать в отпуск. Хотелось бы увидеть его. Он ближе мне, чем сестра. К тому же она замужем. Последнее время у меня отношения с матерью и сестрой стали холоднее. Это происходит от многих причин. Нервы мои здорово обветшали. Вот сегодня выпался досы-

та и чувствую себя превосходно. Буду до 12 часов писать и думать, думать и писать.

Приказ [№] 195 т. Сталина меня очень обрадовал. Как он говорит! Гениально просто и убедительно! Какие образы! Какая мудрость! Легче мне стало теперь. Я понял, что готовится что-то внушительное для разгрома врага. К тому же союзники все-таки не спят.

По-видимому, в этом году закруглят войну. Быть может, придется глотнуть отравляющих веществ. Быть может, и не переживу, но победу в этом году наш народ отпразднует.

6 мая 1943 года

<...> Получил открытку от Калашникова и письмо от Якубовского.

Калашников пишет:

«...Уже два месяца, как я нахожусь в армии, изучаю специальность Кренкеля. Буду счастлив, если от моего участия прольется кровь десяти фашистских собак.

А я, брат, думал, что писать тебе по старому адресу бесполезно и, конечно, рад, что ошибся. Нервничаю и бесконечно злюсь – вот что я могу сказать о себе. Напиши мне подробно о своей жизни, да не медли, а то мой адрес теперь подвижной. 27 апреля 1943 года».

Быстро дошла открытка. Я рад этому и в то же время встревожен. Неужели такого художника отправят на фронт? Это было бы величайшей ошибкой! <...>

В первомайском номере газеты «Смена» в статье «Братство, скрепленное кровью» много написано обо мне, и статья кончается моими стихами. С душой написано и правдиво. Я вдохновил двух журналистов на тему «За Ленинград, за город русской славы». <...> Приятно, конечно, читать это. Хочется еще больше работать, чтобы отблагодарить и оправдать слова этих людей своим трудом и жизнью. Уже подготовил два сборника стихов. <...> Осталось еще столько подготовить – и можно будет идти за консультацией в Союз писателей.

Сегодня ходил на Богословское кладбище. Около него получил полторы сотки земли под огород. Земля песчаная, тощая. Одну грядку вскопал, осталось еще три. В воскресенье закончу. Сообщение плохое. От завода надо идти километров пять и от дома около этого. И близко трамваев нет. Придя домой, нашел семена, много семян. Привезла их мать. <...> В субботу поеду к сестре. Надо достать литературу по огородничеству. Придется приложить немало трудов, чтобы вырастить овощи. Одного боюсь – за сохранность.

Война принимает ожесточенный характер, начались активные действия на юге. Пока что, судя по печати, инициатива в наших руках. Давай бог! Нынче не видно, чтобы ленинградцы собирали траву или крапиву, стало быть, не очень уж голодны. Выглядят тоже недурно, за исключением тех, кто не сумел за прошлое лето войти в силу.

Погода установилась. Сегодня знойный тихий день. По

ночам налеты большие. На днях бросили на моей улице бомбы – удирал от наших ястребков. <...> Устал здорово, но бодр и свеж душой. Сейчас примусь дочитывать «Далекое и близкое» Репина. 11 часов вечера, и спать хочется.

9 мая 1943 года

Вчера радио сообщило, что союзники заняли Бизерту в Тунисе. Эта радостная весть быстро облетела город. Люди повеселели. Наши войска ведут успешное наступление на юге.

Вчера ушел с работы пораньше. В 5 часов был у сестры. Выпил с Леонидом четвертинку водки. Около пяти часов проговорили о текущих событиях, о пережитом и перспективах на будущее. Хорошо провел время. Комната у них выбелена, печка разобрана, на стенах репродуктор и открытки.

Утром в 10 часов с Леонидом поехал на выставку ленинградских художников, но она еще не открыта. Напрасно потеряли время. На Невском кросс: спортсмены в трусах и майках, велопробег. День солнечный. Приехал домой в 2 часа дня. Взял лопату и отправился на огород, где пробыл до 6 часов. Копал и сеял. Посеял турнепс, редис, капусту, помидоры. <...>

Огород много требует внимания. Люблю землю, вероятно, во мне сказывается крестьянское происхождение.

Сегодня в городе тихо. Вчера тоже. По ночам бешеные тревоги. Скоро начнутся веселые события.

Скоро исполнится год, как я вышел из госпиталя. Пока все хорошо. <...>

От Валентины Пирожковой получил телеграмму: «Приезжай в отпуск в Самарканд, жалеть не будешь». Написал ей соответствующий ответ. <...>

13 мая 1943 года

Проклятое число. С раннего утра началась воздушная тревога и обстрел города. На работу шел пешком, под свист снарядов и разрыва шрапнели. <...> На набережной передо мной в четырехстах метрах разорвался снаряд. Мужчину взрывной волной отбросило к черту на кулички. Он тяжело шлепнулся мертвым у самой воды. Женщине оторвало голову. Мозги и волосы были разбрызганы на заборе, большая лужа крови стекала с тротуара на мостовую. <...>

На заводе до половины 11-го сидел в комнате бюро комитета комсомола, т. к. завод обстреливался и был подан сигнал «укрыть личный состав».

Приступил к работе. Тревога продолжалась до половины 3-го. Многие не явились на работу.

Холодный, ветреный день. После полудня небо заволокло тучами и пошел дождь. Легко одетый в тельняшке, пиджаке, парусиновых туфлях, вместо кальсон трусы, без кепки. Застыл окончательно.

Работников не было. Пришлось одному вертеться как белка в колесе. Работа капризная, новая. Домой пришел в 7 ча-

сов. <...> Работал на огороде. <...>

У всех в зубах навязло варварское слово «эрзац». Эрзац-солдат – девушка в форме солдата. Эрзац-моряк – девушка, одетая в моряка. Эрзац-конфеты – конфеты с дурандой¹⁵, эрзац-молоко – соевое молоко на рационе. Эрзац-жена, или жена блокадная, то есть за отсутствием законной временная жена, доходная или такая, под которой подразумевается любовница. Эрзац-хлеб, слава богу, выпал из лексикона ленинградцев больше года назад. Эрзац-токарь – женщина. Эрзац-муж – худой, немолодой, дистрофик. Эти эрзацы не перечислить и не запомнить.

Войну называют бандитизмом Гитлера, когда происходит артобстрел.

Сегодня головы ленинградцев забиты думами об огороде. Утром идут на работу с лопатой, с работы на огород и с огорода домой тоже идут с лопатой.

Разговоры от ученика до старого инженера о семенах, почве, навозе, ночном «золоте», моркови, петрушке, поливке – одним словом, колхозные разговоры. Непривычно и поэтому интересно. О медалях «За оборону Ленинграда» забыли. Идут толки, что война скоро кончится, а она кончается уже два года как. Нервы истрепаны у всех. Все поумнели, стали скупыми на комплименты и щедрыми на едкие остроты, осторожны, подозрительны, рассеянны, необщительны, замкнуты и холодно-горды. Весна придала людям

¹⁵ Дуранда – жмыхи, остатки семян масличных растений после отжима масла.

оригинальный вид.

17 мая 1943 года

...Надоели тревоги. Ни ночью ни днем нет покоя. Длятся по шесть-семь часов. Сегодня на работу шел пешком. На завод пришли не все.

Весна холодная, зацвела черемуха. Дуют холодные ветры. Кровь плохо согревает душу.

Питание ниже среднего. Засыпаю полуголодным.

Усиленно работаю на огороде. В субботу работал лопатой, в воскресенье сеял. Уже взошли турнепс и редиска. Почва тощая, песчаная. Далеко ходить на огород. Пока идешь, выдыхаешься. Завтра буду сеять свеклу, уже проросла в сырой тряпице. Природа оделась в зеленое платье.

Люди глотают пороховой дым и тысячами гибнут на полях сражений или в проклятой Германии. Великий русский многострадальный народ. Народ трудолюбивый, стихийный, свободный и терпеливый. Ни один народ за всю свою историю не вынес столько, сколько русский человек за последние тридцать лет. Сколько грязных кровавых лап протягивалось к твоему могучему горлу! Но ты дышишь полной грудью, тяжело дышишь, но живешь. И стоять и жить будешь вечно. Тебе суждено решать судьбу многих народов. У тебя мудрые вожди и талантливые руководители. У тебя есть будущее. Кровь, пролитая тобой, не пропадет даром. Трудно писать в эти дни. Грандиозность событий давит на грудь и сжи-

мает горло. Слишком устает мозг от переживаний и потрясений. Нужен большой талант и сила титана, чтобы описать на бумаге все ужасающие подробности жизни наших людей, сражающихся 23 месяца с бронированными полчищами гитлеровской Германии. <...>

Трудно тем, кто хочет заниматься творчеством в свободное от основной работы время. Это время нужно урывать от сна, который так дорог страшно уставшему, голодному человеку с отравленной нервной системой. <...>

Вот уже не ясно излагаю, а значит, мысли туманные. Воля беспомощна, здесь талант ни при чем, будущее покажет, смогу ли я справиться со своей задачей или нет. Если выживу, то что-нибудь оставлю после себя, а если нет, то простите мне радужные надежды, я не виноват, что они не оправдались. Историческая необходимость тому причина, а мне уже скоро 28 лет.

Кончаю, ибо писать без толку. Эта бесконечная исповедь, наполовину заполненная водой, если сможет принести будущему историку пользу, то слава богу.

19 мая [1943 года]

Вчера меня вызвали в партком. Там были секретарь райкома ВКП(б) Щербаков, парторг ЦК ВКП(б) на заводе Смоловик, Ремезов и еще зав. отделом кадров райкома. Потолковали со мной полчаса по душам и задали вопрос, как я смотрю, если мне поручат ответственную партийную работу

в комсомоле, а затем освободят.

Пошел на огород. По пути заглянул к Вале Быкову. Посмотрел его этюды, эскизы, картину, поговорил по душам. Все такой же энтузиаст. Горит человек. Маловата культура, но большой темперамент. Души не чаает в искусстве. Хорошее произвел на меня впечатление. Жена и дочь его в плену у немцев. Сам он тяжело переживал блокаду. Сейчас работает дворником, а после берет в руки кисть и работает до упаду. Одну его картину приняли на выставку ленинградских художников. У него я пробыл около 2 часов. Беседа получилась оживленной, от него пошел на огород.

Сеял свеклу, домой пришел пешком в 11 часов.

Сегодня ездил в райком. Посетил Щербакова и секретаря райкома Барнаулова. Хороший парень, тоже участник войны. С ним можно сработаться. От него поехал в горком комсомола, где пробыл около часа, оттуда на завод, с завода в горком ВКП(б). Вероятно, на днях буду руководить комсомолом своего завода. Работа очень ответственная и тяжелая, где же время для стихов!!! Что же, увидим, как пойдет дальше. Чем дальше в лес, тем больше дров.

27 мая 1943 года

Итак, я комсорг ЦК ВЛКСМ завода им. Сталина.

21-го должно было быть общезаводское комсомольское собрание. Оно сорвалось. В этот день пришло на завод из райкома назначение меня комсоргом ЦК ВЛКСМ.

В субботу ездил к Леониду. Ночевал у него, в воскресенье на обратном пути заехал на Басков переулок. Вечером поехал в театр. Смотрел «Слугу двух господ».

С понедельника начал глубоко изучать организацию завода, работу актива, беседовал с секретарем райкома, парторгом ЦК ВКП(б) Смоловиком, директором завода, с парторгом и начальниками цехов. Ходил в общежитие, проводил по цехам митинги, брали сощобязательства к 25-летию комсомола.

Вчера на завод приезжал секретарь горкома партии Бадаев. Я был в президиуме на общем собрании. Бадаев выступил с докладом «Обстановка сегодняшнего дня и наши задачи».

Домой прихожу поздно. Устаю, но много делаю полезно. День проходит плодотворно. Ребята меня любят, ликуют, радуются моему возвращению в комсомол. Атмосфера создается благоприятная. Сегодня был на совещании райкома о займе.

Снова над городом черные тучи. Предстоит последняя решающая схватка. В Сталинграде она началась, в Ленинграде кончится. Теперь немного осталось, но осталось самое страшное, как мне кажется.

Ничего, борись, крепись, ты же сильный, а выживешь, будешь молодец, тебе дадут отдохнуть и спасибо скажут за работу, за борьбу, за волю твою; суждено погибнуть – значит судьба у тебя такая. Ничего не попишешь. Главное, не терять почву под ногами. Оставаться спокойным до конца, а нервы

как у женщины стали. Сердце как у старика. Глаза суровые и ласковые. Вид у меня внушительный, говорят, мол, этот парень кремень, а никто не знает, что на душе порой бывает.

Скоро начнется заключительный акт этой трагической пьесы. Если мое сердце вдруг остановится прежде, чем опустится занавес, – не обессудь, читатель, – стало быть, мой челнок переполнился и опрокинулся.

Интересное времечко впереди. Погорячей Севастополя и Сталинграда будет. Опять зарычали пушки. Белые ночи темнеют от порохового дыма.

Черемуха отцвела. Стало тепло. На улице Комсомола цветет яблоня.

Завтра еду в горком, послезавтра в подсобное хозяйство. <...> На огород ходить некогда.

Бронь под вопросом. Все скоро разрешится. Союзники зашевелились. Пора им. Давно пора. Ленинградцы ждут событий.

Н. А. Бернгардт¹⁶. «Хочу и буду членом Ленинградской партийной организации!»

«Ну еще по одной, уж больно жизнь хороша <...> Задача интересная отправить два вагона “спецназначения” <...> Чуть свет иду в Ярский райком <...> Меня из дому так не провожали <...> Вологда. Поезд стоит 5 часов <...> Путь между Череповцом и Ефимовской изрядно поврежден <...> Волховстрой <...> В Ленинград дорога закрыта. Пелла, Назия и Мга заняты немцами <...> Решил идти пешком <...> Путилово <...> Силы на исходе <...> Вот пристань <...> Поезд мчится в Ленинград...»

22 июня [1941 года]

Любуясь красотой Петергофского парка, роскошных дворцов, причудливых золотых фонтанов, невольно хочется сказать:

– Честь и слава вам, нашим отцам и старшим братьям, кровью и жизнью своей завоевавшим нам счастье и радость жизни.

<...> Мы в ресторане. Огромный выбор всевозможных вин,

¹⁶ Николай Александрович Бернгардт – инструктор райкома партии (ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 11–13).

холодных и горячих закусок. Сегодня воскресенье, можно разрешить себе выпить. Раздается звон хрусталя, в красивых бокалах не буржуазный напиток, а предмет широкого массового потребления – русская московская водочка...

– Ну, еще по одной, уж больно жизнь хороша.

Чокнулись. Наступила тишина, и вдруг отчетливый ясный голос диктора возвестил:

– Слушайте, слушайте, передается важное правительственное сообщение. В 12 часов 15 минут у микрофона выступит глава советского правительства В. М. Молотов.

«Гитлеровская Германия вероломно напала на Советский Союз».

Прощайте, Митя, Ваня, вас ждут в частях. Явка в первый день мобилизации...

Пулей лечу в райком. В кабинете сидит слегка взволнованный Алексей Михайлович. Он один. Я явился первый и первым получил задание обзвонить все организации, дать указание обсудить на массовых митингах речь Молотова.

15 августа [1941 года]

Задача интересная – отправить два вагона «спецназначения» в Удмуртскую АССР с группой семей ответственных работников райкома. Срок выезда – 16 августа. Возвращение?! Ну как отказать. Отказать А. М. Григорьеву – это невозможно, я его безумно уважаю. Но ради чего я поеду, отправлять мне некого, эвакуироваться самому – это преступ-

ление. Немцы наступают, обратный путь может быть закрыт. Но я оставляю здесь свою любовь, свою родную Зинульку. Опять разлука, и, может быть, навсегда. Положение отчаянное. Но я дал слово другу, гатчинскому парню, секретарю райкома Григорьеву. Я сам гатчинец. Эти ребята не подведут. Еду.

16 августа [1941 года]

Все поставлены на ноги. Отцы укладывают последние вещи, снаряжают в дорогу своих жен и детей. Заняты по горло, а я ношусь как угорелый. Оборудую вагоны, запасая лимонад – ведь дети захотят пить; бак с водой, топоры, гвозди, молоток, веревки – все надо, но им не до этого.

До отъезда два часа, у меня ничего не готово. Звоню директору, прошу дать увольнительную Зинаиде. Пришла, плачет, разводит сырость, а время идет. Пришла бабка-соседка на помощь и тоже ревет. Вот помощники. Сели, выпили по рюмке портвейна и отправились на вокзал. <...> Все прощаются, и слезы градом льются по лицам. «Ты приедешь?» – спросила Зина. Крепко поцеловав, я ответил «да».

Подошел Алексей Михайлович. Он сильно взволнован.

– Вернешься? – спросил он, крепко пожимая руку.

– Хоть мертвым, но буду здесь. Не снимайте с партучета. Хочу и буду членом Ленинградской партийной организации, – ответил я и вскочил в вагон тронувшегося состава. <...>

Сотни вопросов. Как доедем? Не опасен ли наш путь?

И т. д. Часам к 11 уgomонились, усталые ребяташки спят. Так как до Тихвина дорога может быть беспокойная, решил: спать не буду. <...>

18 августа [1941 года]

Станция Яр, Удмуртская АССР. Выгружаемся из вагонов. Проливной дождь. Бедные ребята, спрятать их некуда, вокзал переполнен, придется им до утра оставаться под открытым небом.

Находим около вокзала подходящую лужайку, развожу костер. Уставшие и измученные дети и матери усаживаются поближе к огню.

Чуть свет иду в Ярский райком партии. Скоро получив аудиенцию, беседую с секретарем РК. Хороший дядька, сразу оценил мой «груз» и принял меры по размещению семей. Короткий разговор по телефону – и 18 подвод из деревни Нижняя Сада направляются к станции. Ждать их придется долго, до деревни 18 километров.

Крепко поблагодарив и пообещав зайти, я поспешил вернуться на лужайку, где у костра сидели промокшие до костей ребята и родители. Рассказал обо всем: питании, жилище, предоставлении транспорта и т. д. Радостные улыбки засияли на лицах моих подопечных. Теперь и дождь показался совсем другим. <...>

Вернулся в райком. В кабинете секретаря сидел председатель исполкома, зав. отд. пропаганды и агитации. Начались

расспросы. Полтора часа длилась беседа о Ленинграде, наступлении врага, угрозе, нависшей над Родиной. Попросили провести беседы с активом и колхозниками. <...>

Проглянуло солнце. Подводы нагружены самими колхозниками с особой любовью, были посажены самые маленькие путешественники.

Весь день прошел в хлопотах по размещению. Председатель Бучуновского сельсовета лично приехал для разрешения всех вопросов эвакуированных.

24 августа [1941 года]

Меня из дому так не провожали, как провожают домой. До отказа набили мешок. В нем масло, куры, хлеб, огурцы. Вся деревня пожелала доброго пути. <...>

Накануне первый секретарь райкома предложил мне остаться работать в районе. Поблагодарив за доверие, я отказался. Мне нужно вернуться в Ленинград и дать отчет о поездке. <...> Попросил обеспечить питанием, присмотреть за ленинградцами, дать им возможность освоиться, а затем обеспечить работой. <...>

26 августа [1941 года]

Навьючен, как верблюд: чемодан, мешок и битком набитая полевая сумка. Поезд пришел. В накуренном купе – тяжелый воздух, жарко, пять краснофлотцев шумливо беседуют. Раненые возвращаются после госпиталя на любимую

Балтику. Говорят, где и какие ранения получили, упоминают Кингисепп. Не удержался, вступил в разговор. <...>

29 августа [1941 года]

Мешок с продуктами худеет день ото дня. Наша команда из шести человек на аппетит не жалуется. <...> На больших станциях краснофлотцы получают по аттестатам паек, а я не имею на это право. Все делим поровну, и все сыты.

Вологда. Поезд стоит 5 часов. Пошли в город. В эвакукомиссии раздобыл пять талонов на обед. Один обед несем дежурному по купе. Вымылись, причесались. Вернувшись к вагону, узнали, что поезд дальше не пойдет и будет переоборудован в санитарный. <...>

Предлагаю выход из положения: познакомиться с санитарками и медсестрами и ехать в их поезде. Идея понравилась и была принята к исполнению. Быстро «накапав» на мозги санитаркам и медсестрам, с их разрешения удачно «приземляемся» в одном из вагонов и вскоре отправляемся в дальнейший путь на Ленинград.

30 августа [1941 года]

Настроение поганое. Поезд движется со скоростью черепахи. Продукты кончились, положение иждивенческое. Хотя попутчики об этом не говорят, чувствую себя неудобно. Прибыли в Череповец. <...> В железнодорожной столовой после разговора с директором получаю шесть талонов на обед. По-

путчики говорят:

– Браток, силен, умеет оформлять дела.

Наелись досыта. Комбинируем насчет шнапса. С мира по нитке собрали бедному на крепкие напитки. Музыкальное оформление состоялось.

31 августа [1941 года]

Проезжаем Ефимовскую. Путь между Череповцом и Ефимовской изрядно поврежден. Под откосом валяются паровоз, отдельно тендер и товарные вагоны.

Поезд идет очень тихо. На опушке леса у железнодорожного полотна огромные воронки от взрыва фугасных бомб. Будка путевого обходчика разбита. Поезд остановился, и мы вместе с железнодорожниками пошли осматривать место происшествия. Левая угловая комната, на стене висит гитара, в углу труп мальчика. Череп разбит, виден мозг, похожий на клубок свернувшихся червей. <...>

– Это произошло вчера, – рассказывает местный житель, – дальше по ходу поезда вы увидите сбитый вражеский самолет. Пилот бомбил проходящий состав, но никак не мог попасть, бомбы взрывались слева и справа от полотна. Тогда он снизился и бросил бомбу на путь перед составом. Взрыв оказался настолько мощный, что самолет подбросило, как щепку, и он рухнул на землю. Заслуженное наказание.

1 сентября [1941 года]

Тихвин. Поезд стоит минуты. С почты звоню в райком, исполком. Подходят незнакомые люди, прошу передать привет. <...>

Голодны как шакалы, кишка кишке фиг кажется. Чтобы не впасть в уныние, запел: «Раскинулось море широко...» Товарищи дружно поддержали меня, и наша песня прогремела на весь вагон.

У заглянувшей к нам молоденькой санитарки Шуры стрельнули хлеба. Принесла 300 г. Что нам 300 г – проглотили и не почувствовали.

Волховстрой. Поезд почему-то пошел к станции Мурманские Ворота. Поблагодарив за все, вышли. На перроне народу тьма-тьмушная. Поезда на Ленинград не ходят, в 1-й Волховстрой не пускают. Свежо, одежонка летняя, внизу трусы, сплошной сквозняк. Ночью подходит поезд со стороны Мурманска. Местные жители почему-то называли его «трамвай». Этот «трамвай» курсирует между Мурманскими Воротами и Волховстроем. Единственное средство сообщения. Зайцами едем до Волховстроя. Вокзал переполнен, правая сторона – штатская, левая – военная. Лежим на полу, хочется спать, но не уснуть, изрядно голодны.

Раздается пронзительный вой сирены, охрана предложила немедленно покинуть здание и скрыться в бомбоубежище.

Это сооружение легкого типа, возведенное в садике возле вокзала, нельзя назвать бомбоубежищем. Решили встать у дерева и наблюдать за происходящим. <...>

2 сентября [1941 года]

Поиск денег и питания начали с раннего утра. Краснофлотцы пошли в военкомат. Я – в горком партии.

На берегу прекрасной многоводной реки Волхов, за электростанцией небольшой деревянном дом, у парадной дежурный. Проверив тщательно документы, дежурный сообщил, что секретарь будет через час. <...>

Секретарь горкома товарищ Никитин сравнительно молод, располагающая улыбка, открытый взгляд, он сразу пленил меня <...> Казалось, что мы давно с ним знакомы. Рассказал ему о своих приключениях. Он посмотрел и заключил:
– Видок у тебя бледный.

Позвал секретаршу и велел накормить. Ну, думаю, помолочу. А секретарша принесла 200 г хлеба, стакан молока и на этом ограничилась. Нужно было бы повторить и сделать один-два захода, но, видимо, в гостях не своя воля.

Секретарь райкома велел написать заявление на получении денег. Выдали 150 рублей.

– Ну, а теперь собирайся в обратный путь вглубь страны, в Ленинград дорога закрыта. Пелла, Назия и Мга заняты немцами, – спокойно сообщил он.

– Я ленинградец и должен быть там живым или мертвым.

– В таком случае есть один путь. Садись на пароход, доедешь по Волхову, затем по Неве прямо до пристани у Исакиевского собора.

– А много проезжают по этому пути?

– Не многие, много гибнет.

– Этот путь не для меня, погибнуть дело невеликое, живым вернуться – это цель.

– Сегодня пробуем пропустить бронепоезд, а следом товарный, вот с ним и поезжай.

Пулей лечу на станцию к военному коменданту. Есть записочка на обед и разрешение на выезд. Пообедал прилично. Паровоз и четыре вагона пойдут вечером.

Встретил моих попутчиков-краснофлотцев. Получили пак и предложение остаться, но они отказались. Поедем в свою часть, заявили они.

Все съели, а есть хочется. Отправились на промысел. Не доходя до военкомата в стороне от набережной – небольшой домик. Вошли. Хозяйка выслушала и говорит:

– Мы эвакуируемся, многие уже давно уехали, идите в огород, накопайте картофеля, свеклы и моркови и варите. Вот вам котел, дрова есть. Не оставлять же немцам, лучше самим съесть.

Поработали на славу. Картошки целое ведро. Хозяйка дала соли, кусочек хлеба. С хлебом тут плохо, муки много, а пекарни нет, печь негде. Наелись досыта, живот пучит.

Мои попутчики не хотят расставаться со мной, едем вместе. Проезжаем одну станцию, выходит начальник, вручает жезл, едем дальше, порядок. Вдруг – стой! Не доезжая станции Жихарево обстрел, ложимся на пол. Поезд задним хо-

дом возвращается к станции Волховстрой. Военный комендант смеется:

– С приездом, поздравляю.

Тут не до смеха, были близко от родного города, а в город не попасть. Опять отправились спать на вокзал.

Обидно: буквально тысячи военных бродят в Волховстрое вооружены и сыты. Все они из уст в уста передают о том, что во Мге высадился большой десант автоматчиков, что нет силы, способной его уничтожить. Трусы, паникеры, десант человек 400, а тысячи – о нем говорят. Дать бы сюда рабочих Кировского завода, они бы дали жизни гадам, показали, как нужно бить врага.

3 сентября [1941 года]

Снова в кабинете секретаря горкома:

– Товарищ Никитин, решил идти пешком, посоветуйте, как лучше пройти. Обстановка обостряется, и все пути могут быть отрезаны.

– Идите, но путь может быть тяжелым. До Ленинграда 155 км. Идти нужно так. До села Путилова, затем вниз на Канаву, по Канаве до Шлиссельбурга.

Попрощались.

С моим планом краснофлотцы не согласились. Иду один. Вечереет. Предстоит далекий путь.

Ребята не отпускают. Жалко. Нельзя терять время. Пожали руки, и крупная слеза скатилась по моей щеке. Не знаю,

то ли от обиды и боли расставания, то ли от неопределенности перспективы возвращения в Ленинград, к дорогим друзьям и товарищам.

Неукротимое желание вернуться, только оно сопровождало меня всю дорогу. <...>

Сколько прошел километров, не знаю, устал чертовски. Уже стемнело. Безлюдно, только изредка проходят патрули.

Ночью под открытым небом, трава влажная, холодно, и ужасно хочется есть.

4 сентября [1941 года]

Прошел деревню. Она совершенно пуста, окна открыты, двери настежь. Где же наша армия, уж не заблудился ли я. На грядке нашел морковку, она не красная, а черная, огурец дряблый. Соли нет, хлеба нет.

5 сентября [1941 года]

Впереди большое село. Путилово. Справа белая церковь. Едва иду. Рассказывали, что до Путилова 67 км. Идти дальше. Не выдержу?!

Спать на земле нельзя: иней, начались легкие заморозки. Хочу пить. Теперь моя дорога пойдет лесом до Канавы.

– Стой! Куда?

– В Ленинград, – ответил я подошедшему ко мне красноармейцу в летней пилотке. Проверив документы, патрульный, улыбнувшись, заметил:

– В Ленинград едва ли пройдешь, смотри не сбейся с пути, а то попадешь в гости к немцам.

Спасибо дал закурить.

Покурил, напился воды, как будто легче стало. Двинулся в поход.

Иду по краю проселочной дороги. Кто-то шевелится в лесу, впереди какой-то шум. Холодный пот выступил. Что делать? Идти или подождать? Ждать хуже: могут подумать, что испугался.

– Товарищ, нет ли спичек? – спросил чей-то голос.

– Нет. А вы кто такой?

– Колхозники мы, из деревни. Деревню бомбят, вот мы и живем в лесу, вырыли себе землянки, здесь и находимся.

– Нет ли чего-нибудь поесть?

Холодная картошка, печеная, горелая, сплошной уголь, с голодухи показалась вкусной, ем да расспрашиваю. Как пройти? Скоро ли Шлиссельбург? И т. д. Бедные ребята, старики, прогнали их с насиженных мест.

Пользуясь присутствием людей, проспал спокойно три часа.

6 сентября [1941 года]

Весь день и вечер в дороге. Вдали виднелся большой населенный пункт.

Ночь. Вот пристань. Меня ведут мимо нее в милицию. Тут свои порядки, мало иметь документы, надо еще иметь отмет-

ку местной милиции. <...>

Силы на исходе. Иду по улице, не пьян, а шатаюсь из стороны в сторону.

Прилег отдохнуть на скамейку у пристани. Резкий свисток. К пристани подошел небольшой пароход, такие, какие ходили по Неве. На берег вышел военврач, в белом халате. За ним вынесли на носилках 12 тяжелораненых молодых. Стоны, крепкая ругань, лужи крови. <...>

7 сентября [1941 года]

Едва прибывший катер пришвартовался к пристани, завыла сирена, предупреждающая об авианалете. <...>

Иду на вокзал станции Шлиссельбург¹⁷. Пикирующие бомбардировщики бомбят Дубровку. Тут войска, мирные жители. <...>

7 часов вечера. Стервятники на бреющем полете строчат из пулеметов, лежу в кустах, Слышу неприятный свист пуль. Неужели мне суждено здесь погибнуть? Не выполнить слово, данное при прощании. Алексей Михайлович! Зина! Я рядом с вами, горю желанием быть вместе с нашим тесно спаянным коллективом. Я дал вам слово, слово товарища, большевика, и во что бы то ни стало его выполню.

10 часов. Отбой воздушной тревоги. Поезд мчится в Ле-

¹⁷ Шлиссельбург – ныне Петрокрепость – железнодорожная станция Ириновского направления Октябрьской железной дороги, находится на правом берегу Невы напротив одноименного города.

нинград. Не верю, пока не окажусь на перроне Финляндского вокзала, я же ленинградец. Мельничный ручей, Пискаревка, Ленинград. Любимый, моя гордость, каким ты стал для меня дорогим и близким. Вновь я твой, только уставший и слабый, с непослушными ногами.

Телефонная будка. Автомат. Не могу воспользоваться: нет денег. Звоню из кабинета дежурного:

– Кто у телефона?

– Кириллова.

– Тоня, говорит Бернхардт.

– Кто, Бернхардт? Товарищ, не говорите глупости, Бернхардта нет, он пропал без вести.

– Как пропал, да я у телефона, Тоня?

Но она уже повесила трубку.

Звоню снова:

– Тоня, дайте мне к телефону Алексея Михайловича.

Буркнув в трубку что-то невнятное, она переключила телефон:

– Да, я слушаю.

Он слушает, а у меня спазмы сжимают горло, и чуть слышно я говорю:

– Алексей Михайлович! Бернхардт говорит.

– Орел! Приехал, жив, еду встречать. Где ты?

– Жду Вас у памятника Владимиру Ильичу!

Голубая райкомовская машина ЗИС-101 шла за мной. Я еще не видел машины, но гудок не обманывал...

11 часов 30 минут. Десять венских булок, полватрушки съел сразу, а затем до 3 часов с огромным вниманием все собравшиеся слушали мой рассказ. Шофер принес чемодан, и я погрузился в сладкий крепкий, богатырский сон.

А. Г. Берман¹⁸. «На учете каждый грамм хлеба»

«На вокзалах у вагонов – слезы, вопли, истерики. <...> Работаю контролером по учету и выдаче продовольственных карточек. <...> Умер Михаил. Я тоже была уже в состоянии полной прострации. <...> Никто из контролеров учбюро не потерял членов семьи. <...> Материал о злоупотреблении ею продкарточками полностью подтверждается. <...> Религия занимает еще прочное место в быту у многих. <...> Как омерзительны эти сытые, пышно-белые “талонищицы”».

22 июня 1941 года

Война, война, война! И, должно быть, самая страшная из войн, какие переживал когда-либо наш народ, а может быть, и все человечество. Вчера еще радостно и волнующе лились звуки бальной музыки, люди танцевали, пели, веселились, спокойно отдыхали А сегодня – слезы, страдания, смерть.

С утра была на избирательном участке. Здесь были все наши активистки-домохозяйки. И вдруг это сообщение по радио. Встревоженные лица, ужас в глазах, и среди жуткой

¹⁸ А. Г. Берман – инспектор районного бюро заборных книжек (имеются в виду именные книжки с талонами для получения нормированных продуктов, то есть карточки). Фрагменты дневника воспроизведены по рукописи, переданной родственниками в архив Пискаревского мемориального кладбища.

тишины неожиданный истошный вопль:

– Ой, сыночки мои дорогие!

Это Белевич, мать четырех взрослых сыновей, заломив руки, выкрикнула навзрыд.

Кое-кто из женщин даже возмутился:

– Как не стыдно впадать в панику! Ведь не только у вас сыновья.

Я позвонила секретарю райсовета Гладилиной. Она сказала, чтобы я закрыла избирательный участок и шла в райсовет.

Когда я шла в райсовет, уже гремели выстрелы зенитных орудий, летали наши самолеты.

Страшные, тяжелые дни наступили для нашего народа.

Когда я была у Гладилиной, позвонила зав. районо Ильичева. Вызывала в районо на совещание, которое назначено на три часа ночи. Будут представители от райкома партии. Что нам скажут?

20 июля 1941 года

Работаем дни и ночи без сна. Порой кружится голова от усталости. В помещении первой образцовой школы района, где помещался педкабинет, работает районный эвакупункт. Я оформляю документы эвакуируемых и выдаю талоны на хлеб и продукты. Шумно. У моего стола огромная очередь. Матери с детишками все идут и идут. Разорены семейные очаги, весь налаженный, устоявшийся быт!

Эвакуация детей. Ничего более тяжелого и жуткого не видела до сих пор – разве только голодных детишек раскулаченных семей, отправляемых из Башкирии в Сибирь.

По всему Ленинграду мчатся автобусы к вокзалам. Их много, так много, что на улицах задерживается движение остального транспорта и пешеходов. В автобусах матери с детишками. Эвакуируют детей без матерей. На вокзалах у вагонов – слезы, вопли, истерики. Воспитатели бережно берут из рук матерей ревущих детишек. Есть и полуторогодовалые. Из окон вагонов машут ручонками школьники. Мама, мамочка! Этот вопль все время стоит в ушах.

Думаешь, а все ли доедут до места назначения? Ведь железнодорожные узлы бомбят. Все ли матери дождутся своих детей? Ведь в смутные военные годы все может случиться. Многие матери могут потерять следы своих детей – на всю жизнь.

9 декабря 1941 года

С каждым днем ходить становится все труднее и труднее. В Ленинграде установлена норма хлеба 250 г для рабочих и 125 г для служащих, иждивенцев и детей. Мяса – 200 г, крупы столько же. В столовых вырезают талоны на мясо, крупу и масло. По карточке служащего можно питаться в столовой восемь дней – получать по тарелке жиденького, почти пустого супа и кашу. Это мы узнали только 8 декабря, когда мы с Михаилом проели на супы и каши все наши крупяные та-

лоны за декаду. Вот уже два дня, как сидим только на 125 г хлеба. Хлеб запиваем кипятком, пустой водицей.

В городе съедены все кошки. Люди еле-еле ходят. Вчера на моих глазах на улице свалился человек средних лет и тут же умер. Смертность среди ленинградцев с каждым днем от бомбежек и голода. Голод по-страшнее налетов с воздуха. Да, многие из нас не доживут до светлого дня победы.

Я работаю контролером по учету и выдаче продовольственных, хлебных и промтоварных карточек. На эту работу райком отбирал самых стойких и проверенных людей.

Приходится ходить по домохозяйствам и учреждениям, проверять, правильно ли выдаются карточки. Ходить с обследованиями по квартирам граждан, потерявшим продкарточки. Сколько горя, сколько тяжелого приходится видеть. Люди лежат вповалку – взрослые и дети. Уже еле живые.

Вдруг сигнал воздушной тревоги. Вместе с другими забрались под арку ворот большого дома. В тот день фашистские самолеты прорвались в город. Стоя под аркой, мы увидели на горизонте яркое пламя и клубы дыма. Кто-то крикнул: «Бадаевские склады горят». «Ну, братцы, – сказал один старик, – теперь наголодаемся. Все запасы сгорят».

Каждый день налеты. Помнится мне день, когда было 24 налета. А теперь еще обстрелы по городу из артиллерийских орудий.

Я не пожелала эвакуироваться, оставлять город в такую тяжкую пору. Решила быть с ленинградцами, бороться на

том ответственном участке, куда направила меня партия.

Вот уже два дня, как мы с Михаилом ничего не едим, кроме хлеба. Делим наш суточный паек в 125 г на три части: на завтрак, обед и ужин. Утром и вечером поджариваем его на сковороде без масла – едим гренки. А на обед едим тюрю: крошим хлеб в кипяток и едим как суп.

Завтра Михаил понесет на рынок последнее, что осталось из вещей, – менять на хлеб или крупу.

Голодно нашим девушкам из учетного бюро. Целыми днями они толкуют о еде и об эвакуации.

Мы приставлены к величайшим ценностям – нам доверили беречь каждый грамм хлеба, распределять продкарточки. Я вижу, что кое-кто из наших работников под влиянием трудностей дошел до грани морального падения, таких единицы, но они есть – ловчат с талонами и карточками, присваивая себе.

10 декабря 1941 года

Мне, контролеру, приходится составлять акты о положении граждан, подавших заявления об утере карточек. Без предварительного обследования и акта, подтверждающего утерю, новых не выдают. Иначе нельзя – ведь на учете каждый грамм хлеба. Поэтому я и хожу из дома в дом. Поднимаясь по лестницам, держусь за перила и останавливаюсь почти на каждой площадке.

Поднялась на седьмой этаж типичного старого петербург-

ского дома. Даже вспомнился Достоевский. Обнаружила, что все восемь человек – члены рабочей семьи – умирают от дистрофии. Карточки потеряны. Я составила акт, потом пошла в столовую и выпросила по своим талонам за вторую декаду три тарелки супа и принесла их в стеклянной банке. Но хлеба у меня не было, потому что вперед не дают, а сегодняшнюю норму я уже съела. Рано утром принесу им свои 125 г. Но что это для семьи в восемь человек?

Некоторые из наших инспекторов-контролеров до того забюрократились – это в голодном-то Ленинграде, – что даже кричат на клиентов, приходящих за хлебными карточками.

Есть в нашем городе и такие, что настроены враждебно, ждут немцев. Виновницей голода и войны считают советскую власть. Наш сосед Васильев даже изрек: «Ну, теперь вопрос скоро решится. Немцы прут на Москву. Возьмут Москву, и войне конец». Ждет немцев.

Нет света, нет воды. Мы сидим на жестком электролимите. Поочередно выключается на неделю то один, то другой район. Уже два месяца, как нет керосина. У нас нет дров. А морозы стоят такие, что трамваи и троллейбусы стоят. Ленинградцы тянутся пешком с Охты и других окраин в центр города. По дорогам, по рельсам, не считаясь с правилами уличного движения, тянется народ пешком, волоча за собой детские саночки с домашним скарбом или с больными, ослабевшими людьми либо с мертвыми, зашитыми в простыни или одеяла. Санки теперь самый распространенный вид

транспорта в Ленинграде.

11 декабря 1941 года

С сегодняшнего дня нам, контролерам, установлена 1-я категория: будем получать 250 г хлеба. Значит, нам с Михаилом будет полегче, вместе с его 125 г будем иметь 375 г хлеба в день.

13 января 1942 года

Сегодня Михаил собрал с подоконника оставшиеся с осени промерзшие зерна овса и пшена, которыми он кормил голубей. Маленькая, совсем крохотная горсточка – не более столовой ложки. Они, эти зерна, были вперемешку со снегом и голубиным пометом. Он промыл их и сварил «с крупкой».

Сварил студень из столярного клея, который выменял на рынке на пару своего трикотажного белья. Кроме столярного клея получил горсточку табаку. Он очень страдает из-за отсутствия курева. Пару раз даже отдал свои ломтики хлеба за табак.

10 апреля 1942 года

22 марта умер Михаил. Я тоже была уже в состоянии полнейшей прострации. Лежала на своей кровати, а Михаил на своей, три дня лежала с покойником. Только 25 марта пришли девушки из МПВО, зашили его в простыню и сохранившуюся зеленую гардину.

В день его смерти, в 8 часов утра, какая-то сила заставила меня встать с постели и почти ползком дотащиться до столовой: хотела получить для Михаила и для себя суп и кашу по нашим карточкам. В столовой была огромная очередь. Только к 12 часам дня получила я наши порции и потащилась домой. А когда пришла, Михаил был уже мертв.

25 марта, когда бойцы МПВО положили его останки на большие деревянные сани-розвальни, я пожелала сопроводить его до морга.

Посадили на сани и меня, закутали в шали и множество платков поверх моего ветхого зимнего пальто.

Моргов в Ленинграде было много – тот, куда свезли Михаила, помещался где-то возле завода имени Марти. Помню, что я даже не ужаснулась, когда увидела штабелями, как дрова, сложенные трупы.

17 апреля 1942 года

Михаил похоронен в братской могиле на Пискаревском кладбище – такую справку мне прислали.

Город совсем весенний. Восстановлены чистота и порядок: сами ленинградцы это сделали, работали ломами, кирками и метлами. По некоторым маршрутам идут трамваи. У ворот играют дети – те, что уцелели. Женщины дежурят у своих ворот, читают, вяжут, переговариваются.

Большое солнце. Весна в разгаре. Все залито ярким светом. Радио разносит по городу веселые песни, вальсы, арии

из опер.

Только в госпитале, где я лежала около двух недель, и теперь здесь, в стационаре на Фонтанке, я начала приходить в себя после перенесенного кошмара смерти Михаила.

Сегодня мне разрешили выйти в город. Решила наведаться домой. Пошла пешком – по Невскому: трамваи еще не идут. Дома все так же неуютно, пусто и холодно.

24 апреля 1942 года

Скоро кончится мой вынужденный отдых, вызванный дистрофией. Буду работать на той же работе в учбюро. Постараюсь никогда не уподобляться тем работникам, которые забывают, что они для трудящихся, а не наоборот. Как разговаривают они с просителями даже в наше трудное военное время! Каждое дело, каждая сводка, каждая бумажка превращается у таких работников в нечто самодовлеющее, они не видят за сводками людей.

1 мая 1942 года

Я уже работаю. С 1 по 20 мая мне дали усиленное питание и прикрепили к специальной столовой, где выдают такое питание людям. Я прикреплена к ресторану «Москва».

4 мая 1942 года

Никто из работников нашего учбюро, никто из контролеров не потерял членов семьи. Никто у них не умер от дис-

трофии, и сами они не выбывают из строя, как я, от голода. Упала женщина, когда я шла на работу. А потом упал старик. Чья-то мать, чей-то отец.

Но жить в Ленинграде стало полегче. Смертность от дистрофии снизилась. Помогла Дорога жизни и забота всей страны о блокадном Ленинграде. К тому же надвигается лето – ждем продукции со своих огородов.

22 мая 1942 года

Обследуя домохозяйства и учреждения (правильность выдачи продкарточек), встречаюсь с интересными людьми, подлинными героями. Но есть и такие, как управляющая домохозяйством № 110 З-ва. Приходится иногда превращаться в следователя и передавать дела прокурору. З-ва уже арестована. Ведется следствие. Мой материал о злоупотреблении ею продкарточками полностью подтверждается. Воровала у голодных ленинградцев крохи хлеба и продуктов для себя и своих родичей, продавала карточки, спекулировала.

15 июня 1942 года

Мне совершенно ясно, что мы, коммунисты, в последние годы недооценили значение антирелигиозной пропаганды. Решили, что в СССР все атеисты. А теперь, обходя квартиры граждан (составляя акты об утере хлебных и продовольственных карточек), убеждаюсь в том, что религия занимает еще прочное место в быту у многих.

П-на – ответственный редактор Гостехиздата, а ее сестра – корректор. У обеих за плечами два-три вуза. П-на математик, немало технических книг прошло через ее руки. Сейчас выпускает оборонную литературу. Часто бывает по вызовам в горкоме партии. А дома все углы в иконах.

То же у К-ой, нашей активистки из управхозов.

Была у П-их. Культурнейшие люди, у матери тоже за плечами два вуза. И у них иконы. И у тети Наташи, уборщицы райбюро. Но ей простительно: полуграмотная старая женщина. А первые? Люди с большим образованием, причастные к точным наукам, работают в советских органах. Или эти иконы появились как маскировка, на случай прихода немцев? Мы, мол, не коммунисты и несоветски настроенные люди. Видите, в бога верим – иконы. Значит, ждут немцев: не верят в нашу победу.

19 июля 1942 года

Обследуя частных граждан, я вижу, что кое-кто живет по двум карточкам: от умерших остались и не сданы или получены иным путем. Ведь к нам часто поступают заявления об утере карточек. А как проверишь? Выдаем дубликаты. Не выдать – можно загубить человека, если действительно потерял. А ведь есть и ловкачи, которые карточек не теряли, просто захотели получить вторые.

Появилась в Ленинграде и специальная категория – «ухаживатели». Это люди, которые берутся ухаживать за соседями.

ми, кто на ладан дышат; они выкупают их хлеб, продукты, присваивают львиную долю себе и тем ускоряют смерть того, за кем ухаживают.

За мной и Михаилом ухаживали две девушки – бойцы МПВО, бывшие домработницы соседей, живущих ниже нас этажом. Ухаживали честно. В день Мишиной смерти они были заняты, вот почему мне пришлось ползти за кашей, и Миша умер в одиночестве.

6 августа 1942 года

Повсюду теперь огороды. Над грядками порхают мотыльки.

7 августа 1942 года

Сегодня я представила Е-ой, начальнице учбюро, акт об одном домохозяйстве, где я обнаружила явные злоупотребления. Мне был брошен упрек, что я «из мухи делаю слона». Вот как! Я борюсь за каждый грамм хлеба, а когда обнаруживаю украденный у голодающего населения грамм, расценивают это как мародерство на фронте. Иначе не могу и не буду, если это даже кое-кому и не нравится.

У меня явилась сегодня мысль: контроль и контролеров нужно убрать из участковых бюро и районных отделений и оставить за ними только выдачу карточек и учет. Тогда не будет сращивания контролеров с учбюро, контроль будет острее и действеннее. Разве это правильно, когда инспектор уч-

бюро выдает карточки и продталоны, и он же контролер? Это все равно, что продавца магазина сделать контролером.

13 августа 1942 года

В мае этого года всех контролеров учбюро направили в типографию им. Володарского дежурить у машин, когда печатаются продовольственные и промтоварные карточки. Нас направило горуправление. И тогда меня поразило, что мы, контролеры, не знаем – нам не говорили – сколько листов бумаги идет на каждую машину. Мы зорко следили, стояли у машин, глядели в оба глаза, сами меняли каждый бракованный лист бумаги, передавали на машину чистый лист, брак активировали, подбирали все клочки гознаковской бумаги, сжигали. Но тут мало одной надежды на зоркость твоих глаз. Какой толк в контракте, если мы не знали, сколько листов дано на машину? Мы не могли быть гарантированы, что нет утечки на сторону, утечки отпечатанных карточек.

Я подняла по этому поводу шум. Мое предложение учли. Теперь мы хозяева бумаги, все листы, идущие на машину, пронумерованы и проштемпелеваны.

Сегодня мы дежури́м в типографии, положение изменилось: контролеры записывают каждую пачку, что идет на машину (записываем номера машин от и до), записываем номера бракованных листов и их замены. Обнаруживая в пачке недостающий номер, записываем его и составляем акт.

Не добраться до причин недостачи и где получилась эта

недостача, из чьих рук вышла пачка с нехваткой, понять не можем. Просчет ли это счетчицы или злоупотребление? Среди счетчиц типографии обезличка. Счетчица не ставит свою фамилию на ярлычке, как браковщица на фабрике или заводе. Отсюда и безответственность счетчиц: можно просчитаться или унести пачку, неизвестно, с кого спросить. Может быть, это не вина счетчицы, отпускающей со склада чистую бумагу, а вина того, кто в цехе подсчитывал съем с машины. Я внесла предложение: ликвидировать обезличку в работе счетчиц. Оно принято. <...>

23 августа 1942 года

Пока мы еще в кольце блокады. И каждый день обстрелы – частые с короткими промежутками. Из тяжелых орудий. К ним мы уже привыкли, как и к налетам с воздуха. Налеты стали реже, но обстрелы – ежедневно. Это теперь постоянный компонент нашей блокадной жизни. Они страшнее налетов. О приближающихся к городу вражеских самолетах предупреждает заранее сигнал воздушной тревоги, а об обстрелах никаких предупреждений нет, да они и невозможны. Население узнает о них по жуткому свисту в воздухе, когда уже летит снаряд, и не может от него укрыться своевременно в бомбоубежище. На некоторых улицах появились предупреждающие надписи: «Во время обстрела эта сторона улицы наиболее опасна».

Регулярно выходит «Боевой карандаш» – листки ленин-

градских художников. Они вывешиваются на окнах правления Союза художников на ул. Герцена, рядом с домом, где я живу. У этих окон всегда много людей: читают листки. Они напоминают листки РОСТА, которые выпускал Маяковский.

27 августа 1942 года

Было совещание контролеров в городском управлении. Начальник управления напомнил, что контролерами должны работать люди грамотные и энергичные, острые, неподкупные, предельно преданные нашему строю и кристально честные.

Я подумала: а он руководствуется этим принципом, подбирая кадры для управления? Секретарем у него работает З-ва. Я знала ее с 1930–1931 годов, когда она работала техническим секретарем в Московско-Нарвском РайКК – РКИ. Когда я увидела там впервые эту маленькую горластую женщину, мне сразу захотелось повернуть обратно и отложить свои вопросы до прихода Мещерского, председателя парттройки, который был в тот день на заседании бюро райкома партии. Секретарем райкома партии был в те годы легендарный герой Гражданской войны Иван Иванович Газа.

В 1931 году З-ва ушла на другую работу, и больше я ее не видела. И вдруг встретила здесь – такая же грубая, крикливая. Говорят, что просители боятся заходить к ней со своими насущными вопросами. И еще говорят, что она далеко

не неподкупный работник.

28 августа 1942 года

Война как меч над головами людей нашего поколения. Живем как на вулкане. Она наложила отпечаток на каждого человека нашего времени. Японская, Первая мировая, Вторая.

Когда я совсем распухла от голода и еле волочила ноги, я дотащилась до поликлиники. Там увидела немолодого человека, вернее старика, с протезом вместо ноги. Он ждал своей очереди к врачу. Завязался разговор о войне, блокаде и голоде.

– Да, – сказал человек с протезом, – одну мою ногу немец забрал в 1914 году, теперь, очевидно, за другой пришел.

9 сентября 1942 года

Многие не эвакуировались из Ленинграда, потому что не хотели срываться с насиженных мест, оставлять нажитые за долгую жизнь вещи. Думали: «Авось уцелеем, выживем». Привязанность к обжитому углу, к вещам погубила многих. Их нельзя осуждать! Это такое естественное человеческое чувство – привязанность к обжитому месту, к родному дому, к дорогим тебе вещам, с которыми связано так много воспоминаний.

20 сентября 1942 года

Как омерзительны эти сытые, пышно-белые «талонщицы», вырезающие в столовых и магазинах карточные талоны у голодающих людей и ворующие у них хлеб и продукты. Это делается просто: «по ошибке» вырезают больше положенного, а голодный человек обнаруживает это только дома, когда никому уже ничего доказать нельзя.

10 октября 1942 года

Райком договорился с обкомом партии и с гороно: мне дают командировку в Рыбинск на три недели. Еду как сопровождающая эшелон с учебниками, тетрадями и теплыми вещевыми посылками для ленинградских ребят, эвакуированных в Ярославскую область. Через пару дней уезжаю.

Сегодня узнала, что при торготделах исполкомов создаются бюро учета нормированных товаров и туда заберут всех контролеров из учбюро. Это правильно. Я давно пришла к выводу, что они не должны работать при учбюро: получается сращивание, а не действенный контроль.

А. М. Буянов¹⁹. «Все силы отдам борьбе за дело партии...»

«Сейчас же явиться в райком?.. Партийное собрание в ЛГУ <...> Основная задача – создать бодрое настроение, твердость духа <...> Затопил в трех квартирах печи <...> Готовимся к открытию стационара для партактива на 40 чел <...> В 11 часов первыми пришли из РК я и инструктор С-ва, которую еле довел <...> По пути на В. О. на улицах насчитал 12 трупов <...> Предстоит очистить от нечистот и убрать трупы из общежития 8-го ремесленного училища... Видел профессора Дмитрия Ивановича Дейнеку <...> Назначен комиссаром районной чрезвычайной комиссии по наведению санитарно-бытовых условий и очистке города <...> Обворовали мою квартиру <...> С утра отобрал шесть человек в партизанский отряд. Народ в большинстве истощенный, выглядит устало, настроение неопределенно <...> Самочувствие паршивое – вены надуваются на сгибах рук и ног и под глазами, все тело зудит и ноет <...> Началась подготовка нового призыва ленинградцев на строительство оборонных рубежей <...> Наши славные огородницы творят черт знает что <...> Радио передает штампованные обычные агитки

¹⁹ Александр Матвеевич Буянов – инструктор Василеостровского райкома ВКП(б), помощник военного прокурора Ленинграда (ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 19–22).

«...» Вызывают на работу в военную прокуратуру «...» Допрашиваемая избрала тактику опытного врага «...» Назначен помощником военного прокурора Ленинграда по спец. делам «...» Нет, немцам жизнь оставлять нельзя. Стереть эту расу начисто «...» Да неужели начинаются припадки помешательства?»

22 июня 1941 года

– Вставай, из райкома просят к телефону.

Выругавшись по адресу райкома, сквозь сон начинаю брызжать, что не дают отдохнуть в выходной.

– Алло! А что случилось? Что? Сейчас же явиться в райком? Хорошо, буду без промедления.

В 8 часов в комнате райкома собралось большинство секретарей парторганизаций. Предложено перейти в дом партактива на 5-ю линию, дом 15, и ждать указаний райкома.

Во дворе у каждого спрашивал, не знает ли он, с какой целью сделан вызов. Суждения, догадки, но толком никто ничего не знает. В воздухе проносятся наши самолеты... Напряжение с каждым часом растет. «...»

На клочке бумаги из записной книжки записано: «В 12 часов дня Молотов выступил по радио. Война с Германией. Коммунисты посланы на предприятия и заводы. В 14 часов провел митинг на фабрике имени Желябова». Вот и все.

С фабрики еду домой. Там новость. Приехала дочурка Тома и ее мама в доме отдыха «Петергоф». После шести лет

размолвки – мирный обед вместе: Тома, Катюша и Шура, мои жены. Первая – мама Тома, вторая – подруга и спутник жизни. Неожиданный семейный мир в первый день войны. <...>

21 января 1942 [года]

Приступил к работе инструктором РК. Знакомлюсь с сотрудниками парторганизаций вузов и научно-исследовательских институтов. <...>

В большинстве партийных организаций партийную работу ведут отдельные члены. Занимаются вопросами текущего порядка, главным образом, помощью ослабленным. Питание. Карточки. Топливо. Вода. Свет. Быт. Бесплановость. Взаимопомощь проводится слабо. Дисциплина формальна, и по существу ее нет.

Состоянием и подготовкой кадров не занимаются. Есть настроение обреченности, упадок уверенности в свои силы. В организации холод, темнота, беспорядок, уныние. Отдельные люди держатся уверенно и вселяют дух уверенности в остальных.

Сам я разбит и еле-еле передвигаюсь. Главное, держаться во что бы то ни стало. Креплюсь – помогает. <...>

Партийное собрание в ЛГУ. Присутствовало: членов 46, кандидатов: 15. <...> В прениях дана следующая картина состояния организации:

В. Евгения Михайловна отметила, что:

«Настроение студентов обусловлено вопросом прибавки хлеба. Ряд студенток бросили посещать госпиталь, заявляя: “Мы сами госпиталь”, “Раненых кормят лучше, теперь они нам должны помогать, а не мы им”. Подобные настроения носят массовый характер. Некоторые высказывают “теорию” пассивного героизма, главное – выжить, стоять в очередях и пытаться перенести лишения. Академические занятия посещаются плохо. На лекциях присутствуют от 3 до 15–17 чел. Студенты говорят: “Сидеть дома целесообразнее, стоит ли тратить силы и ходить на занятия при существующих трудностях”.

15 и 17 января лекции были сорваны, так как не было отапливаемых аудиторий.

Партбюро не извещает о партсобраниях, собирается как бы “подпольно”. Живут слухами – “об эвакуации”, вылете члена партбюро профессора Корнатовского. У многих упадок и неверие в свои силы и жизнь.

Т. Микевич объясняет безразличное отношение к учебной работе тем, что в начале учебного года не было ясности, будут ли занятия. Отличничество выпало из поля зрения, никто не занимается учетом передовых – “все одинаковы”.

Дело дошло до полного безразличия к товарищам. Так, например, когда на 5-й линии в общежитии бомбами завалило ряд студентов, то им помощь никто не оказал, некоторые студенты демонстративно отказались пойти помогать. В ра-

боте консерватизм и застой. Деканата физфака не существовало, студенты бродили предоставленные сами себе. Организации не чувствовалось».

Ректор т. Вознесенский:

«Основная задача – создать бодрое настроение, твердость духа. Сейчас руководить трудно, условия таковы: нет топлива, нет рабочих. Массовое обращение за помощью, у многих настроение иждивенческое.

Некоторые только занимаются тем, что хлопочут об эвакуации, требуют внимания только к себе, забыв о других. Ряд людей симулирует, ложась преждевременно в постель: “не можем работать”, “условия не выносимы”. Например, у работников иждивенческие настроения доходят до того, что бухгалтерия получила деньги, а зарплат не выдает, заявляя: темно, холодно, нет комнаты, принести дров, затопить печь никто не хочет, свет зажечь никто не думает – ждут. Или: студсовет требует машину у ректора, чтобы привезти в стационар больных, а сами никто им помочь не хочет.

Нужно понять, что теперь любой должен выполнять ту работу, которая требуется, труд нужен любой. Нужно больше взаимопомощи.

Тов. Х-ва. Сейчас забыли всякую дисциплину, распушенность нетерпима. Деканаты сами почти не работают. Работники, эвакуируясь, уехали, не сдавая дела, потеряли чувство ответственности. Университет никакой массовой работы со студентами не проводит. Хозчасть бездействует, даже нет ни

одной исправной уборной.

Нужно требовать работы, а не просить. Чуткое и внимательное отношение к людям нужно сочетать с требовательностью, с порядком и дисциплиной.

Кадры – беречь, а то людей растеряем. Местный комитет профсоюза не руководит организацией.

Т-на. – местный комитет отрицает, что у него было преступно равнодушное отношение к людям. Помощь давал своевременно.

З-на. – комитет ВЛКСМ.

В общежитиях и комнатах студентов сейчас должен быть центр работы, так как студенческих групп не существуют, людей собрать трудно, да и негде». <...>

23 января [1942 года]

Дежурство закончил в 11 часов утра. Мороз 35 градусов. Водопровод закрыт. Ходил по домохозяйствам и квартирам. Беседы с населением. В квартирах многие не топят даже при наличии дров. Колот и носил дрова. Затопил в трех квартирах печи. Организовал поездку за водой на Неву. В булочную хлеба не доставили.

25 января [1942 года]

Помощь исправдомам. Топил печь Соболевой.

26 января [1942 года]

Отогревался сам. Ноги и руки опушли.

27 января [1942 года]

День без хлеба. В 11 часов принял участок.

- 1) Наб. Черной речки до Мал. Проспекта.
- 2) Линии: 2, 3, 4 и 5 до Университетской набережной.
- 3) От 5-й линии до пр. Железникова и до 1-й линии.

Главное предприятие 3-го участка – завод им. Казицко-го. Начальник участка: Мариев – зав. коммунальным отделом В. О. райисполкома. <...>

В 12 часов пошел проверить работу на участке. Оказалось, что работать выходят только с завода, рабочие до 60 чел. Силы не расставлены, самотек. Плана нет.

Создал тройку и штаб работ.

Решили:

<...> Собрать управдомов 28 января, разбить на участки площадь очистки, дать задания, прикрепить ответственных, организовать бригады, учесть людей. <...>

28 января [1942 года]

Открывается стационар для партийного актива. Взял на учет секретарей. <...> Обошел организации, мерз, в темноте, но всех отыскал. Слабну. Ноги действуют механически.

29 января [1942 года]

Восстанавливал силы. Отдыхал в тепле у папы и окружен

заботой мамы. Отогрелся. Побрился. Жду, когда попаду в стационар. Скучно – есть хочется. Головокружение. Ноги ло-
мит. Но дух бодрый – перспектива светлеет.

30 января [1942 года]

По заданию РК готовимся к открытию стационара для партактива на 40 чел. Помещение найдено, 4-й линии, в дом 23, бывший детский сад, комнаты чистые, но два месяца не топлены. Руководство поликлиники главный врач Ш. – криклив, нервен, суетлив, молодой врач. Большой формалист и слабый организатор. «Я администратор, а не лечащий врач» – его принцип. С. Лидия Васильевна – чуткий, заботливый и квалифицированный врач. Аппарат – сестры, няни – работают бестолково. Кухня и повар вершат все. «Наши работники получают такой же паек, как и больные, поэтому и воровать не будут», – вот «теория главврача» – нелепо и глупо.

С 5 до 7 вечера проверяем состояние секретарей: Институт огнеупоров – секретарь А. ослаб, опух, похож на трубо-
чиста, опустился, ноет. Нужно встряхнуть и подлечить. Ин-
ститут галургии – секретарь В. – ушла «в отпуск» в органи-
зации, бездействует, работы нет, организация распалась.

Оптический институт: секретарь свалилась, директор еще
бродит. Институт Внешторга: секретарь истощена, ждет эва-
куации – кладем в стационар. ЛГУ дали секретаря М-на из
РК. Работник энергичный, опытный. Зам. секретаря профес-

сор Дейнека Дмитрий Иванович еле ходит, много работает, стойко держится. Кладем на лечение. Артель «Пуговица»: секретарь лежит – кладем в стационар. Артель огнеупоров – директор на ногах, секретарь еле бродит – кладем. Институт литературы – спасаем Кандаурова. В других организациях та же картина.

31 января [1942 года]

Спешно заполняем стационар. В 11 часов первыми пришли из РК я и инструктор С-ва, которую еле довел. Врачи и две женщины возятся с нытиком и психом С., который явно симулирует и без конца требует: «Дайте еды, я голоден – ох». Главврач сам поит его кофе. С. вырывает чайник, готов один его выпить.

Занимаю в палате койку возле печи. Ночью мерзнем. В палате минус пять. Не спим, а ходим. Ночь тянется мучительно долго. Озноб, дрожь, тоска. В [палате] два человека лежащих – Ц. и З. Ходят: Св., Е. и я. З. явно не выживет, медленно и тихо умирает. Фамилии двух-трех человек не знаю. Ругаются, говорят, что замерзнем.

1 февраля [1942 года]

С утра дали один стакан кофе, пол-яйца и 10 г масла. Вся снедь быстро поглощается. Аппетит не дает покоя. Своими силами заготавливаем дрова. Принесли из домохозяйства 10 кругляков, 5 штук гробовых досок, корзину каменного угля

и вязанку поленьев – 10 штук. Топка печи – с 12 до 18. В палате становится теплее, к ночи – нормально. Запасаемся на ночь своими одеялами. Я принес два одеяла. Имею шинель, ватник и на себе две теплые рубахи, две шерстяные фуфайки, трикотажную рубаху и суконную гимнастерку. На ногах: трикотажные кальсоны, пара фланелевых и диагональные брюк, три пары носков, две фланелевые портянки. Обхожусь без грелки. Лежим в кроватях во всем, даже некоторые в ватниках и с грелками. Все в шапках. Много курим. Я за ночь и день выкурил две пачки «Беломорканала».

Обед: 50 г портвейна, щи капустные, гречневая каша жидкая – ложки 4–5. Вечерний чай 1 стакан и 100 г хлеба. Ужин: каша и 100 г хлеба. Тоскливо, хочется жрать. Разговоры о еде, мечты и питании. Большинство ходит в утку и судно. Два-три человека бродят в туалет. Ночью коптилка скипидарная, через час она гаснет. Копоть и темнота. Не уснуть. Через каждый час встаю. Убиваем время в разговорах и воспоминаниях о недавнем прошлом. Делимся впечатлениями. А на улицах попадаются трупы. У нас в стационаре уже три трупа в коридоре, и растет поленница покойников во дворе, в сарае. Чувства притупились.

2 февраля [1942 года]

Прибывают новые люди. Вид у всех изможденный. У всех интерес к питанию. Боязнь утечки драгоценных граммов. Каждый хочет выжить, ждет впереди лучшего. Карточки еще

не получил. Мало, но благо кормят, а население ждет карточки без хлеба. Кто-то сообщает, что смертные случаи возрастают, в Ленинграде ежедневно умирает 30-35 тысяч человек. Трупы не успевают убирать.

Сегодня вина нет. Табак у многих кончился. Появились иждивенцы. В палате тепло. Развели самостоятельность. Воруем доски, гробы у покойников и топим печь. Под кроватями запас досок. Администрация видит, но не замечает. К печи приходят греться врачи, сестры и няни из других палат. Хотим пить – чаю дают два стакана в сутки.

3 февраля [1942 года]

Карточки на руках. Главврач пока не требует. Колеблемся. Мы не удержались, ходим в булочную, и съели незаконные 400 г – рискуем и молчим. Навестил зав. райздравотделом т. Этингф. Предложил сдать продовольственные карточки, обещает удвоить норму. Словам никто не верит. Обещания с обеих сторон не выполняются. Пришлось дополнительно в столовой РК подкармливаться. Съел кашу, гороховый суп и котлету. Ощущение голода заглушено. Надежда на жизнь. А жить хочется. Интерес к событиям на фронте не меньше, чем к питанию.

4 февраля [1942 года]

Каждый спешит урвать лишнее по продовольственным карточкам. Ходят по столовым. Что будет через 2–3 дня, ни-

кто не думает. Опухоль рук и ног спадает. Появляется бодрость, а рядом покойники напоминают о себе трупным разложением. Вчера не хватило пять ужинов. Обидно, но возместить нечем. Нервы обостряются. Бессонная ночь и разговоры друг с другом. Прожит еще один день. Завтра будет лучше и легче. Как бы поесть досыта хоть один раз.

Решил промышлять. Иду к папе. Он дал полкилограмма хлеба. Окрыленный, бреду ночевать к своим. Делимся последним. Хлеб принес на всех – ведь это богатство, тарелка супа и каши воодушевили. Чай с сахаром. Напиваюсь. В тепле с папой спали в одной кровати, как в раю спал нормально. Папа без конца критикует, все не так, во всем виноваты разбойники. Молчу. Старик страдает: отводит душу беспощадной критикой. Решил оставить хлебную карточку: меньше соблазна, когда она в надежных руках.

5 февраля [1942 года]

К завтраку не опоздал. По пути на В. О. на улицах насчитал 12 трупов. Их раздевают, разуваяют. Жуткие поиски продовольственных карточек. У двух трупов от колен до туловища обрублены мягкие части ног. Кто-то доходит до предела отчаянья и рубит трупы на мясо. Жутко представить мучения ленинградцев. Терпеливо и стойко борются за жизнь. Обстрел и разрывы снарядов более никого не беспокоят. Безразличие к жертвам и кипучая ненависть к врагу, быющему по городу. Ведь все равно тщетны надежды на возмущения.

Умирают спокойно в родном городе. Смерть витает повсюду, но она никого не пугает. Сердце сжимается, а воля и сознание говорят: все равно все перенесем.

6 февраля [1942 года]

Был в райкоме. На фронте неопределенно. Эпизоды уничтожения фашистов не производят впечатления. Важно сообщение Информбюро. Где-то наши семьи. Представляют ли они, что наша жизнь такова. Ленинград – это борьба за честь Родины во всем: живем без света, топлива, воды, уборных, в холоде, без удовлетворения голода. О трамваях никто даже не думает. Ленинградец походит на охотника, потерявшего оружие, – почти каждый вооружен посудиною для воды и порции супа, закутан кто во что горазд – на внешний вид никто не обращает внимания. Жизнь теплится в глазах и только.

7 февраля [1942 года]

Вечером по просьбе больных прочитал лекцию о морали и нравственности. Остались признательны. РК прислал 100 г табаку на каждых шесть человек курящих.

А на рынке произвол: пачка «Беломорканала» 75 руб. случайно, а нормально за 300 г хлеба. Хлеб иногда можно купить 100 г за 30-40 рублей. Продают и меняют продукт на продукт, а деньги почти бесполезны, за них можно купить только у мародеров. У меня уже полтора месяца более

100 руб. в кармане не бывает. Живу на 20–30 руб. Граммы скоро не буду иметь возможности выкупать. <...>

9 февраля [1942 года]

Завтра заканчивается пребывание в стационаре. Мне везет. Вернулся Николай Иванович Виноградов. У него остались январские продовольственные талоны. Васса Павловна Д. организовала встречу старых друзей на квартире. Там была организована прекрасная обстановка. Нас трое, есть ужин. Я принес 100 г хлеба, у В. П. 300 г хлеба, ананасового варенья взамен сахара получено 150 г. У Ник. Ив. четыре котлеты и две порции каши, 200 г масла. Затоплена печь, шумит самовар, горит керосиновая лампа, играет радио, передает оперу Гуно «Фауст». Мы пируем и наслаждаемся. На каждого получилось на первое: каша с маслом по 100 г, кусочек хлеба с маслом и котлеткой, из варенья сладкий ароматный кисель по чайному блюдцу и затем настоящий чай из самовара с сахарным песком. Воспоминания и разговоры до 23 часов. Спали с Ник. Ив. вдвоем на кушетке, в тепле. Силы прибывают. Утром шел через Неву. Трупы.

10 февраля [1942 года]

Последний день в стационаре. Отчитался талонами. После обеда без чая и каши с 200 г хлеба на ночь иду к папе. Напился чаю с сухарем. В 6 часов сытный ужин: две тарелки супа с макаронами, каша пшенная крутая. Тепло. Я спал со

спокойной душой. Завтра день отдыхаю в родном доме.

11 февраля [1942 года]

В 8 часов утра встали, пили чай с хлебом и немного сырной массы. После завтрака вымыл теплой водой голову и до пояса. Рубаху сменил. После обеда схожу за водой, а затем вымою ноги и сменю кальсоны. Посылку организовал в Халтурин: конверты, Шуре послал коробочку для нужных мелочей – пуговиц, иголок и т. п. Писали письма. Папа спит. Я побрился. Ната готовит обед. Есть немного чечевицы.

Встал папа. Снова критикует наше положение, говорит: «Как лягушки квакают перед дождем, так и у нас кричали, догоняем Америку<...> перегоняем. Все теперь пошло прахом, брехали, а теперь война во всем виновата. Вот до чего страну довели...». Старик во многом говорит горькую правду.

12 февраля [1942 года]

Вернулся к работе в райкоме. Предстоит очистить от нечистот и убрать трупы из общежития 8-го ремесленного училища...

Состояние общежития <...> Ученики эвакуированы, в общежитии осталась группа слабых и больных учащихся – 15–20 человек (точно не знают, даже списков нет). Директор, помполит, зам. по учебно-технической части и весь аппарат выехали с эвакуированными.

Общежитие брошено и не сдано, полный развал, хаос, беспорядок и всюду загажено. Осмотр начал со двора, картина такова:

У входа на свалке выброшено три трупа, лежат, по заявлению председателя социально-бытовой комиссии т. З-ной, более 10 дней. Один труп прикрыт бордовым одеялом, два валяются полураздетыми. В проходе в газоубежище лежат два трупа, в газоубежище не пройти, З-на утверждает, что там навалены трупы. Дверь не открыть, так как загажено и заморожено. На лестнице на второй этаж выброшена куча трупов, насчитали восемь, выше в комнаты не пройти.

В подъезде все загажено, здесь вместо уборной отхожее место. Смерд и вонь. С парадного лестница залита и загажена, лифт превращен в уборную – течет вонючая жидкость. В комнатах вонь и все поломано. Комендант т. Н-о разводит руками. Требуем срочно принять меры.

13 февраля обещает навести порядок и трупы вывезти. Даю срок до 14 февраля, на 13 февраля вызываю с отчетом в РК. Завтра сам организую людей. <...>

13 февраля [1942 года]

Дежурил в райкоме с четырех часов утра и до половины десятого. Топил временку, и все же холодно. Дров мало, пришлось использовать часть топлива секретаря райкома т. Г-ва.

Читал книгу Сергеева-Ценского «Севастопольская стра-

да», главу «Бой на Алме». Командующий армией князь С. не только стар, но и отстал от современных ему военных достижений, и к тому же гордый и упрямый чудак, хитрец и тупица, операцию проиграл. <...>

В 9:30 сдал дежурство. На завтрак лапша, но мало. Проверил общежитие ремесленного училища. Трупы убрали, но сегодня умерли еще два ученика. Истощенные и ослабевшие ребята говорят: «И мы скоро отправимся на Смоленское». Грязь еще вся на месте.

Видел профессора Дмитрия Ивановича Дейнеку, встретились по пути в университет. Я его узнал сзади по обуви. На ногах резиновые галоши из автошин, обмотки. Сам профессор смахивает на трубочиста, закопчен, руки землистого цвета, пальто крайне неприглядно.

Посетил Институт им. Крупской. Студентов нет никого, преподавателей тоже. Все дела вершит Циля Соломоновна М-ва, она одна на всех ролях: и секретарь, и декан, и директор. Одним словом, аппарат в полном составе. <...>

Обед сегодня шикарный: щи со свежей капустой, котлета и каша. Чувствуется продовольственное улучшение. Дышится свободнее. Получил в счет февральских норм 300 г сахарного песка. Ура! Пью сладкий чай.

Да, совсем забыл о важнейшем событии – изменении организации быта. Вечером 13 февраля мы организовались в коммуны на десяти квадратных метрах. Члены: я, инструктор райкома Соболева и секретарь партбюро из местной ор-

ганизации – ее фамилию и имя пока еще не успел запомнить.

Вечером состоялось устройство нашей зимовки: достали охапку дров, да и я увел ящик со двора райкома. Истопили печь и приготовили похлебку из двух порций каши, взятой мною из столовой по талонам. Наладил освещение. Были обнаружены две банки мастики для натирания полов. Оказалось, что она прекрасно горит – вот счастье и богатство. Крышка от банки из-под варения заменила лампу. Шнур от гардины – фитиль, крышка от чайника приспособлена для регулирования пламени. Освещение получилось чудесным. Зашумел самовар. Льняное масло, три-четыре ложки, использовали для поджаривания хлеба. Ужин получился мировой: по тарелочке похлебки, печенье из хлеба – объедение, чай из кипящего самовара. Тепло, копотно, но уютно и не тоскливо. Дамы спят на кровати вдвоем, а я на диване. Спал спокойно, если не считать вставания каждый час по делам выжимки или откачки излишней жидкости. В 4 часа собрался на дежурство.

На следующий вечер ужин снова удался на славу: кофе с сахаром, суп гороховый с сухарями и печенье на том же масле. Наступает ощущение сытости. Был новый деликатес – жженная соль – черный порошок с привкусом яичного желтка и запахом аммиака.

Печь снова вытоплена, но проблема дров еще не решена по той простой причине, что при получении ордера нужно уплатить 39 рублей за кубометр, а грошей нет. Нужен транс-

порт для перевозки, а транспорт – это мы в упряжке. Нужно время, санки, а главное – силы. Обещал помочь Павел Данилович, но машину зря гонять не в его духе. Жизнь налаживается.

14 февраля [1942 года]

На завтрак лапши 30 г и хлеб со сладким чаем. Голод уже не мучает.

Работа на участке. Общежитие 8-го ремесленного училища постепенно приводится в порядок. Трупы вывезли своими силами на санках. Воспитанники все мрут. <...>

15 февраля [1942 года]

В 4 часа ночи сердечная слабость у папы. Ната и Маруся пустили слезу, растерялись. Пощупал пульс, упал до 60. Принимал срочные меры: укутали, к ногам положили грелку, дали крепкого чая с ликером. Больной ожил, попросил есть. Накормили печеньем со сладким чаем. Успокоился, но пожаловался на желудочную боль. Отправляюсь за врачом. <...>

В 13 часов долгожданный врач прибыл. Прописал покой, банки, горчичники, кодеин от боли в желудке и капли от сухого кашля. <...>

16 февраля [1942 года]

<...> Ходил в Институт имени Герцена. Получил зарплату

за 1-ю половину декабря 483 руб. 20 коп. Теперь я богач и пошлю жене поддержку.

18 февраля [1942 года]

Назначен комиссаром районной чрезвычайной комиссии по наведению санитарно-бытовых условий и очистке города от грязи и нечистот. <...>

Комиссия наметила выполнить следующие задачи:

1. Принятие срочных мер по уборке покойников.

2. Наблюдение и осмотр домохозяйств:

а) мобилизация управхозов;

б) помощь квартальным милиционерам;

в) организация моргов и площадок;

г) очистка улиц, дворов, домов и квартир от нечистот, уборка выгребных ям, помоек, уборных;

д) приведение в порядок канализации, водопроводов, отопления, освещения.

Площадка для похорон выделена на острове Голодай, около Смоленского кладбища на огороде совхоза. Трупы пока складировются в сарае и на улице. К теплу необходимо обеспечить негашеную известь, так как могилы вырывались до одного и три четверти метра глубиной.

19 февраля [1942 года]

В 10 часов совещание у первого секретаря райкома А. А. Шишмарева по след. вопросам:

I. Решение горкома о наведении порядка и чистоты в городе. Горком обратил внимание на ликвидацию следующих недостатков:

- а) много разговоров и мало работы по очистке;
- б) нет элементарного порядка в самих учреждениях и организациях.

Нужно:

- 1) прекратить казарменное положение в учреждениях и на предприятиях;
- 2) покончить с разговорами о слабости и не работоспособности – прекратить расхлябанность и иждивенчество;
- 3) предупредить угрозу эпидемических заболеваний и распространение инфекций.

II. Об извращениях в оплате труда на законсервированных предприятиях:

- а) привлечь к работе по месту жительства;
- б) провести учет кадров по каждому предприятию;
- в) особо обратить внимание на состояние руководящих кадров.

23 февраля [1942 года]

В 12 часов. Произнес доклад в 15-м ремесленном училище «Великая Отечественная война и 24-я годовщина Красной армии и Военно-морского флота». В зале 560 чел. Играл оркестр. Настроение бодрое. В два часа обедал в столовой ремесленного училища. Вполне сыт, так как очередной обед

в столовой райкома насытил мою утробу.

24 февраля [1942 года]

Принимал посетителей. Доклад уполномоченного от фабрики «Красный Октябрь» т. Б. Женщины, как всегда, инициативны: убрали 11 трупов и навели порядок в домах № 70 и 74 по 9-й линии. Управхозы тормозят дело, но бабоньки от них все равно не отстанут.

Был уполномоченный по ликвидации 8-го ремесленного училища т. Б. Дал указание, что нужно сделать, чтобы навести порядок в общежитии.

Беседовал с врид²⁰ директора 3-го педагогического училища т. Пихтеленой. Занятия начинают 1 марта. Нужны преподаватели по истории и педагогике, ее придется читать мне.

25 февраля [1942 года]

Совещание у секретаря М. И. Вознесенского.

Вопросы:

I. Итоги работы отдела кадров за февраль.

Отметили следующие недостатки в подготовке вопросов:

а) Передоверяем второстепенным работникам.

Необходимо точно самим знать главное, т. е. как на предприятиях обеспечено выполнение производственных планов, для чего изучить:

а) наличие командных кадров (руководители-кадровики,

²⁰ Временно исполняющей должность. — *Примеч. ред.*

начальники цехов);

б) кадры ведущих профессий (мастера, слесаря и т. п.);

в) квалифицированная рабочая сила (кадровые рабочие и их подготовка);

г) система подготовки кадров (курсы, выдвижение);

д) расстановка кадров на производстве;

е) наем и увольнение рабочей силы;

ж) изучение лиц, бдительность, настроения, отношение к работе. <...>

II. План на март месяц.

Основные вопросы:

1. Состояние кадров РЖУ.

а) управхозы б) дворники в) паспортистки г) водопроводчики д) кочегары е) техники ж) инженеры з) печники и другие.

Срок к 6 марта 1942 года.

2. Подготовка кадров для местного хозяйства.

а) печники б) кочегары в) водопроводчики.

К 1 марта.

3. О практике учета и оплаты рабочей силы.

а) фабрика Желябова. К 13 марта. <...>

Дано задание навести порядок в следующих домохозяйствах:

Домохозяйство № 19 <...>

Домохозяйство № 20 <...>

Домохозяйство № 21 <...>

26 февраля [1942 года]

С утра занимался наведением порядка в домохозяйствах. До 13 часов наметил план действий с управхозами. <...>

27 февраля [1942 года]

Пленум Василеостровского райкома. В повестке дня один вопрос – о состоянии агитационно-массовой работы в домохозяйствах района. Докладчик О-в.

Доклад общий, красиво оформлен, но малоубедителен. Докладчик говорил по материалам письменных отчетов. Отметим хорошую работу 4-го участка, ведущий завод имени Козицкого. Слабо работает завод имени Калинина.

В прениях рассказал о своей работе т. Л-ов (секретарь парторганизации завода имени Козицкого) – выделили 27 парторганизаторов. Разбили территорию на подучастки, помогли домохозяйствам чинить водопровод, кипятильники, в очистке дворов и улиц. Ряд выступающих говорили о помощи семьям, о топливе, о беседах, инициативе и других делах. Решение приняли, нацеливающее на боевые дела.

3 марта 1942 года

Выполнял срочное задание по отбору в партизанские отряды по партмобилизации. <...> Обворовали мою квартиру.

7 марта 1942 года

Проверял домохозяйство № 19. Налажен кипятильник. Отогрет водопровод и пущена вода в одну из квартир. Энергично работают председатель санитарно-бытовой комиссии тов. Г-ая – домохозяйка, управхоз тов. Н-ва и ее муж инженер Н-в. Политорганизатор тов. С-ва бездействует и хныкает.

Шефом от РК прикреплен завод «Электроподъемник». <...> К домохозяйству № 21 прикреплен Союзрыбснабсбыт. <...> Вечером дал задание директорам и секретарям предприятий по спецзаданию.

10 марта 1942 года

С утра отобрал шесть человек в партизанский отряд. Народ в большинстве истощенный, выглядит устало, настроение неопределенно. При отборе изучал людей, их устойчивость и готовность идти на жертвы. Беседа велась примерно в таком духе:

- Как ваше самочувствие?
- Да неважно, тов. Буянов. Ослаб.

Затем идут жалобы на болезни. Ноги еле таскаю. Глаза плохо видят. Сердце не в порядке. Словом, семьдесят болезней у каждого. Включительно до семейных забот.

- Как вы смотрите, если мы вас на выполнение спецзадания горкома ВКП(б)?
- Если на хлеб – справлюсь. Хотелось бы работать по специальности.

Среди рекомендуемых есть инженеры и техники, рабочие разных специальностей. Гадко вел себя член партии с завода [№] 210 К. Воевать он не хотел. На вопрос, готовы ли вы защищать родину от фашистов, отвечает уклончиво:

– Я не военный, меня используйте по назначению, где я буду полезен.

Защита Ленинграда для него, очевидно, дело бесполезное. В итоге этот «коммунист» дезертировал, не явился в штаб партизанского движения. Липовый патриот с партбилетом в кармане.

По-иному вели себя военрук 22-го ремесленного училища Г. и радиоинженер завода [№] 210 тов. В.

Партийные секретари и директора предприятий формально относятся к подбору людей и перепоручают это дело третьим лицам. <...>

Вечером побывал на семейном торжестве у В. А., где пировали. Выпили по три рюмки токая, изничтожили банку консервированного судака, масла грамм 250, столько же колбасы, шпик, сыр и хлеб в достатке. Пережил чувство сытости, впервые за четыре месяца...

11 марта 1942 года

В 7 часов снова на ногах, хочется курить, но нет даже окурка. В 10 часов отправился на машине за дровами. В 10 часов 20 минут собираются мои партизаны. В Штабе из записавшихся четверых зачислили, двоим отказали, а двое не

явились.

12 марта 1942 года

Ночью дежурил в райкоме. Сменили в 9 часов 15 часов. На завтрак – 20 г каши. Все тело ломит, голова точно чугунная. Иду спать.

Проснулся днем, в половине второго. Самочувствие ужасное. Правый глаз закрылся. Под глазом большой синяк. Вдулись вены на ногах и правой руке. Пошел к врачу. Он говорит, что это последствие контузии, и рекомендовал покой. Но какой из меня работник, если я не буду ходить.

Решил отправиться в 15-е ремесленное училище, выяснить вопрос о направлении в партизанский отряд т.т. П., С. и М., которых я вызвал к себе на беседу. Директор училища А-н дал мне талон на обед – это большая поддержка. Сегодня относительно сыт.

Проверил домохозяйство № 19. Работа налаживается, пустили воду, дают жильцам кипяток. Уборка разворачивается медленно.

Вены у меня все надуваются и растут синяки. Нет, надо держаться. Главное, не падать духом, и все трудности и невзгоды будут побеждены.

13 марта 1942 года

После завтрака (мнею было приличное: манная каша, чай с медом, 300 г хлеба) получил два задания сразу:

1) Отобрать шестерых для утверждения начальниками эшелонов эвакуируемых. Маршрут Ленинград – Омск.

Задание выполнил с перевыполнением – дал 12 человек.

2) Организовать посылку партактива на районное собрание... Обошел 10 организаций, ходил чуть ли не до упаду. Зато мне повезло и меня подкормили в 15 РУ – 2 обеда и 600 г хлеба, обедал вторично в детском очаге на острове Голодай.

Самочувствие паршивое: вены надуваются на сгибах рук и ног и под глазами, все тело зудит и ноет, к тому же болит грудь, мучает сухой кашель. Я явно простыл и схватил бронхит. К вечеру поднялась температура. <...>

Самочувствие противоречит духу и настроению. Веры в свои силы не теряю, и уложить меня в постель не придется – перенесу все невзгоды, а трудности преодолею и все силы отдам работе, борьбе за дело партии, пока работает ум, движутся руки и ноги, нужно действовать на пользу советскому народу, выполнять долг коммуниста.

26 мая 1942 года

Вернулся из Всеволожского района.

30 мая 1942 года

С утра был на фабрике им. Горького и кожзаводе «Марксист». Готовим учет людей для работы на новых оборонных участках.

1 июня 1942 года

Сегодня началась подготовка нового призыва ленинградцев на строительство оборонных рубежей. Предстоит в ближайшие один-два дня скомплектовать 30 сотен рабочих строителей. Приступили к учету людей по предприятиям и учреждениям. К четырем часам основная работа была уже закончена.

3 июня 1942 года

Проверял посылку людей на оборонные работы.

4 июня 1942 года

Был в Институте им. Герцена. Узнал, что убиты Сафонов, Шевелев, рекомендованные мною для вступления ВКП(б). Жаль. Получил письмо из родного села: шестеро убитых, семеро раненых. С 12 ночи и до утра дежурил в райкоме.

5 июня 1942 года

Проверка соцсоревнования. Иду в РЖУ, МПВО.

6 июня 1942 года

Был в детском доме № 82 Петроградского района. Встречался с педагогами.

7 июня 1942 года

Работал в райкоме с 10 до 2 [час.]. Готовил материалы о соцсоревновании. С 14 до 17 час. работал на огороде. Беседовал с детьми в детском доме.

8 июня 1942 года

Обследовал РЖУ, МПВО. Совещание партактива.

10 июня 1942 года

Был на фабрике Горького, на заводе № 4. Дежурил в РК с 6 час. 30 мин. вечера до 9 час. утра.

11 июня 1942 года

После ночного дежурства принимал людей в райкоме. Устал.

12 июня 1942 года

Работа по отбору людей для выполнения спецзадания.

Ю. хитрила, пыталась пристроиться, прикрываясь фразами и прошлыми заслугами. Юла, человек в коммунистическом облачении. Проверить.

Тов. Щеголев секретарь прямой, но еще неопытный.

13 июня 1942 года

С утра был тов. Семичев, совершил глупость: будучи управхозом 14-го домохозяйства, написал заявление от умершей и прописал знакомую. За подлог полагается 109

[статья] УК. Дело передано в суд, а парторганизация выдвинула председателем группкома. Путано и нечисто.

Совещание актива по соцсоревнованию.

16 июня 1942 года

Вечером беседовал с детьми в детском доме № 82. Встреча с детьми воодушевила и ободрила.

17 июня 1942 года

Долго бродил по Смоленскому кладбищу. Тихо и грустно на душе среди могил. Свежая братская могила, цветы. Надпись: «Здесь похоронены дети рабочих 1-й Государственной фабрики им. Урицкого, погибшие от артобстрела 4 апреля 1942 года. Отомстим за невинную кровь фашистским палачам».

Сердце сжалось от боли и ненависти к убийцам. А над головой визжат снаряды. Где-то глухо слышны разрывы.

В одиночестве бродил более двух часов. Чудесная теплая погода, зелень и угрюмые памятники с надгробными надписями по-английски, по-французски, а больше на немецком языке.

Величественный постамент из красного мрамора: «Любимой няне от его императорского величества Александра III». Дата рождения и смерти.

18 июня 1942 года

Обычный день. В 14 часов снова обстрел. Во время обстрела пошел в ГК ВКП(б) на Мойку, 59. Прибыл в точно назначенное время. Инструктор тов. Истомин вел обычную беседу, предлагают пойти в городскую прокуратуру. Заполнил анкету. <...>

По дороге домой меня остановила прилично одетая женщина:

– Простите. Дайте на папироску табаку за деньги.

Сует десять рублей. Отдал ей все, что у меня было. Деньги не взял. Обиделась. Долго благодарила:

– Мне хватит на всю ночь. Спасибо.

В глазах грусть и радость. До чего война довела ленинградцев.

20 июня 1942 года

Дежурил ночь в РК. День прошел обычно.

22 июня 1942 года

Год войны. Попал на 10-й линии под артобстрел.

23 июня 1942 года

С утра тихо. Готовлюсь к выходу на участки д. Корнево, Миннолово и Щегловка, Углово, Бабино, Бернгардовка, Хясники. Времени в обрез, а дел уйма и разбросанность участков порядочная. <...>

Получил в горпрокуратуре пистолет из ремонта. Реализо-

вал талоны на сухофрукты и шоколад.

В 17 часов поехал на вокзал. Радость: видел ребят в поезде, славные ребята покидают Ленинград, рады встрече.

В Углову добрался в 23 часа. Лег спать под писк комаров.

24 июня 1942 года

Осмотрел хозяйство заводов 210, «Вперед», треста Водоканалстрой, 1-й литографии, и кожзавода «Марксист».

Беседовал на поле о международном положении. Много ел травы. <...>

Дел по горло, но вот черт, желудок расстроился. Три раза «задумывался» в кустах, сняв штаны. Комары шкodyт, мешают.

Петр Федосеевич поделился последней картошкой, поджарив ее на рыбьем жире. Вкусно и питательно.

25 июня 1942 года

День провел на полях. Беседую с ленинградскими работницами. Женщины делятся своими рецептами приготовления блюд из трав, да и о нормах питания они научились не думать.

В 23 часа прибыл в Бернгардовку. Удивительно красивая местность. Очаровательная тишина. <...>

Наши славные огородницы творят черт знает что. В жару сажают рассаду капусты на поле, превращенном общими усилиями в утоптанную площадку. Пришлось отменить бес-

смысленную и бесполезную работу и прекратить до вечера напрасный труд.

26 июня 1942 года

Был на концерте в филармонии. Выступали: агитвзвод 55-й армии и агитвзвод 23-й армии. У первого программа боевая, хорошие солисты, танцевальная группа Дворца пионеров, у второго лирическая музыка и классический танец.

После войны будут слушать и смотреть с интересом, а сейчас не веселит и не успокаивает. Душевные раны наши развлеченя не залечат, музыка в работе и борьбе помогает быть естественнее.

Скорей бы начался разгром фашистских мерзавцев. Ох как бить их буду, если снова придется сражаться. Без сожаления, как паразитов, давить их надо. Ждите, падаль смердящая, возмездие. Могуч и беспощаден советский человек в бою.

27 июня 1942 года

Обычный ленинградский день. Ведется отбор людей на оборонные участки.

По пути с завода № 4 попал в зону артобстрела. Простоял в подъезде минут 10–15. Жертв не видел. Население научилось укрываться без паники. Каждый разрыв с шуткой и зло комментируют:

– Огрызается сумасшедший.

– Чует гад скорый свой конец.

А одна старушка всех убеждала:

– Я вот этими руками глаза фашистам выцарапаю <...> Варом из окна буду ошпаривать, пусть только сунут свое поганое рыло в Ленинград – тут им и конец придет.

28 июня 1942 года

Встал в 9 часов утра. Хорошо отдохнул, да и день на редкость солнечный и теплый. Ленинград в такие дни по-особому чарует и близок.

Был в тресте столовых. Отобрал десять человек для оборонных работ.

Посетил 82-й детдом. Среди детей хочется сделать все, чтобы отомстить за наших невинных сирот. Много говорили с заведующей Валентиной Антоновной об эвакуации.

В 14 часов чуть было не попал под разрыв снаряда. Трамвай 12-го маршрута внезапно остановился. Оказалось, вагоновожатый решил утолить жажду стаканчиком современного лимонада. 5–6 минут спасли жизнь многих. В эти самые минуты снаряд попал в Тучков мост.

На улице разорвалось несколько снарядов. Привыкшие к обстрелам прохожие укрылись в подъездах жилых домов. Движение трамваев приостановилось: поврежден путь.

Предприимчивые люди сразу же после обстрела принялись вылавливать всплывшую рыбу. Гансы обеспечили любителей ухой. Вместо ущерба рыболовы получили прибыль

в виде побитой рыбы.

29 июня 1942 года

Рано утром поехал на станцию Дунай. Побывал на торфопредприятии. Встретил много весенних знакомых. Стало больше порядка и четкости.

Вечером читал в бараке доклад «Итоги года войны». Интерес к событиям у слушателей изумительный. Среди них оказалось много воронежцев. Укрепил уверенность в нашей победе. О еде не вздыхали. Сыты.

30 июня 1942 года.

В 11 часов 30 минут выехал в Ленинград. Скорей, скорей в родной город. Выезд из Ленинграда на день тянется, будто неделя. Милый город. Твои раны болью отзываются в сердце. Словно бьют нагайкой по телу, а ты пока терпишь, стиснув зубы, чтобы потом отомстить истязателю так, что он этого никогда не забудет. <...>

В 18 часов был в горкоме. Скоро на новую работу. Хочется во имя победы быть таким на любом посту, каким был Ленин и есть Сталин.

2 июля 1942 года

Обычный день. С утра до 14 часов готовил материалы к бюро райкома. Беседы, анкеты проекты.

Обед.

Время точно остановилось. Читал газеты.

В 16 часов – доклад в 15-м ремесленном училище «Итоги года Отечественной войны». Ребята слушали, глаза блестели. Незаметно пробеседовал до вечера. Благодарили, просили еще рассказать.

В 20 часов – освежающая баня. Точно груз снял с плеч. Дома увлекся стихами Лермонтова.

Радио передает штампованные обычные агитки, с выражением однотонного чувства, но без глубокой мысли. Творчества не хватает, а страсти много деланной.

3 июля 1942 года

Сегодня бюро – это школа. Утвердили трех парторганизаторов, освободили трех парторганизаторов. Некоторые не явились.

Был на фабрике им. Горького. С 17 до 19 часов совещание директоров и секретарей парторганизаций. Получили установки об обязательной эвакуации (женщин, имеющих двух и более детей, инвалидов-пенсионеров, престарелых мужчин старше 60 лет, женщин старше 55 и школьников моложе 15), о поливке и прополке овощей, дисциплине и революционном порядке.

День прошел спокойно, без обстрелов, очевидно, бандитам всыпали.

Стоит теплая погода.

В Севастополе бои на улицах.

4 июля 1942 года

День прошел спокойно, без обстрела. Проверил рост парткадров в Промкомбинате и РЖУ. <...>

С полуночи и до утра дежурю. Слушал музыку и читал «Красную звезду»²¹.

Хороший денек выпал. Не верится, что затишье перед грозой. Севастополь пал, сердце горит от ненависти. Как жаль славный город. Отомстим.

5 июля 1942 года

С утра был на огороде. Прополол капусту и брюкву. В 16 часов начался артобстрел. Гул выстрелов со стороны Стрельны, нарастающий вой снарядов, а затем взрывы в городе.

После обеда отдыхал, был у Валентины Антоновны. Играл с Вовой в шахматы.

Ночевал в детдоме. Днем перегрелся на солнце, ночью сильно болело сердце.

6 июля 1942 года

Проверял работу комсомольской организации на заводе № 4. В цехе № 6 парторг и мастер тов. Д-ов и его дочь – ударники. В цехе № 32 парторг и комсорг – мать и дочь. Много на заводе молодежи. Работают удивительно старательно. Много ударников.

²¹ Общедоступная газета, издаваемая в Москве Наркоматом обороны СССР.

В конце дня потерял ключ.

Вечером в кинотеатре «Форум» смотрел кинокартину «Бравый солдат Швейк».

10 июля 1942 года

День открылся докладом «Ленинско-сталинское руководство в период Отечественной войны». Суть руководства: научное предвидение, учет производительных сил, кадры и их роль, стиль в работе. Затем бюро райкома. Наш вопрос: «Практика подбора, воспитания и расстановке комсомольских кадров» (завод им. Калинина и фабрика Урицкого).

Подготовка к докладу «Военные и политические итоги года Отечественной войны». С 20 до 22 часов делал доклад.

День прошел с пользой.

11 июля 1942 года

Ночью дежурил в райкоме. День провел в делах.

13 июля 1942 года

Целый день на эвакуопункте отбирал квалифицированных рабочих в авиапромышленность. Затем совещание директоров, все по вопросу эвакуации. Вечером дома. Один.

14 июля 1942 года

Вызывают на работу в военную прокуратуру. Снова предстоит сменить пост на военную работу. Ну, Саша, будь на-

стойчив, терпелив и не щади врагов.

15 июля 1942 года

Оформил расчет в райкоме. Завтра перехожу на новую работу. Старые товарищи, жаль с вами расставаться. <...>

Меня ожидает на новом посту сложная работа. Приказ партии для меня – закон жизни.

16 июля 1942 года

Весь день ушел на оформление. Ровно в 10 часов был в отделе кадров, через 10 минут получил мандат. Как и всегда, для того чтобы получить талоны на питание, потребовалось столько формальностей, что слабый может с ног свалиться.

Сначала поехал сменить карточки на форму 7, затем интенданта на месте не оказалось. Значит, завтра придется питаться тем, что бог подаст. Устал хуже, чем от работы. И когда эти хозяйственники будут работать без волокиты, научатся заботиться о людях.

18 июля 1942 года

Весь день на новой работе. С питанием не ладится: завтрак и обед в райкоме. Далеко ездить.

Очная ставка. Свидетели запаздывают, а время не ждет. Обвиняемый – тертый пройдоха. У него все заранее продумано и взвешено. Охотно говорит о вещах, не решающих дело, и упорно отказывается от главного. Где выгодно – перехо-

дит к уловкам, разыгрывает простачка. Использует каждый повод для того, чтобы доказать свою «честность».

Следователь опытный, прокурор немного волнуется, демонстрируя свое возмущение наглой ложью обвиняемого.

19 июля 1942 года

В 11 часов начался допрос свидетеля. Допрашиваемая избрала тактику опытного врага. На вопросы по существу отвечает: «Не знаю», «Не помню», «Я человек темный».

Однако многословна, хорошо помнит события, не имеющие непосредственного отношения к делу. Хитрит, виляет, врет и путается. Не помнит год, но хорошо помнит, что за два года до этого она вышла замуж за обвиняемого. Не знает месяц и время, но прекрасно знает, что событие произошло за два-три дня до Троицы. Не помнит продолжительность времени, но хорошо помнит, что начало совпало с прополкой, а конец – с окончанием прополки свеклы. Не знает, где была она и что делал ее муж, но хорошо знает, когда строили дом, когда жили в доме помещика. Мужа называет гадом, но аккуратно носит передачи. На допрос пришла с узелком для передачи.

Двуличие, ложь, притворство беззастенчивые. Нужны выдержка, спокойствие, громадная сила воли, терпение, терпение и еще раз терпение, чтобы подобную мразь уличить, заставить признать и подтвердить факты, от которых уйти нельзя.

Трудная, но благородная работа. Чтобы вырвать жало у змеи и обезвредить яд, нельзя действовать, чтобы змея при-
творилась сдохшей, а яд отравил жертву. Нужно сначала
обезвредить гада, а затем уничтожить его. Меч революции
беспоощаден и бьет верно и без промаха.

Свидетельница на вид добродушна, весела, говорит с
улыбкой, но все это личина, маска, надетая с целью выгори-
дить мужа. Нет у таких желания помочь народу, Родине –
собственная шкура и личные интересы у них прежде всего.
Враг сам не разоружится, его надо разоружить. А это требует
большого искусства, знаний, а главное, терпения и священ-
ной ненависти к врагу.

Следствие не просто мстит врагу, чтобы уничтожить его,
священная месть и ненависть в следственном деле состоит
в том, чтобы обезвредить гада, не дать ему использовать со-
ветские законы в своих целях, показать, что советский за-
кон – самое острое и верное оружие.

20 июля 1942 года

Идет допрос обвиняемого. Предъявляется ряд докумен-
тов, изъятых при обыске. Признает, что документы принад-
лежат ему, обвиняемому. При допросе ищет лазейку, пыта-
ется увильнуть. Бланки с печатью, продталоны, удостове-
рения на эвакуацию и др.

Ответ: похитил с целью изготовления подложного доку-
мента на всякий случай.

Враг хитер, он факт не отрицает, но не хочет признавать умысел и указать преступную цель. Имеет актерские навыки: возмущается, смело подтверждает то, в чем изобличен, вздыхает, нервничает и готов плакать там, где хочет изобразить из себя «жертву». Не пройдет номер: получишь все, что заслужил.

21 июля 1942 года

Весь день на допросах. Все та же притворная откровенность в показаниях и подчеркивание своей «честности» и старых заслуг. Не выходит, грязная душа не может уйти от темных дел.

После совещание аппарата.

22 июля 1942 года

Готовился к докладу по делу №... Обвиняемые А. и Б. изобличены в порядке применения ст. 58.10, часть 2-я УК РСФСР.

Один обвиняемый дворянин, другой бывший офицер. Вот они, ожидавшие прихода гитлеровских зверей. Не вышло. Обвинительное заключение утвердил. Доклад принят. Этим открываю свой счет мести не разоружившимся гадам.

23 июля 1942 года

Очная ставка. Обвиняемый – бывший уголовник, убийца, десять лет отбывавший наказание, занялся, надеясь выслу-

житься перед сволочью, политикой.

Лжет беззастенчиво. Свидетель обличает его в пораженческих слухах и клевете на советскую власть. Бандит и убийца, вот кто занимается «политикой» и восхваляет «коричневую чуму». Мерзкий тип. Сердце кипит от одной мысли, что приходится дышать одним воздухом с этой падалью в обличии человека.

Да, возвышенно-благороден наш закон и беспощаден к врагам. Это благородное право добыто в борьбе революции, и мы не позволим завоевание лучших сынов народа использовать подонками общества в своих низменных интересах. Славные работники особых отделов зорко стоят на посту, и мы горды вашими трудами, мы всеми своими знаниями поможем вам. Сiju между людей: следователем, которого бесконечно люблю, и горжусь честностью этих людей, и преступником, от близости которого вскипает злоба. Но внешне я спокоен и сдержан.

25 июля 1942 года

День с утра приятный. Началось с хорошего, сытного завтрака. На работе сам провел допрос. Юноша-членовредитель: самострел. Из винтовки ранил себя в указательный палец левой руки. Наивный молодой человек от неопытности и трусости пошел на преступление. Сначала придумал версию. Не представляло большого труда уличить его в умысле. Затем очная ставка по делу И. Преступник хитрый и упря-

мый. Непомерное упрямство привело его с тупик. Он стал отрицать все подряд и тем выдал себя. Уличен неопровержимо. Дело чистое по статье 58.10 часть 2. Устал я изрядно возиться с этими типами, но итоги неплохие. Ядовитое жало не будет наносить вреда впредь.

После обеда снова все то же настойчивое разматывание вредных типов.

26 июля 1942 года

Работал больше обычного. Провел две очные ставки. Первый свидетель не внушает особого доверия. Рисует, путает, говорит вообще.

Обвиняемая возмущена и удивлена. Болтливая обывательница. Упрямо все отрицает. Второй свидетель знает обвиняемую тридцать лет. Серьезная. Говорит только то, что помнит. Уличает убедительно.

Обвиняемая голословно все отрицает. Запуталась в противоречиях. Плачет и играет на чувствах. Упрямство выдаст ее злобу на советский строй. Дело сложное. Нужно много поработать, чтобы не ошибиться.

Получил открытку от Тамары. Милая дочурка, когда увидимся снова? Сердце ноет от тоски по своим и ненависти к мерзавцам. Будем бороться беспощадно. Победим.

27 июля 1942 года

Обычный день. Вечером был в детдоме № 82. Валенти-

на Антоновна завтра эвакуируется. Последние близкие люди выбывают.

Ночевал в детском доме. Спал на диване с Вовой. Милый мальчик, как много в тебе появилась от взрослого. Изменился неузнаваемо.

Проживаемые нами великие дни так суровы, что это чувствуют наши дети. Вова сдержан, пытлив и по-особому нежен. Как хочется доставить мальчику большую радость.

Ночью, несмотря на усталость, думал о детях. Спал ли, не разберусь.

28 июля 1942 года

Встал в 5 часов утра. Совинформбюро принесло весть о сдаче Ростова и Новочеркасска. Подлый враг, захлебнешься в крови, задохнешься от злодеяний. Русский народ еще крепче в руках сжал оружие. Ненависть народа перерастает в ярость, в общий порыв к мщению. Друзья, братья, любимые, умрем, но не падем духом. Как горит сердце, я не могу спокойно дышать: воздух будто отравлен псовым дыханием мерзавцев. Убивать фашистов хочу пуще всего...

29 июля 1942 года

С утра льет дождь. Батареи молчат. Как-то неприятна эта тишина фронтового города. На работе обычные дела. Сводка с фронтов сдержанная. Надеюсь, что вот-вот наступит перелом на юге и враг захлебнется собственной кровью.

В один из дней проснешься и услышишь:

«Врагу нанесен решающий удар. Гитлеровские банды в панике бегут. Второй фронт открыт. В результате в Берлине вспыхнуло восстание. Штурмовые отряды СС расправляются с населением немецких городов, где происходят массовые волнения. Гитлер и его клика издали приказ: “Патронов, снарядов и бомб не жалеть, уничтожать взбунтовавшиеся города, истребляя до последнего жителя”. Посеял ветер – уродилась буря.

Оккупированные области СССР, Литвы, Латвии, Эстонии, Бессарабии полностью очищены от солдат нацистской Германии.

Войска союзников очистили Францию, Бельгию, Голландию, Данию. Бои продолжаются на старых границах Германии, в Польше и Норвегии...»

Скоро так будет.

31 июля 1942 года

Формализм и бюрократизм имеют еще место в нашем фронтовом городе.

Решением горкома ВКП(б) я послан работать в органы прокуратуры. По военной линии состою в запасе как командир.

16 июля назначен помощником военного прокурора Ленинграда по спец. делам. Формально считаюсь вольнонаемным, что создает трудности. Военный прокурор запросил го-

рвоенкомат, чтобы я был призван в РККА и направлен в военную прокуратуру. И вот чиновник, начальник III части майор Соколов, отписывается. Он сообщает, что для решения данного вопроса необходимо обратиться в отдел кадров Политуправления Ленфронта.

Вот до чего доводит умозрение человека-чинуши, он даже прокурору города и партии не верит. С такими командирами только картошку чистить, а не военные дела решать.

День прошел в очных ставках.

1 августа 1942 года

Сегодня у меня особо счастливый день. Я призван в РККА. Служить в армии, Родине, защищать советский народ – священный долг и великая честь воина. Отдавать все знания, силы и опыт жизни – моя сокровенная мечта. <...>

Завтра перехожу на казарменное положение. Иду служить и защищать Родину с гордостью. Вымылся в бане, надел чистое белье. В сердце праздник.

6 августа 1942 года

Очные ставки по делу П. Хитрая, осторожная в словах, но действия артистические. Свидетель Н. дал противоречивые показания. Нужно поработать и изобличить умного противника, чтобы пресечь его действия.

8 августа 1942 года

Очная ставка обвиняемого Е. со свидетелем. «Забыл», «не знаю», «отрицаю» – мокрой курицей выглядит этот бывший активист. По сущности – подхалим. Труслив до отвращения. Слизь, а не человек.

12 августа 1942 года

Работать и не быть ответственным за дело – не в моем духе. Доложил своему начальнику: числиться в резерве больше не могу. Он одобрил мое намерение и дал группу следователей. Учиться на посту – долг перед Родиной. Смотрел дела.

18 августа 1942 года

Просмотрел четыре дела. Дал указания. Тов. Б-а больна. Жаль. Все равно она ведет дела.

Следователь тов. Л. доложил три дела. Человек он, видимо, гордый. Учту его нрав. Сроки затягивает. Нужно его подтянуть.

Вечером в саду Дворца пионеров слушал «Кармен». Артисты все же халтурят старательно. Хорошо ведет чтец.

25 августа 1942 года

Выходной. Был на огороде. Брюкву всю разворовали. Вечером смотрел пьесу «Русские люди».

27 августа 1942 года

Вызвал начальник. Приказал принять дела по КРО у тов.

Ч. Он получил новое назначение.

28 августа 1942 года

Вот взял бы и придушил всех фрицев до единого. Такая злоба палит сердце. Ни капли сожаления, кажется, порою, что весь смысл жизни – бить, бить и бить с наслаждением до опьянения, мерзавцев, принесших столько горя, слез и страданий.

Нет, немцам жизнь оставлять нельзя. Стереть эту расу начисто.

30 августа 1942 года

Месяц заканчивается. Я принял новую группу. Обстановка вполне обеспечивает нормальную работу и жизнь. Теперь можно полностью отдаваться работе, нет нужды терять время на поход на ночлег домой.

Вот результаты: доложил два дела, провел допрос и был на предъявлении статьи 206.

Товарищи по работе обладают своими индивидуальными особенностями.

Б-а – простой человек, умеет четко работать, любит и знает дело. Честна и искренна. Порой резка до самонадеянности, но человек прямой, с открытой русской душой. Готова всегда помочь товарищам.

П-в осторожен, тих и замкнут. Скрытен и чем-то недоволен. С людьми сходится трудно. Я с ним в одной комнате

скачаю. Поможет, если спросишь, но сам навстречу не пойдёт. Дело вести умеет, но чувствуется боязнь, как бы другие не заслонили его. Такие люди в трудную минуту способны забыть товарища.

31 августа 1942 года

Работал со следователем Р. Он скромен, хорошо ведет дело. Чувствуется крепкий большевик. Предъявлял ст. 206.

Прокурора ценят как представителя власти. В 15 часов доложил дело К. и М. Дела приняты.

1 сентября 1942 года

Работа, работа и работа. О личном нет времени подумать. Личное сливается с долгом служения Родине.

Тов. Ч. откомандирован, я принял его дела. Новые люди, дел больше. Допросы, ставки, доклады.

Все идет нормально. События и дела волнуют, захватывают. Уничтожать врагов – дать спокойно стоять на своих постах нашим защитникам – такова задача. Дни победы все ближе.

26 октября 1942 года

В 16 часов пришел домой, чтобы взять белье, полотенце и табак. Когда завертывал белье, со мной стало что-то необычное. Чувствую, все рушится. Сел за стол и, чтобы проверить себя, стал обрезать фотокарточки.

Сохраняю спокойствие, наблюдаю за собой в зеркало. Сознание выпадает.

Вот-вот буду кричать, бить и все ломать. Что это? Боже мой? Да неужели начинаются припадки помешательства? Я буду бороться до последних сил.

Люди, партия, я не хочу погибнуть и быть жертвой пошлых происков врагов. Враги иезуитски взяли у меня все силы и здоровье. Они били меня болезнями. Неужели мне суждено испытать чашу до дна и лишиться рассудка.

Это ужасно, но меня ничего не сломит. Буду стоять на посту до последнего проблеска. Мысли мои мутятся. Неужели конец... Голова моя, сердце, руки – все, что есть во мне живого, хочу отдать борьбе с врагами.

Трепещите, изверги рода человеческого, если я и лишусь рассудка, все равно мое нутро ненавидит вас и я сумею умереть в борьбе на трупе врага народа.

Чувствую, что сознание вернулось ко мне...

Страшно ждать распада мозга. <...>

В. С. Владимиров²². «Умер еще один брат...»

«Похоронили Бориса. <...> 27 января хлеба не было ни в одной булочной. <...> Остались карточки после смерти дяди Феди. <...> Опять послали на сколку льда. <...> Занимаюсь на курсах в Военно-учебном пункте. <...> Скончался самый маленький братишка Коля. <...> Вручили предписание явиться завтра в 7 часов утра с кружкой, ложкой для направления в воинскую часть».

[Не позднее 10] января 1942 года

Хлеба так же рабочим – 350, иждивенцам и детям 200 граммов. Все так плохо чувствуем, что еле ходим. Проходит первая декада, продуктов никаких нет. [Неразборчиво]

Еще приносил капусты кислой от Любы В[неразборчиво], тоже клали в щи. Дядюшка приносил с фабрики шкуры, которые палили, скоблили и через мясорубку пропускали и клали в суп. Еще он приносил муку [неразборчиво] и тоже клали в суп, уже второго никогда нет. Жиров никаких нет уже давно и сладости никакой. Вместо сахара за декабрь получили повидло. За январь нет ничего. Сейчас в [городе]

²² Василий Семенович Владимиров – рабочий завода, обучался на курсах в Военно-учебном пункте, в мае 1942 года призван в действующую армию. Дневник публикуется по автографу, хранящемуся в РДФ ГММОБЛ.

творится жуткая картина. Свету нет уже два месяца, вода замерзла, ходим к дворнику. Уборная тоже не работает. Дров мало, суп варим в печке. Керосина нет, так что из-за супа в комнате холодно. Сидим вечером часов до 8 и 9 с коптилкой, жжем воск. Окна после бомбежки выбиты, забиты фанерой, и днем темно. На заводе нет тока и очень холодно. Мы то гуляем, то нас посылают за углем, пилить и возить дрова или на кладбище зарывать могилы.

Сейчас очень холодно, кровь уже не греет. t° $-28-30$. В городе умирает очень много народу, по 20 тысяч в день. По всем улицам так и везут покойников.

15 января 1942 года

Сегодня в пятом часу утра скончался мой брат Борис 16 лет. В ремесленном училище его кормили плохо и мало. Он постепенно отощал. Через врача мы требовали усиленного питания, но ничего не получили. Его организм требовал жиров, а их он давно уже не пробовал и достать негде. В столовой мучной суп – вода и каша мучная без масла, чай без сахара и хлеб.

19-го [января 1942 года] я получил в магазине по 300 г на детские карточки крупы и на иждивенку 100 г и на мою <...> взял 112,5 г муки, варим суп с клеем и крупой. Еще дали на детские карточки по 75 г масла, на рабочие и иждивенческие – 50 г за две недели – все.

21 января 1942 года

Хоронили Бориса. Сварили суп, на второе немного каши из крупы, которые выдали в ремесленном училище на похороны. С 18 по 21 января проходила перерегистрация карточек. Все ждали прибавки хлеба, говорили, что после 21-го прибавят, но вот уже 21 января, день смерти Ленина, завтра будет семь месяцев войны, а прибавки нет. Не знаю, долго ли еще мы протянем, но пока двигаемся.

Сегодня 24/І-[19]42 года опять радостный день. Хлеба прибавили рабочим – 50 г, служащим – 100 г, иждивенцам и детям – 50 г. Итого стало рабочим – 400 г, служащим – 300 г, детям и иждивенцам – 250 г, но этого, конечно, не хватает, так как больше ничего не дают. Получили муки ржаной. Рабочим 350 г, дет[ям] и иждивенцам 300 г. Варим суп из клея и этой муки.

Сегодня, 27 января [1942 года], хлеба нет ни в какой булочной.

28 января [1942 года] мама стояла с пяти часов утра до двенадцати ночи и не достала.

29 января [1942 года] встал в 5 часов утра и пошел за хлебом. В одиннадцать меня сменила мама, но все же полу-

чила в 12 часов. Я за это время сварил супишко такой же, только без муки, а на всех пятерых две ложки риса. И чай без сахара, попили с солью и хлебом.

Что будет дальше, не знаю, потому все умрем с голоду и холоду. Дрова кончаются, на улице мороз 27–32. В комнате холодно, даже будильник мерзнет. Воды нет, света нет.

Сегодня февраль месяц, 6-е. Мамаша ушла в магазин к 7 часам, сегодня выдали за январь месяц масло животное. Рабочим – 200 г, дет[ям] и иждивенцам – 150 г. Пили кипяток с хлебом, но сегодня даже с маслом. Масло сразу же разделили. Это хорошо, но не из чего сварить супа. Сегодня 6-е, а на новый месяц еще ничего не дают. Вчера получили письмо от Лебедевых (маминой сестры). Они эвакуировались в Ново-сибирск. Пишут, живут и работают хорошо, и продукты есть, а мы здесь так мучаемся.

8 февраля [1942 года]

Сегодня мама ушла в магазин к открытию, говорят, что будут давать мясо, и вот ходила через каждые полчаса, но все же получила по 200 г на детскую и на иждивенческую 200 г. На мою карточку я приносил биточки из столовой, а дядюшка в первую декаду все съел, и крупу. Теперь за январь все. Завтра 9 февраля, по новым карточкам ничего нет.

10 февраля [1942 года] ночью умер дядя Федор, папин брат, наш дядя и крестный.

11 февраля [1942 года] мамаша пришла из магазина в настроении, так как прибавили хлеба. Теперь рабочим – 500 г, детям и иждивенцам – 300 г.

12 февраля [1942 года] объявили норму на крупу: рабочим – 500 г, детям – 300 г и иждивенцам – 250 г. Мы получили на рабочую [карточку] горох, а на мамину – овсянку, теперь ждем мясо, а то с одной крупой суп получается плоховат.

Сегодня, **13 февраля [1942 года]**, получили сахарный песок на рабочие [карточки] по 300 г и иждивенку – 200 г.

14 февраля [1942 года]

Сегодня мама получила на детские карточки сахарный песок по 250 г и крупу, она взяла чечевицу, так как ее уже давно не пробовали, была гречневая.

15 февраля [1942 года]

Воскресение и у нас тоже праздничный день: есть песок сахарный и мамаша получила мясо на рабочие [карточки] по 450 г, на детские и иждивенку – 125 г. Сегодня утром в 10 часов попили чаю, поставили суп – горох с мясом, – всего понемногу, но суп всем понравился. После уже в 1-м часу я пошел на завод, получил деньги и в столовой взял шесть

порций каши пшенной, принес домой. Еще не пропускают с кашей в проходной, но я ее завернул в бумагу и спрятал. Пришел домой, поставили суп с чечевицей, на второе каша пшенная по 200 г. Я еще на рынке купил немного жиру. Кашу поджарили и чай. Только плохо, что все это при копилке, так как света нет, но и то, сегодня у нас такой день, первый за семь месяцев: сегодня и на улице так хорошо, тепло, светло, охота стало жить. Чувствуется, что дело идет к весне.

16 февраля [1942 года]

Сегодня на улице небольшой мороз, у нас и форточка в цветах стала. Мама сегодня ходила в 7 часов в магазин. Нового пока нет ничего, взяла хлеб и, вернувшись домой, поставила самовар. Гриня ушел себе за хлебом и ходил около двух часов, все искал ему нравящиеся маленькие буханки и чтобы хлеб был почерствей. Попили чаю. [На] обед варили суп с чечевицей, вечером суп с горохом.

17 февраля [1942 года]

Мама получила горох вместо крупы. Взяла на свою и дядину [карточки]. Всего дали 370 г, больше пока ничего нет. На мою карточку и на детские хотим взять чего-нибудь другого.

18 февраля [1942 года]

В магазине ничего нет, все идет без изменений: утром чай,

в обед и вечером суп. Мясо кончается, осталось на один раз. Я пока еще не работаю – бюллетеню. Погода стоит еще холодная, ждем как тепла, так и прибавки хлеба, также и выдачи всех продуктов.

19 февраля [1942 года]

Сегодня в магазине ничего нового нет. На мою карточку взяли 300 г муки и 200 г гороху. Сегодня на улице мороз 23°. Я ходил на завод, взял шесть порций каши и принес домой, где половину положили в суп и оставили на завтра к обеду. Мясо кончилось, сахару нет и вместо него кладем в чай муку. Еще осталось на завтра утром попить – и вся мука.

20 февраля [1942 года]

Сегодня мама ушла в магазин в 7 часов. Там уже [собралось] много народу. Объявили по радио, что будут выдаваться сухие овощи. Мама принесла хлеб и ушла в очередь. Принесла сухой картофель. На обед сварили суп с горохом, сухим картофелем по 150 г. На всех получила 900 г. В 11 часов попили чаю. В обед варили суп с горохом и сухим картофелем и положили каши.

Вечером мама купила на детские карточки мелкую перловую крупу. Варили суп с перловкой и картофелем. Легли спать в полде вятого.

21 февраля [1942 года] – третья декада

Сегодня получили мясо на одну рабочую [карточку]. Варили суп. Взяли на одну, потому что была солонина.

22 февраля [1942 года]

Сегодня объявили норму на крупу и масло. Мама пошла в магазин в полседьмого. Там уже была большая очередь, так как объявили еще вчера. К тому же воскресенье – выходной день. Пришла в 11 часов. Получила масла на рабочую [карточку] по 150 г, на детей и иждивенцев – 100 г, мясо 450 г – на рабочую [карточку] и 125 г – на другие. Сегодня делили хлеб на два раза. Сварили суп. Половина первого: попили чайку без сахара и вечером. Теперь ждем сахару, так как не с чем пить чай.

23 февраля[1942 года]. День Красной армии

Сегодня я привез дров от Любы, приехал в час, поел супу, к вечеру сходил на рынок, купил две плитки клея, будем варить студень. Сегодня в 7 часов вечера объявили по радио, что с 24 будут выдавать шоколад по 25 г. Завтра мама пойдет рано утром в магазин.

24 февраля [1942 года]

Получили шоколад уже вечером, так как утром было много народу. Я делал сегодня весь день буржуйку. Вечером варили суп с горохом и студень.

25 февраля [1942 года]

Сегодня встали позже, чем всегда, поставили самовар. Гриня ушел за хлебом, поели студень и стали пить какао с шоколадом, который получили по 25. Сегодня в обед ничего варить не будем. Съел весь хлеб 500 г и не оставил к вечеру. Гриня с Верой доели масло. Я после чая закончил буржуйку и затопил и пошел к врачу. Завтра выпишет на работу. Сегодня будем вечером варить суп на чугуночке. Напилили дров, которые я привез от Любы, и накололи. Сегодня у нас плохо чувствует [себя] мама, болит горло, температура. У Грини с Колей вчера был врач. Выписал молоко. С 1 марта будем получать.

26 февраля [1942 года]

Сегодня объявили норму на мясо и крупу, но мы не получили, так как мама больна, я работал, Гриня пошел – уже мяса не было.

27 февраля [1942 года]

Сегодня я работаю на сколке льда в Новой Деревне под мостом. На обратном пути получил карточки. Сегодня получили сахарный песок: рабочим 300 г, детям 250 г, иждивенцам 200 г – и взяли чечевицы на две рабочие карточки один килограмм, варили суп с чечевицей, но без мяса.

28 февраля [1942 года]

Конец месяца. Еще один месяц прожили, но этот месяц уже гораздо легче, так как у нас были дядины карточки не сданы. Главное – хлеб, да и в этом месяце с выдачей было лучше. Только с маслом было плохо. Всего выдали 150 г на рабочую карточку в месяц.

Сегодня получили мясо и клюкву по 250 г. Варили горох с мясом и пили чай с клюквой. Хлеба маловато.

Сегодня я опять работал на сколке льда, вернее не сколке, а обрубке «быков» на Каменноостровском мосту. Сегодня погода была хорошая. Весь день солнце, но все же холодно-вато. $t - 21^{\circ}$. Скорее бы хоть было потеплее да прибавили бы хлеба. Работали с 10 до 2 [часов]. На обратном пути зашел на завод. Хотел пообедать, но по новым карточкам еще не давали, а крупы на старых у меня не было. Я взял пару сарделек и принес домой. Одну отдал маме, одну себе и понемногу всем попробовать.

1 марта [1942 года]

Воскресение. Я сегодня выходной. Встал в 9 часов. И стал ставить чайник. Мама пошла в магазин и пришла ни с чем, только выкупила хлеб. Попили чайку. Начался большой обстрел в городе, [в] нашем районе. Потом затопили чугунку. Сварили суп, поели, и мы с Гриней пошли в баню. Попали случайно, заплатив 5 рублей, там пускали только по талонам от жакта. Хорошо помылись. Пришли в шесть вечера. В магазине сегодня ничего не было. Погода сегодня холодная, к

тому же ветер и снег. Завтра мне опять колоть лед. Не знаю, как и быть, так как там очень холодно.

2 марта [1942 года]

Я работал опять на льду. После работы пошел на завод, взял два супа гороха и три каши. Теперь вырезают за суп 20 г, а за кашу 40 г. Суп немного лучше, чем был за 12,5 г. Каши теперь вешают перловой и пшеничной по 400 г.

3 марта [1942 года]

Сегодня ровно год, как у меня украли пальто на вечере. В театре пр. Володарского, 53 был от завода вечер. Приятно вспомнить, как мы с другом Виктором Игнатовым хорошо выпили в тот вечер на 3 марта, закусили и пошли на вечер, а теперь в этот день вот сегодня я работал опять на сколке льда, потом пошел на завод, взял два супа с лапшой, но супа все же жидкие, съел с маленьким кусочком хлеба и четыре каши взял домой. Пришел, попилили дров и стали варить суп на буржуйке. Кашу положили в суп, но это бывает все же редко, а то только один суп и чай. Сегодня погода опять холодная, ветер со снегом. Скоро ли будет потеплее. В магазине ничего не дают. Опять затор – прикрепление карточек до 5-го числа.

4 марта [1942 года]

Сегодня пришел на работу к 10 часам. Опять послали

на сколку льда. Работали до 12 часов, так как больше было невозможно. Был сильный пронизывающий ветер и холодно, нас отпустили. Я пошел на завод в столовую. За супом простоял до половины четвертого.

5 марта [1942 года]

Работал опять на Каменноостровском мосту. Сегодня очень холодно, промерз до костей. Работали до двух. Потом зашел в столовую. Съел суп-рассольник без хлеба. Три гороховых каши хотел взять домой, но попробовал и не удержался, съел все.

Дома ничего не было. Получили мясо на детские и иждивенческие [карточки] по 100 г и сварили бульон. Я съел весь свой хлеб и с песком выпил пять кружек чаю, которым опился. Очень вздуло живот, думал, умру.

Сегодня в 12 часов дня по радио объявили норму на мясо 300 г на рабочих и по 100 г на всех остальных, детям – 150 г меланжа. В 7 часов объявили сахар: 300 г – рабочим, 200 г – иждивенцам, 250 г – детям, и сухих фруктов всем по 100 г.

Чувствую себя слабо, нет жиров, мясо сбавили, и хлеба не хватает, а ходить очень далеко, работа тяжелая, рубить, нагнувшись, топором лед, и к тому же очень холодно, а едим только воду и хлеб. Не знаю, как и перенесем все это. Хотя бы хлеба побольше.

6 марта [1942 года]

Работал на льду, после пошел в столовую, взял три порции каши, простоял до четырех часов, принес домой, и положили в суп. Сегодня получили песку на две детские карточки. Больше ничего не было. Сегодня на улице очень холодно. t – 18°, но сильный ветер.

7 марта [1942 года]

Сегодня работал до часу дня, отпустили пораньше в честь женского праздника. Я получил пропуск, скользящий, в столовую. Пошел взял шесть порций супов и принес домой.

8 марта [1942 года]

[В] День женщин получили по 100 г изюму, который весь и съели, и на две детские и одну иждивенческую [карточки] крупу пшено всего 600 г. Вечером суп с пшеном, и на мою карточку взяли мясо 300 г.

Сегодня мама в честь своего женского праздника убирала снег – заставили всех домохозяек. Потом я с ней пошел в столовую. Пообедали, чем она осталась очень довольна, говорила, что всю жизнь не ходила, ну а тут – как в честь праздника.

9 марта [1942 года]

Сегодня я не работал, а только отвел на свое место, а сам пошел домой, принес гороховую кашу.

10 марта [1942 года]

Вторник. Я сегодня выходной. Встали в 9 часов, попилили дровишек на буржуйку, которые я спер еще позавчера в сарае [неразборчиво], и попили чайку. В два часа дня я пошел к Любе (В.). От нее привез дров второй раз еще три полена. Протопили печку немного, так как еще все холодно на улице -16° , а в комнате $+ 7$. Сегодня идет снег. Скорее бы какой-нибудь конец, но [его] не видно.

11 марта [1942 года]

Сегодня с утра работал с заводскими на очистке улицы, скалывали лед у завода. В столовой съел суп с лапшой и овсяную кашку. Пришел домой сегодня пораньше. Сегодня мы с мамой еще раз ходили в столовую, что ей очень нравится. Съели по супу с лапшой и по маленькой сардельке – вес 50 г – с гарниром (лапша) и одну порцию мучной кашки, но хлеба был один кусочек на двоих 50 или 60 г, что, конечно, мало.

Да, еще забыл, получили письмо от тети Симы. Она пишет, что ее мужа Илюшу убили еще 22 августа, и осталась она одна с двумя малышами.

12 [марта 1942 года]. Работал с заводскими на сколке льда. Кончили работать в 12 часов. Сегодня получил повестку на медкомиссию.

13 марта [1942 года]

С сегодняшнего дня начинаю жизнь по-новому, занима-

юсь на ВУПе.

14 марта [1942 года]

Занятия у нас с 7 час. утра до 7 час. вечера. То есть в 7 час. проверка, до 9:00 – завтрак, с 9 до 1 часу – занятия, с часу до двух – обед, с двух до шести – трудовые работы, в половине 7-го – ужин.

15 [марта 1942 года]. Сегодняшнего дня перехожу на казарменное положение. Общежитие на Малой Посадской, д. 26, в институте помещение, которое хорошее и большое, но холодное, и на улице еще пока холодно. Кормят пока плохо: утром – суп, в обед – суп и на второе или студень, или вермишель с маленьким кусочком мяса, вечером – суп и чай, сахарного песка на день – 30 г.

24 марта [1942 года]

До сего времени все приходится ходить ночевать домой, так как в общежитии все места заняты и притом очень холодно. Скоро будут еще отведены комнаты под общежитие теплые. Кормят не так плохо, но мала порция. Утром суп и два стакана чая сладкого, в обед суп, на второе котлетка с гарниром (горох, вермишель), вечером суп и один стакан чая, хлеба тоже мало. Утром и вечером по 150 г, в обед 200 г. Занимаемся по 4 часа и 4 часа трудовая повинность. Проходим станковый пулемет «максим», зачислен в спецвзвод.

На улице все еще холодно, хотя уже начало таять два дня назад, но моя кровь еще плохо греет, все мерзну.

Дома пока что все живы и здоровы, в общем, все еще ходят, здоровье такое вот. Я 23-го пришел домой и пошел достал дров, а то было нечем топить.

Электричества все нет, трамваи тоже не идут <...> приходится ходить пешком, что очень трудно. Ноги еще не окрепли, так как питался я еще хуже до этого и мы все еще [не наелись], нам еще мало хлеба и продуктов, а главное – жиров, что нам их совсем не дают. Рабочим всем в магазинах выдали, а нам не дают. Я никак не дождусь тепла, и дома, и на занятиях, и на работе, и на улице – все время на холоде, согреваюсь только лишь под одеялом, а с 6 до 10 вечера все время на холоде.

29 марта [1942 года]

Воскресенье – наш выходной, но нам приходится сегодня заниматься до обеда. Пообедали, получили ужин и пошли домой.

30 марта [1942 года]

Сейчас у нас идут усиленные занятия, я вот уже второй день имею бюллетень: грипп и понос, – но занятия не пропускаю, боюсь отстать. Теперь будем заниматься четыре часа до обеда, два часа труд[овых] работ, и два часа до ужина станковый пулемет. Всего 6 часов, а если кто отстанет и не

сдаст, тот будет ходить еще столько.

31 марта [1942 года]. Вторник

Прожили еще один месяц, и вновь у нас горе. Сегодня в 12 часов дня скончался самый меньший братишка Коля.

В общем-то этот месяц в смысле выдачи продуктов был самый лучший, так как выдали все: сахар, масло, мясо и крупу. Мне только жалко очень масло, карточки были сданы, а нам там не давали, а в магазине дали 800 г. Кругом видишь – едят масло, а я хлеб, и то плохой и сырой.

Сегодня я ходил на завод, получил карточки. Сразу взял запеканку и съел без хлеба. Хлеб возьму завтра, может быть, прибавят, хотя бы немного.

На улице сегодня тает и тепло, по утрам опять все замерзает. Мы никак не можем дожидаться тепла, и немного улучшилось с питанием, а то ноги не ходят.

11 апреля [1942 года]

С первого апреля по 11 апреля ничего существенного не произошло. За этот период дома у меня получили: масло по 100 г на каждого сливочное, крупы по 250 детям, 200 – иждивенцам, по 100 г селедки, по 100 г еще сахар-песок. Я же занимаюсь пока все время. На ВУПе кормят не так плохо, но все мало. Утром суп, два стакана чаю сладкого, 150 г хлеба. В обед – суп, котлетка 50 г или запеканка с мясом или рыбой, гарниру мало; ужин: суп, один стакан чаю, изредка

дают в обед или ужин запеканку из соевых отжимов или молоко соевое. Уже было несколько раз.

Вот сегодня уже 11 апреля, а на улице еще много снега и льда и все еще свежо, погода пасмурная, сырая, кругом вода. Сегодня я пришел домой за бельем. Завтра пойдем в баню.

На занятиях в военно-учебном пункте мы изучили станковый пулемет, теперь будем изучать мотоцикл и миномет, когда кончим, не знаю.

У меня есть желание поступить в военно-морскую школу, написал заявление. У нас уже некоторые ушли. Там и кормят хорошо, хлеба дают 800 г. Не знаю, как будет дальше, может быть, и я устроюсь туда, сейчас нет времени сходить туда, так как с занятий не отпускают, а в воскресенье, завтра, там выходной. У нас до обеда субботник по уборке города, потом свободны.

12 апреля [1942 года]. Воскресенье

Ничего существенного не произошло. Работали до обеда. После обеда убирали помещения.

16 апреля [1942 года]

Занимался в ВУПе до обеда, после отпустили домой. Я поступаю в Военно-морскую школу. У меня приняли заявление и сказали прийти 20-го с документами. А на ВУПе прошли пулемет, 17-го пойдем стрелять, обещали скоро выдать шинели. Всех перевели на казарменное положение. Погода

сейчас хорошая, тепло, солнце, все тает, уже весна.

28 апреля [1942 года]

У нас опять в семье несчастье. Умер еще один брат, Гриня, тринадцати лет. Умер 27 апреля.

Я сейчас кончаю ВУП со специальностью «станковый пулеметчик». К маю, наверное, нас возьмут в армию. Но я хотел бы справить 1 мая и свой день рождения, а потом уйти в школу, так как в школу военно-морскую мне надо явиться 5 мая. Не знаю, куда попаду, но хотел бы в школу.

29 апреля [1942 года] пришел на пункт и меня направили на медкомиссию.

На пункте меня направили в военкомат, оттуда отправили на медкомиссию.

Прошел комиссию, и дали предписание явиться 30 апреля для отправки в часть. Не дали и справить Первое мая. 1 мая – мой день рождения.

30 [апреля 1942 года] в 7 часов быть в военкомате с ложкой, кружкой и т. д. До свидания.

А. П. Гришкевич²³. «Они собирали карточки... и распределяли хлеб среди дистрофиков»

«Немцы стреляли регулярно, через каждые полчаса <...> “Мне уже не нужно хлеба. Я умираю” <...> Они собирали карточки, шли в магазин и затем распределяли хлеб среди дистрофиков <...> Непогребенных трупов здесь сотни, и с каждым днем их становится больше <...> “Ну подожди же, накручу я сейчас управхозов и комендантов” <...> “Я бы и человеку ела, если б не боялась ответственности”. <...> “Сколько ваших людей погибло?.. Ни одного... Они же работают у пицци...”»

6 сентября 1941 года я, как обычно по субботам, поехал домой помыться и переодеть белье. Уже на Прогоном переулке я почувствовал в поведении людей что-то необычное. Все спешили к трамваю, одни бегом, другие под тяжестью тюков, мелко и быстро семеня ногами. Люди были напуганы. Я поспешил к дому. Только успел спуститься с горы на Прогонном переулке, как в метрах 150 раздался сильный взрыв. Инстинктивно нагнулся к земле и правильно сделал –

²³ Александр Павлович Гришкевич – заведующий сектором печати ЛГК ВКП(б) с сентября 1941 по 1 мая 1943 года.

над головой с визгом пролетел кусок металла. Поднялся и сразу же был засыпан землей и грязью. Отряхнувшись, побежал к дому.

Около дома [№] 9 собралась небольшая толпа любопытных. Снаряд упал между домов, повредив их осколками. Невдалеке лежал разорванный осколками мальчик. Рядом с домом стонали две раненые женщины. Дом оказался закрыт. Все жильцы прятались в выкопанной во дворе щели. Там я увидел своих. Они были напуганы и ошеломлены. Чтобы хоть как-то ободрить их, рассказал анекдот. Не помогло. Вдруг в сотне метров от нас вновь упал снаряд. Дзинькнули стекла. Наступила жуткая тишина, а затем раздались стоны и крики. Значит, опять кого-то ранило.

Отыскал мать. Она ухватила меня за пальто и не отпускала от себя, хотя я никуда и не пытался уйти. Оказывается, немцы уже дали восемь выстрелов по заводу им. Ленина. Ни один из них в цель не попал. Правда, на территории завода два снаряда разорвались – один на шихтовом дворе, другой в медпункте. Все это объяснила мне мать, путая слова и названия. <...>

Немцы стреляли регулярно, через каждые полчаса. В перерыве между выстрелами народ выбирался из траншей, бежал на место разрыва и оказывал первую помощь пострадавшим и через 25 минут снова забирался в укрытие.

Наш дом и траншея оказались на пути между стреляющим орудием и заводом. Снаряды рвались вокруг дома, срывали

крыши, повреждая квартиры. Всего за вечер пострадало 34 человека.

Уговорил мать срочно перебраться, захватив ценные вещи, к Добычину и там остаться несколько дней.

В 9 [часов] вечера направился к Смольному. Выстрелы раздавались все чаще. Только успел пройти сталелитейный цех, находившийся рядом с улицей, как раздался взрыв. Разворотило всю мостовую и заводской забор, цех остался невредим.

На трамвайной остановке собралась толпа с узлами и чемоданами. Все стремились перебраться в Петроградский район. Трамваи задерживались. Дошел до Смольного пешком.

* * *

Ноябрь [1941 года]. Это рассказала мне мать одного моего товарища.

«Я возвращалась из Володарского райисполкома, еле передвигая ногами, думала: вот дойду до магазина и куплю себе хлеба. Страшно хотелось есть, нет, не есть – жрать. Казалось, съела бы любую пищу.

Впереди меня так же медленно шел молодой человек. В его обессиленной походке чувствовалась большая усталость. Он был хорошо одет: кожаное пальто, фетровые бурки, котиковая шапка. Наблюдая за его движениями, я перестала сле-

дить за своими переживаниями. Человек дошел до столба, прислонился к нему спиной и секунду спустя пополз вниз.

Я подошла к нему:

– Вставайте, гражданин.

Он безразлично взглянул на меня:

– Не могу подняться. Не ел уже два дня. Потерял карточки.

– Поднимайтесь, возьмите себя в руки. – Подняла его, взяла под руку, потащила. Он немного ожил и даже попробовал пошутить:

– Вы смерть тащите, а не меня.

– Вот дойдем до магазина, – внушаю ему, – выкуплю хлеб, и вы поедите. Хоть всего 125 г, но все же дойдете до дома.

Так шли мы с ним километра полтора. Вот уже и магазин виден. Остались какие-нибудь 30–40 шагов. Внезапно мой спутник осел. Пробовала удержать его, но сил не было.

– Поднимайтесь. Вот уже и магазин.

Мой молодой спутник прошептал:

– Мне уже не нужно хлеба. Я умираю. Большое спасибо вам... Прощайте.

С помощью прохожих общими усилиями втащили его в магазин. Прибывший на место врач развел руками: “Ничем не могу помочь”».

Январь 1942 [года]. На фабрике «Рабочий» много больных. Болезнь эта по-ученому называется дистрофия – этим мудреным словом прикрывают голод и истощение. Но прикрыть голод невозможно, как нельзя, например, скрыть воду в кулаке. А скрывать надо: нельзя допустить паники – одного из опаснейших врагов всякой организации. И партийное руководство, весь актив фабрики знает это. Люди жертвуют собой, но не пускают панику в цеха. <...>

В партийный комитет прибежала женщина. Секретарю тов. Глазмицкой она что-то тревожно шепчет на ухо, боясь, что я, посторонний незнакомый человек, услышу. Когда женщина вышла, Глазмицкая рассказала следующее:

«Сегодня на разборке утка свалилось несколько женщин. Все, что можно было сделать, столовая сделала. Она сознательно обворовала рабочих и упавших подкормила. Сейчас эти женщины лежат в кабинете начальника цеха.

Этот товарищ, что прибегала ко мне и шептала на ухо, рассказала, в ткацкой фабрике произошел такой же случай. Я не знаю, что делать, так как в столовой ничего нет. Да и не можем систематически “обворовывать” работниц для “дистрофиков”. Придется мобилизовать коммунистов».

Оказывается, на фабрике уже не первый раз проводят такие мобилизации. Она заключается в том, что сама Глаз-

мицкая, директор тов. Юрков, технорук Леновский, секретари цеховых партийных организаций самостоятельно отказываются от своей нормы хлеба. Они собирали карточки, шли в магазин и затем распределяли хлеб среди дистрофиков.

Такая же мобилизация была проведена и сегодня, в ней своей карточкой участвовал и я. <...>

* * *

Январь [1942 года]. На Волковском кладбище. <...> На улицах, прилегающих к погосту, можно найти множество «подкидышей». Одни завернуты, как мумии, другие просто в рабочих костюмах, третьи, что очень редко, в гробах или ящиках подброшены к домам, завезены во дворы, а некоторые валяются на середине улиц. Сколько труда нужно приложить, чтобы убрать этих «подкидышей». Сколько надо иметь наглости, чтобы бросить, как собаку, своего близкого человека. <...>

На кладбище огромное скопление мертвых. Они всюду – между могилами, на тропинках и дорожках. <...> Непогребенных трупов здесь сотни, и с каждым днем их становится больше. К ним уже многие привыкли. На кладбище толкуются десятки мародеров. Подойдут сумерки, они примутся раздевать трупы. Здесь же новоявленные могильщики, спекулируют на бессилии людей. За выкапывание ямы они требуют с несчастных близких умершего по 600–700 рублей или кило-

грамм хлеба и 250 рублей. На кладбище слышен легкий гомон торгующихся. Иногда слышны рыдания. Но это не тоска по ушедшему, а выражение бессилия людей, неспособ[ных] ни заплатить бешеные деньги за могилу, ни самим ее выкопать. <...>

Администрация кладбища в лице двух полуживых людей старается навести порядок, но это им почти не удается. Она организовала рытье могил (траншей) экскаватором, мобилизовала с помощью Московского райкома ВЛКСМ комсомольцев на уборку трупов. Но трупов все еще очень много. Чтобы их убрать с глаз, молодежь сняла с церковки крышу и сложила в церквушке штабель из человеческих тел. Страшно.

* * *

4 февраля [1942 года] с секретарями Смольнинского райкома Кузьменко и Стельмаховичем и председателем райисполкома Шахановым едем по Калашниковой набережной. Шаханов смотрит в окно машины и вдруг принимается громко считать:

– Один, три, пять...

Кузьменко, не сбавляя хода (он правил машиной) решительно заявляет:

– Голову нужно оторвать за такие вещи.

– За какие? – спрашиваю.

Стельмахович поясняет:

– Шаханов считал подкинутые трупы. Люди не довозят до кладбищ своих близких и подбрасывают их у Кировского комбината.

Шаханов ругается:

– Ну, подожди же, накручу я сейчас управхозов и комендантов. <...>

Наутро возвращался в Смольный по это же дороге. У Кировского комбината по-прежнему лежал труп мужчины в рабочем комбинезоне. Он без сапог и шапки. Позвонил Шаханову. <...>

5 февраля [1942 года] рассказал Кожемякин Т. А.:

«Встретил знакомую молодую женщину. Разговорились о жизни. Она сетует на трудности:

– Одно время хорошо мне было. В нашей квартире водилось много крыс и мышей. Я ставлю на них капкан и мышеловки, и таким образом мы (у нее двое детей) каждый день ели дичь. А сейчас вся эта дичь перевелась. <...>

– Слушай, неужели ты до этого дошла?

– Я бы и человечину ела, если б не боялась ответственно-сти».

* * *

5 февраля [1942 года] заместитель председателя СНК СССР т. А. Н. Косыгин вызвал к себе директора треста ресторанов и столовых Фельдмана и спросил:

– Сколько ваших людей умерло или заболело от истощения?

– Ни одного... Они же работают у пищи.

– Хорошо. Значит, это народ стойкий? – спросил, улыбаясь, Косыгин.

– Да...

А. Ф. Евдокимов²⁴. «Кто будет жив, тот никогда не забудет эти дни...»

«Нашел на полу созревшую шелуху от свеклы и картошки. <...> Свои карточки я передал М. Жить стало легче <...> Прибавили хлеба. Выписался с бюллетеня. Хотя и очень слаб, но решил идти в цех. В 6 часов 15 минут раздался ужасный взрыв. <...> В технологической фазе № 17 умерли рабочие Кузьмин и Иванов. <...> За эту зиму я похудел на 13 килограммов. <...> Тов. Сталин приказал разгромить врага в 1942 году. <...> В городе много овощей, и я имею возможность покупать их по дешевке. <...> 19 января 1943 года. Настал и на нашей улице праздник. <...> Вновь копаю огород. <...> Свершилось! <...> То, на что мы надеялись, о чем мечтали, ради чего мы терпели голод и холод, теряли родных и близких, работали и сражались, наконец стало явью».

26 октября 1941 года

Какая-то апатия, вялость и дряблость овладели мною. Устал или ослаб? И то и другое. <...>

За сутки я могу получить в столовой только одну тарелку

²⁴ Алексей Федорович Евдокимов (1917–1995) – мастер участка завода «Краснознаменец». Фрагменты дневника воспроизводятся по автографу, хранящемуся в РДФ ГММОБЛ.

чечевичной похлебки и котлетку без гарнира с воробьиное яйцо. Дома абсолютно ничего нет. Даже не на чем согреть чашку кипятку.

7 ноября 1941 года

Сегодня мы не работаем. Ничего не ел. Столовая закрыта. Сейчас 6 часов вечера. Буду топить печь и варить щи. Сберег несколько листов капусты, которые мне дал мой мастер В-н. Вчера он принес мне несколько картофелин, но я не утерпел и вчера же их съел.

15 ноября 1941 года

Ничего из продуктов даже по карточкам невозможно найти. В моей мастерской вчера раздуло двух человек, сегодня еще два упали. В заводской столовой, кроме тарелки бульона из хряпы, уже больше ничего не дают. В сутки более 50 копеек невозможно потратить.

21 ноября 1941 года

Рабочие валятся с каждым днем все больше и больше. Вчера в бригаде Н-ой не вышел ни один человек. Вся бригада обессилила и заболела.

30 ноября 1941 года

Ох ты, голод, голод! Как тебя только пережить. Кто будет жив, тот никогда не забудет эти дни и всегда будет знать цену

жизни. С голоду опухло почти все население. С улиц исчезают лошади, кошки, собаки. Особенно умирают дети.

Сегодня из тринадцати человек бригады на работу вышли только трое. Десять человек свалились, а одиннадцатый упал в мастерской до обеда.

В столовой бывает только крупяной суп по 8 коп. или щи из свекольной хряпы – 17 коп. Две тарелки не дают.

Придя домой, не мог лечь спать. Упадок сил. Температура 35,4 градуса. Ноги опухли, стало пухнуть лицо.

Нашел на полу созревшую шелуху от свеклы и картошки. Хорошо отмыв и сварив, с аппетитом съел две тарелки. Это еще хорошо, но и этого больше нет.

2 декабря 1941 года

Сегодня узнал радостную весть. Рабочим вредных фаз будут давать дополнительное питание. Всем остальным рабочим будет второе.

5 декабря 1941 года

Сегодня я наблюдал ужасную картину. Выходя из столовой, споткнулся о ноги сидящего старика. Он бессильно полулежал у стены, выбирая из помойного бачка грязные конские кости, и с волчьей жадностью грыз их дряблыми зубами. Это ужасно, но это продлит его жизнь еще на несколько дней.

За ноябрь на продуктовые карточки ничего не мог выку-

пить. Карточки я передал М. Кроме пяти банок шпрот и пол-литра подсолнечного масла, она мне не принесла ничего. Таким образом, она отняла у меня всю норму рыбы, 0,5 кг мяса, 1,5 крупы, 350 г масла, пиво, вино и другие продукты. Она по отношению ко мне поступила подло, зато продлила жизнь двоим своим детям и себе. На первую декаду декабря из продуктов еще ничего не дают.

18 декабря 1941 года

Голод свирепствует. Народ падает, как отравленные мухи; валятся на ходу и больше уже не встают. Хоронят без гробов. Умерли мои лучшие рабочие А. Кузьмин, Баболин, Кузнецов. Боюсь за себя. Впервые подумал, что больше двух недель никак не продержусь. Хочется жить. Очень не хочется умирать, а смерть близка.

21 декабря 1941 года

Умерла Дюбкова. Ночью из 15 человек на работу пришли только мастер Гончарюк и уборщица. Все рабочие опухли, не могут прийти в цех. Вчера из восьми человек упали трое. Отправил на трехтонке в поликлинику.

Не могу ходить. Подламываются ноги. Вздудло живот, кружится голова, темно в глазах. Неужели настал мой черед?

24 декабря 1941 года

В цеху сейчас работаю и днем, и ночью. Домой ходить

некогда. Работаю начальником мастерской и заменяю Статникова и Клебанова. И тот, и другой больны от голода, а мастера исчезают каждый день. Из шести имеющихся в моем распоряжении мастеров трое свалились. Пахомов, Смыслов и Поляков умерли. Сегодня из нашего цеха умерло 8 человек.

Живу в цехе. До 1 января домой пойти, пожалуй, не удастся. Как хочется жить. Только бы не заболеть и не упасть.

1 января 1942 года

Жить стало легче. Прибавили хлеба. Теперь я уже получаю по 350 г. Это уже хорошо. Тем более что в столовой обеды резко улучшились. Мы спасены – смерть была близка. Сегодня на моих глазах умер в цехе один рабочий. Это ужасно.

24 января 1942 года

Трамваи так и не ходят. По-прежнему молчит радио, нет света, нет воды, газеты и письма не носят – живем словно на дне фантастических трущоб. Надеюсь, и для меня наступят дни, когда все это будет вспоминаться как что-то нечеловеческое, неповторимое, однажды геройски пережитое. Как бы скорее всему этому конец. Хочется отдохнуть, хочется еще пожить.

24 января 1942 года

С сего числа прибавили по 50 г хлеба. Теперь получаю уже

400 г настоящего по качеству хлеба.

3 февраля 1942 года

Кружится голова, трудно ходить и не могу стоять (не могу стоять более трех минут). Если суждено упасть, передайте эти записки моей жене. Она должна знать, что и в последние минуты жизни в сердце я с ними.

12 февраля 1942 года

Сегодня проходил мимо кладбища. Я увидел ужасную картину. В яму, вырытую взрывом динамита, было набросано больше сотни ожидающих погребения трупов. Сегодня ночью таким же взрывом их накроют землей, и это будет их вечная могила. Рядом с ямой в беспорядке валялись голые мертвецы без ног, рук, голов, но более всего без мягких мест. Часть трупов завернуты в мешки и простыни (очевидно, они имели родных). Таких бесхозных мертвецов я насчитал более семидесяти штук. Дело было к вечеру, но трупы продолжали подвозить.

13 февраля 1942 года

С 11 февраля прибавили по 100 г хлеба. В магазине стали давать крупу и другие продукты. <...>

В связи с надбавкой хлеб у спекулянтов подешевел. Вместо 800 руб. за килограмм можно найти за 500. Папиросы, пачка, 150 руб., спички, коробка, 10 руб. Продажа без всяко-

го стеснения здесь же, в магазине или около него. Спекулянты набивают карманы. На Ржевке, Пороховых на углу улиц или в магазине образовались толкучки, и такие многолюдные, что не уступают подчас барахолке 1935 г.

Для жителей города положение резко улучшилось; для рабочих нашего завода нет. Последнее время большинство рабочих получали в цеху по два обеда без всякого выреза [талонов]. Сейчас обеды только на вырез. Мое самочувствие стало лучше.

Вновь заговорило радио. Усилилось движение автотранспорта. Город заметно начал оживать.

Умерли Ковенчук, Петя Кудрявцев, Ваня Голубев, Худоба, Егоров и многие другие из моих близких друзей. В цеху работать почти не с кем.

В бараке № 1 завода № 5 рабочий Барановский задушил свою жену, один ребенок умер с голода, другого он убил и наполовину съел. Барановский арестован и через день, сойдя с ума, умер сам.

Случаи продажи человеческого мяса и поедания мертвецов и своих детей резко стали учащаться. Кошек и собак в городе давно нет, и их так же ценят, как и хлеб.

27 февраля 1942 года

Купил еще буханку хлеба. Всего проел уже на хлебе около 1500 руб. Денег больше нет. Жить не на что. Могу считать, что за эти 1500 руб. я купил себе жизнь. Я спас себя. Чув-

ствую себя хорошо. Силы восстанавливаются.

11 марта 1942 года

Заболел 8 марта. Будучи дежурным по цеху, я почувствовал себя слабо и очень скверно. В 9 [часов] вечером была температура 39,2. Всю ночь мучил понос. Пытался вынести болезнь на ногах, но почувствовал свое бессилие. Сегодня большой упадок сил (температура 35,1). Пошел к врачу. Доктор Панина выдала бюллетень и, кроме сухарей да рисового отвара, есть ничего не велела. Интересно, откуда сейчас я могу достать рис или тех же сухарей? Вот формалисты-лекари. Их дело сказать да написать, а лечиться все же изволь сам. Раз так, значит, буду лечиться своими средствами.

19 марта [1942 года]

Выписался с бюллетеня. Хотя и очень слаб, но решил идти в цех. Работал хорошо, чувствовал себя нормально.

20 марта 1942 года

Сегодня у меня выходной день. Выходной для меня, как правило, день голодовки. Обедов в 40-й столовой не дают (нет прикрепления), и приходится жить на сухомятке. Но сегодня я не голодаю. Сыт, как говорят, по горло. В переводе на рыночные цены я проел:

хлеба 2 кг – 600 руб.

масла 200 г – 300 руб.

песок 300 г – 300 руб.

Итого 1200 руб. за один день.

Вот сколько стоит человеку жизнь и как можно быстро разбогатеть, будучи шкуродером. А шкуродеров развелось последнее время очень много и торговля с рук процветает не только на рынках, но у каждого магазина и даже на площади Ржевке.

21 марта 1942 года

Погода ужасная. Ветер, выюга да ржавый мороз. Несмотря на солнце, невозможно идти, не укутавшись и не подняв воротник.

Такую погоду впору иметь суровому январю. Вот это март, черт бы его побрал.

Получил от жены письмо, она его написала 18 февраля. Ей стало известно, что жизнь в Ленинграде связана с большими лишениями, я ей об этом не писал. Да, Граня, если бы ты могла (и была способна) почувствовать, как я борюсь за жизнь, ты бы никогда не захотела отравить мне хотя бы одну минуту этой жизни. А ведь в самые суровые, в самые тяжелые минуты я и во сне, и наяву был только с вами, только, Граня, с тобой. Только теперь, Граня, понял, как я тебя люблю. Как привязан к тебе.

29 марта [1942 года]

Ночь сменилась ужасным днем. С вечера противник на-

чал обстрел района, нащупывая наш завод. Снаряды рвались все ближе. Будучи дежурным по цеху, выставил около зданий посты, проверил маскировку и под утро лег спать. Стрельба продолжалась.

В 6 часов 15 минут раздался ужасный взрыв²⁵. В конторе вылетели стекла, сорвало рамы, двери разлетелись в щепки.

²⁵ Докладываю, что 29 марта 1942 г. на железнодорожных путях станции Ржев-ка произошло 3 взрыва исключительно большой силы – первый взрыв в 6:20, второй – в 6:30 и третий в 6:38. Взрывы произошли в стоящих на железнодорожных путях вагонах. На месте взрыва образовались воронки: первая глубиной 8–10 метров, длиной 50 метров, шириной 50 метров и вторая – глубиной 5–6 метров, длиной 120 метров и шириной 15–20 метров. В результате взрывов разрушено железнодорожное полотно. На заводе № 5 от действия взрывной волны частично разрушены корпуса №№ 143, 146 и 147 сушильного цеха. На Охтинском химкомбинате, фабрике «Пятилетка», заводе Воровского вырваны рамы и частично оконные переплеты. Значительные разрушения произведены в жилом секторе Ржевки и Пороховых. Совершенно разрушено – 50 жилых домов. Повреждений, требующих капитального ремонта (выбиты простенки, сорваны кровли, расшатаны печи), – около 300 жилых домов. Повреждений, требующих текущего ремонта, на сумму около 1,5–2 млн рублей. Общая сумма убытков от разрушений жилых домов около 8 млн рублей. Кроме того, от действия взрывной волны выбиты стекла в нескольких объектах и жилых домах Красногвардейского и Смольнинского районов. Обнаружено значительное количество пострадавших: легкораненых – 564 чел., тяжелораненых – 222 чел. Пострадавшим оказана помощь на месте и произведена их эвакуация в больницы. Точных сведений о количестве убитых нет. В очаге поражения работали силы и автотранспорт 21-го, 22-го и 26-го участков МПВО, 28-й ВГПК, пожарная команда завода № 5 и бойцы 4-го полка МПВО. Работы по оказанию помощи пострадавшим к 19:00 продолжались. На самой станции Ржевка работ не производилось, так как взрывы снарядов в железнодорожных вагонах продолжаются. (Оперативная сводка Штаба пожарной службы МПВО Ленинграда о пожарах и загораниях с 9:00 29 марта по 9:00 30 марта 1942 года.)

Я остался невредим. Взрывы, сотрясающие землю, повторились несколько раз. В направлении пятого завода поднялся столб огня и дыма. Распорядился о выводе людей и обошел цех и был поражен масштабами разрушений.

В 10 часов, получив разрешение на час сходить домой, я воочию увидел кошмарную картину, которой не мог даже вообразить. Всюду раненые и убитые, снег обгазен кровью, слышны стоны и отдаленные разрывы снарядов. От станции Ржевка остались одни угли и обломки железа. Стальные рельсы, вагонные колеса, части паровозов были разметаны взрывом в разные стороны. Отдельные детали улетели, ломая все на своем пути, на сотни метров.

До дома добрался благополучно. В своей квартире обнаружил ту же картину полнейшего разгрома. Рамы и двери сорваны, мебель отброшена от стен и перевернута, на полу груды битых стекол. От моего небогатого жилища остались одни побитые осколками стены да кучи мусора. Немилосердный мартовский ветерок, не встречая преград, вольно гулял по комнатам. Не час, а целый день был я вынужден потратить на латание дыр.

31 марта 1942 года

Стали появляться жертвы взрыва. Очень жаль Тамару Петрову, Фаину и Наумову. Они все погибли. Половина рабочих цеха ранены осколками стекла и обломками. Большинство осталось без крова. Два дня восстанавливаем цех,

убираем стекла и обломки. Выявляем уцелевших работников. Завтра возобновим выпуск продукции.

Погода, как назло, кошмарная. Мороз 15 градусов. Вьюга, небывалый снежный буран. В комнаты веет снег, люди мерзнут, нечем залатать многочисленные дыры. <...>

Снабжение продуктами в этом месяце было исключительно хорошим. На карточки выдали все, что полагается по норме.

Мурманские рабочие прислали нам свой подарок – полторы тонны килек. Сегодня в цехе нам преподнесли их к обеду. Ели мы их вместо меда или чего-то такого, ранее не опробованного. Ну как их не благодарить и как не радоваться за дружескую помощь и братскую солидарность.

7 апреля 1942 года

Немцы беспрерывно обстреливают город. Возобновились бомбардировки. Больше всего достается нашему району. <...>

Погода скверная, совсем не весенняя и холодная. Хотя дыры в комнатах мне удалось заделать, остеклил даже одну раму, но холод невозможный; страшно раздеться и страшнее всего встать.

В технологической фазе № 17 умерли рабочие Кузьмин и Иванов. Дойдя до цеха, они не нашли сил вернуться обратно домой. Смерть от голода тихая, бесшумная и, пожалуй, самая спокойная. Только как не хочется умирать этой смертью.

Спасибо Марусе. На этот раз она меня поддержала. Она

мне дала четыре пачки папирос, овсяных лепешек и пять купонов на крупу. На купоны я мог взять пять порций супа. Часть папирос не утерпел и скурил сам. Нервы все же нет-нет да и зашалят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.